

“Значит, нету разлук.
Существует
громадная встреча...”

МОСКВА | 2016

Составитель Лида Мониава

В оформлении обложки использован рисунок П. Пастернака
«Дом с маяком»

«Значит, нету разлук. Существует громадная встреча...». –
М.: Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера», 2016. – 260 с.

Эта книга трудная, тяжелая, холодным умом непостижимая...
Пожалуйста, читайте ее. Не старайтесь прочесть разом до конца – это трудно, почти невозможно. Не пытайтесь заглушить свои слезы, плачьте. Это самые верные, самые чистые и самые горячие слезы. Они – надежда на встречу. Они – подготовка к ней. Они – знак того, что абсолютной разлуки, как и абсолютной смерти, не существует. Есть только абсолютная вечная и верная любовь. Она – сильнее смерти.

**Настоящее издание подготовлено и распространяется
на некоммерческой основе (не для продажи)**

- © Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера», 2016
- © «Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation», 2016
- © Мониава Л., составление, 2016
- © Гордеева К., предисловие, 2016
- © Майданович Е., перевод на русский язык, 2016
- © Чистяков Г. (наследники), 2016
- © Хилл Х., 2016
- © Грааф Ф. де, 2016
- © Издательский дом «Никея», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (К. Гордеева).....	7
СЛОВО ПАСТЫРЯ.....	12
Митрополит Антоний Сурожский	13
Страдание и смерть детей	13
Человеческие ценности в медицине	23
Смерть	40
Пастырь у постели больного.....	81
Слово к сотрудникам и волонтерам Первого Московского хосписа	117
Священник Георгий Чистяков	120
Нисхождение во ад	120
Страдание и боль: размышления священника	130
О страдании.....	135
О доме на камне и доме на песке.....	141
Умирание или эвтаназия	146
Протоиерей Христофор Хилл	153
На болезнь и смерть детей.....	153
Роль безмолвного созерцания в духовной опеке умирающих.....	157

БЕСЕДЫ С ПСИХОЛОГОМ.....	163
Фредерика де Грааф	163
Смерть детей	163
Есть ли смысл в болезнях?	175
Могут ли психотерапевт и сопровождающий помочь умирающему перед смертью	188
Дадим близкому не жалость, а сострадание	196
Не подавляйте боль разлуки!	224
ПИСЬМА РОДИТЕЛЕЙ.....	229
Амина Садыкова.....	230
Татьяна Байдак.....	232
Денис Лимачев	237
Наталия Чеканова	239
Юлия Ковальская.....	241
Александра Кулакова	243
Дмитрий Акимов.....	244

«ЗНАЧИТ, НЕТУ РАЗЛУК.

СУЩЕСТВУЕТ ГРОМАДНАЯ ВСТРЕЧА...»

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

2016

*Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в темноте обнимает за плечи,
и полны темноты,
и полны темноты и покоя,
мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою.*

*Как легко нам дышать
оттого, что, подобно растенью,
в чьей-то жизни чужой
мы становимся светом и тенью,
или больше того –
оттого, что мы все потеряем,
отбегая навек, мы становимся смертью и раем...*

Иосиф Бродский «От окраины к центру» (1962)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наверное, изо всех дней, что я до сих пор провела на белом свете, этот был самым точным по ощущению неразрывности связи между жизнью и смертью.

День, когда родителей ушедших детей, бывших подопечных благотворительных фондов «Вера», «Подари жизнь» и выездной службы Детского хосписа «Дом с маяком», пригласили на встречу с волонтерами, врачами, сотрудниками хосписа. Друг с другом. И, как оказалось, со своими детьми.

Встречу назначили в театре Женовача. Это в Москве, на Таганке.

Поначалу все шло ужасно неловко: было непонятно, с чего начать, как смотреть друг другу в глаза. Как вообще поднять глаза и начать рассматривать того, кто стоит напротив тебя? Как говорить с тем, чей ребенок умер, если, например, твой – жив? Голова понимает: в случившемся никто не виноват. А сердце – загнанно стучит. Ну и еще, понятное дело, слезы. Всегда не вовремя.

Этот день назвали Днем памяти. Я стояла у входа и все время думала, что для памяти о том, кого ты любил и кого потерял, невозможно выделить какой-то один день. Потеря болит каждую минуту, без регламента...

Приглашенные, и родители и все остальные, входили в театр робко, пытаясь отыскать взглядом кого-то знакомого, с кем можно, поздоровавшись, сцепиться. И дальше уже держаться друг друга. Быть вместе.

С главной стены зала на всех входящих смотрели веселые, занятые детскими делами дети: с куклой, с игрушечным ружьем, в морской волне, на аттракционе, в школьной форме, с нелепым бантом на голове, в лесу у березы, на лошади. Словом, там, где должны быть дети. Такие, какими они обычно бывают в жизни.

Вцепившиеся друг в друга взрослые смотрели в глаза детей на фотографиях и зажимали себе рот, чтобы не закричать, не заплакать. Садились на стул. И дышали часто-часто. И волонтеры в оранжевых майках с надписью «Фонд “Вера”» осторожно вкладывали им в руку стакан воды.

Кто-то придумал зажигать при входе обыкновенные свечи, и весь зал заволокло сладким полуновогодним запахом, обещающим праздник.

Потом вышли студенты театральной студии и стали петь. Дело происходило в вестибюле театра, и потому студенты были всего в шаге от сидящих людей, от родителей детей, умерших от неизлечимой болезни дома, в больнице или хосписе. И, закончив выступление, студенты сами стали хлопать людям, которые сидели перед ними.

Казалось, все хотят броситься друг другу навстречу, обняться, зарыться лицом в руки, грудь, колени и тогда что-то произойдет.

Но все старались держать себя в руках. И никто не пошевелился.

Вынесли микрофон, к нему вышла руководитель Благотворительного фонда помощи хосписам «Вера» Нюта Федермессер. У нее в руках была заготовленная речь. Но руки дрожали, и она не смогла прочесть написанное. Сказала: «Здравствуйте, я вас всех очень люблю». И заплакала. А люди в зале достали свои мобильные телефоны и планшеты и стали снимать. Потому что ее слезы – это их слезы. И возможность плакать вместе, вспоминая того, кого ты любил, – это, пожалуй, то самое главное, ради чего все пришли и на эту встречу. Это – жизнь. И ее нельзя задушить в себе, как бы больно ни было от потери.

Нюта благодарила родителей за то, что они сумели прийти. И говорила: никто ничего на самом деле не понимает про то, что они пережили, – такое переживать не дай Бог. И еще, что любая, даже очень короткая, жизнь должна быть полной любви и счастья. И люди в зале кивали. А один мужчина в последнем ряду, до этого смотревший все время в одну точку перед собой, вдруг заплакал, как ребенок, положив голову на плечо своей жены. И жена гладила его по лысой голове. А со стены на них смотрел их мальчик, их сын. Он беззаботно катился с горки в аквапарке в объятия родителей.

Потом кто-то сказал про звезды, в которые превращаются дети и ждут теперь своих родителей на небе. А кто-то другой – про звонкий бессмертный полк, которым стали эти мальчики и девочки с фотографий. А писатель Людмила Улицкая говорила, что те, кто потерял ребенка, делают в миллион раз чувствительнее к чужой боли, что они – совершенно уникальные люди, сумевшие пройти через невиданное испытание, пережившие такое огромное горе.

А потом еще кто-то заметил, что вот, мол, как удивительно: много пап в зале. Ведь в России больной ребенок прежде всего, как правило, остается без папы. А уже потом без обезболивания, лекарств и достойного ухода.

И мамы взяли пап за руку.

И вдруг один за другим родители стали выходить к микрофону и рассказывать о своих детях: что любили, а чего боялись, во что играли, что пели, какими были их голоса и мечты. Чем болели и как справлялись с болью. Снятся ли теперь своим мамам и папам. И, если снятся, о чем спрашивают и что рассказывают о себе. И каждый рассказ, каждое слово оказывалось крайне важным. Из них вырос-тал человек, которого кто-то до сих пор не знал, а теперь представил и полюбил.

Так закончилась официальная часть, освободившая всех в зале от необходимости сидеть не шевелясь. Все встали...

И наконец обнялись. Выходили на улицу, курили, плакали и снова обнимались. И показывали друг другу, врачам, волонтерам, журналистам или просто кому-то, чье лицо им казалось знакомым, фотографии сыновей и дочек в телефоне.

Папа, который сильно плакал у жены на плече, подошел к волонтерам и спросил, можно ли забрать одну из зажженных при входе свечек домой. И другие тоже взяли себе по свечке. А потом огромной толпой все вышли на улицу и выпустили в небо белые шарики. И одна мама тихо сказала: «Лови, Алинка». И небо отражалось в поднятых вверх глазах.

В эту секунду я совершенно точно знала, что там, наверху, кто-то эти шарики непременно поймает. Подержит в руках и, улыбнувшись, отпустит. Сейчас, сию секунду, через мгновение, через год или через вечность. И это – та самая встреча, к которой мы должны быть готовы, пережив разлуку. Ибо боль нельзя забыть или заглушить – только принять и разделить с тем, кто рядом. И именно это и есть – та огромная, обещанная встреча, та невидимая, но вполне осязаемая нить, связывающая жизнь и смерть тех, кто любит, с теми, кого больше нет, но кто все так же любим и нужен.

Эта книга трудная, тяжелая, холодным умом непостижимая – она как раз об этом.

Пожалуйста, читайте ее. Не старайтесь прочесть разом до конца – это трудно, почти невозможно. Не пытайтесь заглушить свои слезы, плачьте. Это самые верные, самые чистые и самые горячие слезы. Они – надежда на встречу. Они – подготовка к ней. Они – знак того, что абсолютной разлуки, как и абсолютной смерти, не существует. Есть только абсолютная вечная и верная любовь. Она – сильнее смерти.

Катерина Гордеева

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Митрополит
Антоний Сурожский

Священник
Георгий Чистяков

Протоиерей
Христофор Хилл

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

СТРАДАНИЕ И СМЕРТЬ ДЕТЕЙ ¹

Имеем ли мы дело с детьми или со взрослыми в момент боли, страдания, мы никогда не должны забывать тех, кто их окружает. У детей есть родители, у взрослых – супруги, семьи, и не всегда тяжелее всех тому именно, кто несет страдание. Можно бы сказать, что тот, кто страдает физически или терзается душой, весь занят своей тревогой или болью, она поглощает все его духовные и прочие силы; в то время

¹ Выступление 6 сентября 1971 г. в Обществе Младенца Иисуса, Стэнмор, Мидлсекс / Пер. с англ. Е. Майданович из Eastern Churches Review, 1976. Vol. VIII. № 2. P. 107–112. Опубликовано: *Антоний Сурожский Труды*. Т 1. С. 131–134. Практика, 2002.

как окружающие его, особенно если они сознают свое бессилие помочь, проходят через очень сложные и мучительные переживания.

Я хотел бы сказать нечто о страдании и смерти детей, хотя это в большой мере относится и к взрослым, – не только к страдающему ребенку, но к его родителям, друзьям, людям, которые сами не страдают, но кого происходящее затрагивает. Мы не можем подходить к этому вопросу страдания и смерти, если у нас нет позиции, критерия для оценки страдания, и смерти, и жизни. Одна из причин, почему мы так беспомощны перед лицом страдания – в частности, детей, но также и взрослых, – заключается в том, что у нас нет определенной точки зрения на страдание. Мы оказываемся в некоей ситуации, не составив себе мнения, что же мы думаем об испытании как таковом. В наши дни принято считать, что страдание – зло, что его надо избегать, облегчать, отстранять как можно радикальнее. Это приводит, я думаю, к трусости: люди боятся страдания, и этот страх порой более разрушителен, чем само страдание.

Я был врачом около пятнадцати лет, так что у меня есть личный опыт того, как такое отношение к страданию проявляется в больницах и за их стенами. Как правило, человеку внушают: нет никакого основания вам страдать, жизнь должна быть гладкой, все должно быть хорошо; страдание – зло... Поэтому, сталкиваясь со страданием, большинство людей воспринимает это как несправедливость судьбы, как нечто, чего не должно быть. Все это рассматривается как то, что страховые полисы называют «деяния Божии». Выражение это поразительно, потому что, если вникнуть, что именно оно

подразумевает, это оказываются такие ужасы и гадости, которых человек не сделает, – для того нужен Бог... Очень часто так же рассматривается и страдание. Ни один человек не причинил бы его – Бог его допускает. Страдание рассматривается как абсолютно злое, дурное, однако Бог ничего не предпринимает. В результате люди бывают лишены и мужественного подхода к страданию как таковому, и реальной помощи, которую могли бы получить от Бога, если бы не считали в первую очередь именно Его ответственным за все свои несчастья.

Порой ко мне приходят люди с жалобами на свою жизнь. В большинстве случаев они объясняют свою отрицательную реакцию на ее обстоятельства, фактически говоря: «Вот, Бог допустил то-то и то-то; я был бы святым, если бы Бог не сделал мою жизнь невыносимой!» Часто, прежде чем дать разрешительную молитву, я говорю: «Теперь, прежде чем принять прощение от Бога, готовы ли вы простить Ему все содеянное Им зло? – потому что из ваших слов ясно, что причина всех зол – Он». Именно так люди обычно реагируют на страдание – свое собственное и окружающих людей.

Разумеется, я не считаю, что страдание и смерть хороши сами по себе. Но они не являются и односторонним актом Божией жестокости; жизнь на земле гораздо сложнее подобного представления. Бог, Его воля, Его мудрость и Его любовь очень существенны. Силы тьмы играют свою роль; и у человека своя роль между злом, которое могло или может вторгнуться в мир, и добром, которое может покорить его; у человека ужасающая власть позволить тому или

другому одержать верх. Так что когда нам встречается страдание или какое-либо зло, недостаточно обернуться к Богу с обвинением или в отчаянии. Мы должны отдавать себе отчет в том, что ситуация определяется человеческим злом столько же, сколько и другими факторами. Существует коллективная ответственность за конкретное страдание, которую мы должны принять и нести вместе.

В страдание взрослых легче усмотреть приносимую им пользу, чем при страдании детей. В трудностях куется характер. Лишь в страдании можем мы научиться терпению, выдержке, мужеству. Перед лицом страдания других людей мы можем достичь той глубины веры или самоотвержения, какой не достигли бы иначе. *Не* взбунтоваться, *не* запротестовать, а вырасти в гармонию с путями Божиими невозможно без вызова. Помните Распятие: Мать Божия стояла у Креста и не произнесла ни слова в защиту Своего умирающего Божественного Сына. Она не обвиняла тех, кто Его осудил, не восставала против тех, кто с любопытством или безразлично окружал Крест. Она не проронила ни слова. Она принимала смерть Своего Сына с той же совершенной верой и открытой покорностью, с какими Она приняла Его воплощение. Это касается всех, кто стоит рядом со страданием, – всех нас. В этом отношении Мать Божия должна быть для нас образцом и примером. На протяжении всего Евангелия мы видим, как Она дает Своему Сыну идти *Его* путем; а путь этот, вся судьба Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим – трагична. Нам важно помнить Ее пример, когда кто-либо, кто нам дорог, вступает в боль, страдание, муку.

Страдание детей нас больше озадачивает, чем страдание взрослых, потому что в страдании взрослого человека легче увидеть возможность пользы от него, при условии, что человек вырастет в полную меру своего призвания. Но что же ребенок? Может ли страдающий ребенок научиться чему-то подлинно ценному: терпению и смирению, мужеству и выдержке, доверчивой покорности? Мне вспоминается ребенок, о котором говорится в жизни французского святого XIX века. Этот священник спросил мальчика лет девяти, как он может переносить мучительную болезнь, которая в конце концов свела его в могилу. Тот ответил: «Отец, я научился не ощущать сегодня вчерашнего страдания и не предвидеть завтрашнего». На такое способны очень немногие взрослые, ибо страдание – будь то нравственная мука, душевные переживания или физическая боль – обычно становится невыносимым, потому что в каждый момент мы как бы живем и переживаем все уже прошедшие моменты боли и страдания и в каждый момент ожидаем, что так будет вечно, что оно никогда не кончится. И мы не в состоянии противостоять всему прошлому и будущему страданию, хотя в большинстве случаев могли бы противостоять конкретному страданию нашего тела или нашей души в данный момент.

Этот пример говорит о ребенке девяти лет. Что же с детьми моложе, которые еще неспособны рассуждать таким образом? Может ли страдание что-то значить для их бессмертной души, или оно – сплошная бессмыслица и жестокость? Мы склонны думать, что наш

духовный рост происходит при посредстве разума, осознанного отклика, путем интеллектуального возрастания. Мы воображаем, что наша духовная жизнь состоит из раскрывающихся в нас возвышенных мыслей и глубоких чувств. Но не в этом духовная жизнь, не это – жизнь Духа. Это – та промежуточная область, которая не принадлежит ни телу, ни духу. Я поясню свои слова сравнением. Мы крестим ребенка. Чего мы ожидаем – если вообще ожидаем чего-либо? Почему мы считаем, что в этом есть смысл? Потому что мы верим, что, осознанно или нет, живой дух, живая душа ребенка способна встретить лицом к лицу Живого Бога. Независимо от всякого психологического восприятия, всякого интеллектуального или эмоционального отклика, живая душа встречает Живого Бога; и таинства Церкви обращены к этой живой душе, которая в своем познании Бога не зависит ни от интеллекта, ни от сознания.

Но если это так, то это же верно в отношении всего того, что происходит в теле или душе ребенка еще до того момента, когда он может осознавать случающееся на интеллектуальном уровне. Что касается взрослых, из того, что я видел, мне кажется, что это же относится к тем, кто душевно болен, кого не докричатся, кто как будто совершенно отгорожен от окружающего мира. Они могут выздороветь, и мы встречаем их не там, не такими, с какими расстаюсь: эти люди созрели и переросли себя, как будто за пеленой безумия, сумасшествия жизнь Духа продолжалась, потому что Бога нельзя удержать или отстранить тем, что происходит у нас в уме или в эмоциях. Бог имеет непосредственный доступ к человеку. Бог встречает человека

на уровне его души, который в конечном итоге есть уровень молчания, того, что за пределом слов: на уровне Таинств, на уровне того, что может быть познано изнутри молчания, но что нельзя выразить иначе как символически.

Следовательно, если болен ребенок в том возрасте, когда мы не можем ожидать, что он будет сознательно понимать происходящее, когда он еще не способен научиться тому, что требует воли, интеллекта, зрелости чувств, активной веры, активного принятия, то это не означает, что происходящее с ним в теле никуда не ведет, что оно не станет положительным событием или положительным вкладом в его вечную жизнь. И это, я думаю, особенно важно осознать родителям, взрослым, когда с ребенком как будто нет контакта, как в случае умственно недоразвитых детей. Есть предел общению в слове, но нет предела другим формам общения. В конечном итоге и встреча двух людей происходит за пределом слов, она происходит там, где Бог. Мы, в православной Церкви, настаиваем, что беременная женщина должна исповедоваться, должна выправить свою жизнь, причащаться, молиться; потому что связь, существующая между нею и ребенком, такова, что все случающееся с ней случается и с ребенком. Когда ребенок родился, мы ожидаем, что родители молятся над ним. Мы крестим, миропомазуем и причащаем младенцев по той же причине, о которой я говорил выше: потому что Живой Бог может встретить Свое живое создание на той глубине, которая далеко за пределами всех способов человеческого общения. Когда ребенок болен, вне сознательной как бы досягаемости, все еще остается воз-

возможность молиться над этим ребенком, молиться о нем, держать его перед Богом и приобщать его таинствам Церкви. Если бы родители и окружающие такого ребенка люди чаще это осознавали, если бы, вместо того чтобы стараться пробиться через непроходимую стену, они погружались бы в те глубины, где мы все встречаемся в Боге, то могла бы возникнуть осязаемая взаимосвязь, которая стала бы началом вечного взаимоотношения.

Это же относится и к смерти. Бог не есть Бог мертвых. Он есть Бог живых; и если мы живем в Боге, мы живем в близости друг с другом. Часто, когда из этой жизни уходит ребенок (это же относится и к смерти взрослого человека), родители переживают двойную горе. С одной стороны, умер ребенок. Нет больше физического присутствия, нет непосредственного физического общения. Но кроме того, мы странным образом воображаем, что ребенок, умерший младенцем, навсегда им и останется, что он останется вне сознательного контакта, потому что на земле он не развил того интеллекта, который позволяет общение, и тех эмоций, которые нас связывают. Но ведь это живая душа, живущая в Живом Боге и Его силой; и если бы только мы могли достичь глубин собственной души, собственного духа, мы могли бы бесстрашно нести уверенность, что ничто не может разлучать нас. Когда наступит полнота времен, мы встретимся не на уровне нашего психологического богатства или бедности, мы встретимся – дух с духом и душа с душой; это мы должны бы осознать уже теперь, на этой земле. Наши взаимоотношения с теми, кто ушел из этой жизни, не в прошлом и не в будущем: они в настоя-

щем – в том мгновении, которое является настоящим мигом и которое есть место встречи с вечностью, то есть с Богом. Наша связь с теми, кто ушел из этой жизни, в настоящем, принадлежит именно категории вечности, а не времени. Да, действительно, нет физической встречи, физического прикосновения, но в любом случае – не таков уровень нашего взаимообщения. Даже в теперешнем нашем состоянии, когда между нами есть отношения, они не просто обусловлены взаимопониманием, обменом на уровне слов, языка, символов. У нас есть взаимопонимание и отношения в той мере, в какой мы встречаемся в молчании, на глубине, душа с душой. В каком-то смысле подлинное общение начинается там, где все способы общения отстранены. Подлинное взаимопонимание находится за пределом слов. Когда страдает ребенок, мы актом веры должны принять его способность вырасти в более тесную близость с Богом, потому что он – живая душа; и мы должны быть уверены, что то, что с ним происходит, не напрасно. Когда дети уходят из жизни, мы должны помнить, что Бог есть Бог живых.

При всем том нельзя недооценивать прикосновение, физический контакт. Почти все религиозные обряды осуществляются через контакт: возложение рук, благословение – столь многое совершается физически; и мы должны осознавать и воспринимать духовное качество нашего тела. Без тела мы не могли бы причащаться таинству Тела и Крови Христовых, не могли бы приобщиться Богу. Через посредство тела и благодаря тому, что оно представляет, чем является, можем мы иметь это соединение со Христом и Богом. В челове-

ских взаимоотношениях прикосновение играет колоссальную роль. Столько сострадания, любви, нежности можно передать прикосновением руки, не словами и речами, а – положив руки на плечи человека... Это тем более относится к больным детям. Или вернее, нет, не только к детям – потому что в тяжелой, серьезной болезни каждый снова становится ребенком. Прикосновением может быть передано столько многое – таинственное, священное или просто человеческое (что тоже является священным и таинственным); и этому следует научить родителей больных детей: где бессильны слова, где нет как будто пути к общению, есть таинственный путь передачи непередаваемого, того, что невозможно выразить. Любовь, нежность, сострадание, но также веру и доверие – все это можно вложить в жесты и прикосновения, в то, как мы обращаемся с телом.

Нам приходится иметь дело не только с больным ребенком, но и с теми, кто в горе окружают его. Вместо того чтобы погрузиться в печаль, отдаться ее поглощающей и разрушительной власти, они верой должны познать, что участвуют в таинстве, в ситуации, где кончается человеческая сила и властно вступает Божественная Сила, созидающая Царство, в котором каждый ребенок (а все мы – чьи-то дети) участвует так или иначе в тайне Господа Иисуса Христа, родившегося во временный мир, чтобы умереть и через Свою смерть открыть нам несокрушимую вечную жизнь.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В МЕДИЦИНЕ ¹

Я хотел бы поговорить о некоторых основоположных, непреложных человеческих ценностях в их связи с медициной и затронуть вопрос страдания вообще и вопрос смерти, ее места по отношению к нам, медикам, христианам, священникам, потому что я – так уж случилось – одновременно священник и бывший медик.

Сразу после войны, в связи с Нюрнбергским процессом и расследованиями относительно концентрационных лагерей, появились документы об использовании пленных в качестве подопытного материала для медицинских исследований. Не вдаваясь в обсуждение или описание фактов, я хотел бы подчеркнуть, что изначально, с точки зрения медицинской традиции, пациент никогда не может рассматриваться как предмет объективного исследования, с ним нельзя обходиться как с подопытным животным. Я думаю, медицина как отрасль человеческой деятельности занимает совершенно особое место именно потому, что наука в ней сочетается с ценностями, подходом, не имеющими ничего общего с наукой. В основе врачебного подхода – сострадание, а сострадание по самой своей природе ненаучно. Это человеческий подход, который может быть

¹ Human values in Medicine. Delivered to the Bristol Medico-Chirurgical Society on 8th May 1974 / Пер. с англ. Е. Майданович // Bristol Medico-Chirurgical Journal. 1974. Vol. 91 (I/II). 1-я публ. (с небольшими сокращениями): Врач. 1995. № 6.

привнесен в любую отрасль человеческой деятельности, но медицины вовсе не существует вне сострадания, без сострадания. Медик, если он только человек науки, способный холодно, хладнокровно, бесстрастно делать то, что требуется, без всякого отношения к пациенту, медик, для кого главное не пациент, а действие врачевания, будь то лекарственное лечение, хирургическое вмешательство или иные методы, – не медик в том смысле, в котором я надеюсь, я хотел бы, чтобы мы все думали о медицине.

Я помню молодого врача (сейчас он занимает кафедру хирургии во Франции), с которым мы обсуждали перед войной аргументы за и против анестезии при той или иной операции, и он прямо заявил, что единственная цель анестезии – облегчить работу хирурга. Страдает ли пациент или нет – совершенно неважно. Я не преувеличиваю, он именно это говорил и имел в виду, он бы разделал пациента живьем, если бы это можно было сделать без помех, без того, чтобы операция не стала труднее и неудобнее для него, врача. Я также встретил во время войны молодого военнопленного, хирурга. Он имел доступ к пленным солдатам и офицерам своей страны. Я предложил ему свои услуги в качестве анестезиолога. Он пожал плечами и сказал: «Мы имеем дело с солдатами, они должны быть готовы к страданию». И он оперировал без анестезии всякий раз, когда это не создавало проблем ему. Я помню одну из его операций. У солдата был огромный нарыв на ноге, при вскрытии которого врач отказался применить анестезию. Он оперировал без наркоза, солдат выл и ругался. Когда операция кончилась, к пациенту верну-

лось самообладание, и, будучи дисциплинированным и хорошо вымуштрованным солдатом, он извинился перед лейтенантом за свои выражения. И, я помню, тот ответил: «Ничего, ваши выражения были соразмерны вашей боли, я вас извиняю». Но ему и в голову не пришло, что боль была соразмерна его бесчеловечности и полному отсутствию чувства солидарности.

Я даю вам эти примеры потому, что, хотя такие ситуации встречаются не каждый день, люди теряют восприимчивость и порой в самой обычной ситуации могут быть столь холодны, до такой степени лишены человеческого сострадания, чуткости, что теряют право считаться медиками. Они мясники, техники, но не медики. Французский писатель Ларошфуко говорит: «У нас у всех достанет сил, чтобы перенести несчастья ближнего»². Именно этого медик не вправе делать, таким он не может быть. В основе отношения врача к пациенту, к проблеме болезни, ко всей этике и философии медицины лежит сострадание, чувство солидарности, уважение и благоговение перед человеческой жизнью, отдача тому единственному человеку, который сейчас перед ним. Без этого медицинская деятельность может быть чрезвычайно научной, но потеряет самую свою суть.

Однако сострадание не означает сентиментальность. Те из вас, из нас, у кого есть опыт трагических ситуаций, в хирургии или при неотложной медицинской помощи, особенно в напряженных об-

² «Nous avons tous assez de force pour supporter les maux d'autrui». Ларошфуко Ф. де. Максимы / Пер. Э. Линецкой. М.: Худ. лит., 1974. С. 35.

стоятельствах и ситуациях, прекрасно знают, что следует оставаться без эмоций, по крайней мере, пока мы заняты пациентом. Невозможно оперировать под обстрелом в состоянии волнения; стреляют по вам или нет, все ваше внимание должно быть сосредоточено на пациенте, потому что он важнее вас, вы существуете ради него, единственный смысл вашего бытия – он, его нужда. Сострадание – не сочувствие того рода, какое мы временами испытываем, которое порой ощутить легко, а порой вызывается ценой больших усилий воображения. Это не попытка испытать то, что чувствует другой, ведь это просто невозможно, никто не может пережить зубную боль своего ближнего, уж не говоря о более сложных эмоциях, в тот момент, когда человек узнает, что у него рак или лейкемия, что его подстерегает смерть, что ему предстоит умереть.

Но что нам доступно – это чувствовать боль, собственную боль по поводу чужого страдания. Это очень важное различие: надо пройти воспитание, надо решиться воспитывать в себе способность отзываться всем умом, всем сердцем, всем воображением на то, что случается с другими, но не стараться ощутить почти нутром, почти физически страдание, которое не наше, эмоцию, которая не принадлежит нам. Пациент не нуждается в том, чтобы мы ощущали его боль или его страдание, он нуждается в нашей творческой отзывчивости на его страдание и его положение, нуждается в отклике достаточно творческом, чтобы он подвигнул нас к действию, которое в первую очередь коренится в уважении, в благоговении по отношению к *тому* человеку. Не к анонимному пациенту, не к седьмой

койке тринадцатой палаты, но к *человеку*, у которого есть имя, возраст, черты лица, у которого есть муж или жена, или возлюбленный, или ребенок. К кому-то, кто должен стать для нас до предела конкретным и чья жизнь, следовательно, значительна не только потому, что таково наше отношение к жизни вообще, не потому, что нас научили, что наша цель – оберегать жизнь, продлевать ее как можно дольше, но потому, что *этот* определенный человек, нравится он мне или нет, значителен.

Но для кого? На этот вопрос мы можем ответить по-разному, согласно нашей вере или ее отсутствию. Если мы христиане, если мы вообще верим в Бога, если мы верим, что никто не приходит в этот мир иначе как призванный быть, желанный, возлюбленный Богом любви, тогда этот человек значителен по крайней мере для Бога. Но (боюсь, это мы забываем очень легко) нет человека, который не был бы значителен хоть для кого-то. Это касается и злодеев, военных преступников, людей, которых мы обвиняем в бесчеловечности. Кто бы он ни был, у него есть мать, жена, брат, сестра. Возможно, самые близкие люди, действительно любящие того, кого – как представляется нам – следует не любить, а только осудить, знают лишь одну сторону его личности. Вполне возможно, что та сторона, которую знают они, столь же реальна, как та, которую знаем мы, но неизвестна им. В одной из глав «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын подчеркивает тот факт, что человек, мужчина или женщина, совершенно по-разному предстает различным сталкивающимся с ним людям; и он цитирует разговор, который был ему передан. Один из

самых жестоких следователей был женат, и однажды его жена, которая знала его под совершенно иным углом, сказала подруге: «Мой муж такой хороший следователь! Он рассказывал мне, что был заключенный, который неделями отказывался признаться в своих преступлениях, пока его не отправили к моему мужу, и после ночи беседы муж вынудил у него полное признание»³. Эта женщина понятия не имела о том, каким образом это признание было получено. Она не знала мужа с этой стороны. Разумеется, это крайний пример, но никто из нас не знает других со всех сторон.

Мы очень мало знаем себя, мы и не подозреваем, каким человеком мы способны стать при неожиданных обстоятельствах, не под давлением, а просто потому, что мы внезапно растворяемся в анонимности. Столько случается с людьми во время войны, столько многие люди совершают из-за своей безликости: у человека нет имени, он просто один из множества солдат. Я настаиваю на этом, потому что очень легко в некоторых ситуациях сказать, что жизнь данного человека не имеет значения, в то время как жизнь другого важна. Оставляя в стороне ту абсолютную ценность, которую Бог придает каждому из нас, несомненно, что, если мы спросим самих себя или Писание, какова ценность каждого из нас в глазах Бога христиан, мы можем ответить: вся жизнь, вся смерть Христовы... Но, кроме того, как я уже сказал, никто, ни один человек в мире не одинок. Всегда есть кто-то, для кого он значителен, и наше отношение как медиков

³ Ср.: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. М.: Инком НВ, 1991. Ч. 1. Гл. 4. С. 110.

должно быть – благоговение к жизни, не просто в общих словах, но в конкретном призвании: *он* значителен, *она* значительна; как бы это мне ни было непостижимо, есть кто-то, для кого *его* смерть, *ее* страдание – острая боль и подлинная трагедия.

В отношениях между медиком и пациентом есть и другая сторона, которая также связана с чувством сострадания, человеческой солидарностью, с благоговением к его личному, единственному, неповторимому существованию. Это то, как пациент отдает себя в руки врача. Тут есть элемент, который представляется мне очень важным. Врач – это человек, у кого есть сознание значимости и, я бы сказал, священности человеческого тела. Пока мы здоровы, мы думаем о себе как о существах духовных. Конечно, у нас есть тело, которое позволяет нам передвигаться из одного места в другое, действовать, наслаждаться жизнью; мы обладаем пятью чувствами, у нас есть сознание, чувствительность – и все это мы рассматриваем в терминах нашего духовного бытия. Мы принимаем свое тело как нечто само собой разумеющееся, в каком-то смысле мы им пользуемся, как только можем, но никогда не думаем о нем (или думаем очень редко) как о партнере, равноправном с душой. Однако когда это тело слабеет, когда болезнь, боль поражают наше тело, тогда мы внезапно обнаруживаем, что мое тело – это я сам. Я – не мое смятенное сознание, не мои чувства, полные тревоги, я – то тело, которому теперь грозит гибель, которое полно боли. Болезнь эта – не обязательно рак, мы можем лезть на стену от зубной боли. Я однажды попробовал вести себя аскетически или героически: у меня разболелся зуб, и я решил,

что буду просто терпеть – разве я не чисто духовное существо? Мой чистый дух терпел боль в течение дня все с большим трудом, затем настала ночь, и я не мог спать. Как ни странно, мой возвышенный дух не спал из-за моего жалкого тела. И около двух часов ночи я по-рылся в ящике с домашними инструментами и вырвал свой зуб клещами, которые обычно служили для вытаскивания гвоздей.

В тот момент я осознал, что странным образом мое тело и мое «я» можно было отождествить, они необычайно близки одному другому. Разве тот, кто болен – каждый из нас, все мы, – не обнаруживает, какое большое значение имеет наше тело? Что – если это тело разрушается, что – если оно становится непристойной, отвратительной, разлагающейся массой плоти и костей? Подумайте о проказе, подумайте о многих других заболеваниях, которые могут превратить наше тело в нечто отталкивающее, отвратительное. А затем подумайте о том, как вы приводите себя, вернее, как ваш величавый, прекрасный дух приводит это тело к врачу и говорит: «Вот я, беспомощный, без надежды, в страхе. Я болен, я не знаю, что мне делать, но ты – можешь спасти меня. Помогите, будьте внимательны к этому телу, отнеситесь к нему с благоговением, отнеситесь к этому телу заботливо!» И как мы благодарны, когда врач, к которому мы пришли, относится к телу с благоговением, целомудренно. Как мы бываем благодарны, когда обнаруживаем, что врач, которому мы доверили свое тело, понимает, что такое человеческое тело: что это не просто материальная оболочка для нашего возвышенного духа, что тело – это и есть *мы*; и это настолько верно, что, если нет этого тела, – *где я?*

Все это лежит в основе чисто человеческого отношения врача. Но существует множество проблем, прямо связанных с медицинской этикой. Я хотел бы остановиться на двух вопросах. Один из элементов клятвы Гиппократата, или старой врачебной клятвы, гласит, что врач будет сохранять жизнь и облегчать страдания больного. Практически вплоть до последней войны не возникало проблем относительно пределов деятельности врача. Лишь после войны ситуация вышла из-под контроля в том смысле, что сейчас мы располагаем лекарствами и овладели хирургическими и иными приемами, позволяющими унимать страдание до ранее недоступных пределов, успокаивать душевные муки и боль и продлевать жизнь. Так вот: до какого предела мы вправе зайти в этом направлении? Позволительно ли и возможно ли идти в этом направлении до бесконечности, или же есть критерии, которые позволят нам (или заставят нас) войти в сотрудничество со страданием и смертью? Я поясню слово «сотрудничество» одним примером.

Некоторые из вас, возможно, читали книгу Аксея Мунте, очень популярную в тридцатые годы книгу о Сан-Микеле⁴. Я читал ее давно и не могу вспомнить в деталях то, что хочу изложить вам, но суть вот в чем. Когда автор был молодым студентом-медиком в парижском госпитале Отель-Дье (где и я начинал свое медицинское образование), сначала у него было впечатление, что суть медицины – в борьбе между врачом и его врагом: смертью. Смерть надо

⁴ Мунте А. Легенда о Сан-Микеле. М.: Худ. лит., 1968.

победить, смерть надо ненавидеть, смерть нельзя принять, ей надо противостоять любыми средствами. А затем, наблюдая за врачами и особенно, возможно, за сестрами, он обнаружил в том, что касается пациента, гораздо более тонкое взаимоотношение между врачом и смертью. Есть период, когда можно бороться за жизнь, надежда велика, медицинские средства обнадеживают в большей или меньшей степени, и, действительно, надежда порой оправдывается. Но в иных случаях, с другими пациентами, несмотря на все, что предпринято, жизнь не может сопротивляться натиску распада, болезни, будь то инфекция, рак, туберкулез или старость. И он с изумлением, а затем и с возрастающим интересом, с чувством, которое все углублялось в нем, заметил, что между врачом и смертью устанавливается новое взаимоотношение и что приходит момент, когда врач будто обращивается к смерти и говорит: «Мое время прошло, настало твое время; давай сотрудничать, вступи, будь добра!»

Я думаю, это отношение к смерти очень важно, оно просто соответствует реальности жизни. Верующие мы или неверующие, мы все стоим перед тем фактом, что придет момент, когда борьба, сражение за то, чтобы человек не умер, превратит его тело, и ум, и сердце в поле битвы – все существо человека будет раздираемо, попираемо. Борьба будет идти не за этого конкретного человека, борьба будет анонимна. Это будет анонимная битва против смерти, безотносительно того, что сам человек претерпевает в процессе этой борьбы за его жизнь. Опыт показал мне (и я должен с грустью сказать, что мой опыт умирающих велик – в семье и вокруг,

в годы войны, в годы обучения и работы в госпиталях, а также за все годы моего священства), что два рода людей спокойно встречают смерть. Они сравнительно редки. Это истинно верующие и искренние неверующие. Не могут смотреть в лицо смерти полуверки или те, кто верит на четвертушку, люди незрелые, люди, которые не верят в жизнь, в вечность, в Бога, но в то же время не уверены, что умирание означает полное уничтожение. Если бы можно было думать о смерти в терминах полного уничтожения, *небытия*, проблемы в каком-то смысле не было бы. Но беда в том, затруднение в том (вы ведь знаете, насколько ход мыслей в нашем сознании бывает лишен логики), что многие люди думают: да, но как ужасно будет обнаружить, что меня больше нет... Вы смеетесь, но спросите себя, насколько вы бываете логичны в других областях и насколько вы уверены, что сами, думая о смерти – не чьей-то, а своей собственной, – не почувствуете, что будет ужасно впасть в *небытие* и увидеть: я – пустота, от меня ничего не осталось...

Разумеется, с точки зрения логики это абсурд, но очень многое в нашей жизни абсурдно. Люди неверующие, по-настоящему уверенные в полном своем уничтожении, могут умирать – я это видел, а также люди, которые встречаются со смертью в момент, в ситуации, которая придает смысл их смерти. Я вам дам пример. Мотивы его я похвалить не могу, но он хорошо иллюстрирует именно это отношение. Во время боев в 1940 году я был на фронте, принимал раненых, и мне сказали, что в углу нашей палатки двое умирающих немцев. Поскольку я говорю по-немецки, меня попросили сказать

им несколько слов, чтобы им было не так одиноко умирать. Они были до того изрешечены пулями, что это не поддается описанию. Я обратился к одному из них и, просто чтобы что-то сказать, спросил: «Очень страдаешь?» Он на меня посмотрел угасающим взором и ответил: «Я не чувствую страдания – мы же вас бьем!» Я не хочу сказать, что причина, по которой он забыл о собственных страданиях, хороша сама по себе, но так же сказали бы мученики, так же сказала бы мать, если бы речь шла о жизни ее ребенка.

Мы можем смотреть в лицо смерти, если что-то придает ей смысл, если наша вера позволяет нам рассматривать смерть как один из этапов жизни, иначе мы на это не способны. Роль врача, дилемма для врача вот где. В реальной ситуации мы не спрашиваем, точнее вы не спрашиваете пациента, что он думает о жизни и смерти. Вы заставляете его жить, вернее, не жить, а существовать, претерпевать жизнь. Вы продлеваете его жизнь, заставляете его пережить себя и претерпевать всю тяжесть, и боль, и тяготу этого выживания дольше, чем он бы хотел, и в этом этическая проблема для профессиональных медиков. Но как возможно разрешить эту проблему? Не иначе как учитывая человеческие ценности и немедицинские факторы, потому что, если у нас нет определенного отношения к жизни и ее ценностям, к смерти и ее месту и значению, нам не остается иного выбора, кроме как заставлять людей жить, пока они не смогут наконец со вздохом облегчения вырваться из наших рук и войти в покой. Но это проблема, с которой должны считаться практикующие медики, она должна быть предметом размышления студента-медика. Да, жизнь –

высшая ценность, но является ли *жизнью* простое ее дление? Да, для христианина смерть – последний враг, которого надо победить, но является ли победой над смертью просто искусственное поддержание жизни в ком-то, в ком ее не осталось? Является ли искусственное продление жизни частью нашей человеческой борьбы за победу жизни над смертью? Я не решаю эту проблему за вас, я ставлю ее вам: у меня самого есть по этому поводу собственное мнение.

Надо принимать в учет и страдание. Нам теперь известны средства облегчать как физические страдания, так и душевные переживания и муку. Оправданно ли употребление этих средств? Вы, вероятно, сразу пожмете плечами и скажете: конечно, разве не в этом наша цель, разве не этого каждый, кто страдает, ожидает от нас? Возможно, и так, но в какой момент мы должны вмешаться и до какой степени? Это опять-таки вопрос человеческих ценностей. Какова нравственная ценность личности, которая перед лицом тяжелой утраты предпочитает погрузиться в бесчувственность, предпочитает избежать боли, и страдания, и ужаса утраты? Что это говорит о взаимоотношении, какое было между этим человеком и тем, который умер? Такая позиция определяется отношением к жизни, и отношением к смерти, и отношением к себе, определяется страхом, определяется она очень многим, но достойна ли она человека, можно ли ее оправдать? Хотел бы кто-либо из нас, чтобы его жена, мать, дочь отказались принять горечь утраты его и сказали: «Я хочу забыться, я хочу чувствовать, будто он не умер или будто это не имеет значения»? Что это говорит о человеческих взаимоотношениях,

о которых мы твердим до бесконечности, до тошноты? Где моя любовь, если я скажу: «Теперь, когда любимый умер, любимая умерла, – лучше забыть об этом, лучше стать бесчувственным, потому что это меня расстраивает»? И еще: какова человеческая ценность того, кто настолько боится страдания, что от страха страдания никогда не посмотрит в лицо никакому физическому испытанию?

Я был воспитан, возможно, странным образом, но благодарен этому. Что касается смерти, я помню две фразы моего отца. Когда я был очень молод, мы говорили о смерти, и, не объясняя мне, что это такое, потому что этого надо дознаться самостоятельно, отец сказал мне: «Научись в течение всей жизни так ждать свою смерть, как юноша ждет свою невесту». И еще: «Помни: жив ты или мертв – не имеет значения, даже для тебя. Важно, ради чего ты живешь и ради чего ты готов умереть». Это относится к смерти, это относится и к страданию. Что я готов вынести? Чему меня научит врач в отношении моего страдания? Проще всего щедро снабжать пациентов успокоительными средствами, аспирином, фенobarбиталом и прочим, чтобы никто из них не страдал. Но какова цена этому? Только в преодолении трудностей наш характер крепчает, растет мужество, способность бороться и отстаивать наши ценности. Разве следует подрывать это, поощрять трусость, позволять людям жить в страхе и из-за страха уходить от вызова, который бросают нам жизнь, смерть, страдание?

С другой стороны – и это, думаю, вполне очевидно, – если начать облегчать боль, вы сначала способны выдерживать какую-то ее сте-

пень, а затем меньше, еще меньше, и когда вы уверены, что в любой момент можете быть избавлены от боли, вступает новое страдание: боязнь боли. Есть люди, которые принимают аспирин, чтобы не заболели зубы. Можно сказать: какое нам, врачам, дело? Пациент приходит, и мое дело – отозваться на его потребность. Нет, наше дело – не просто отозваться на его потребность, так же как дело священника – не просто отзываться на нужду. Мы не лавка, не ресторан, мы не цирк, наше дело – не просто раздавать то, что нам приказано раздавать. В современном обществе, где у людей – по крайней мере теоретически – возросло чувство общности, взаимной ответственности, солидарности (я не говорю о высших качествах любви, потому что она далеко выше нашего обычного уровня), мы обязаны ставить своего ближнего и, разумеется, в первую очередь самих себя перед требованием быть человеком. А быть человеком – великое дело, это подразумевает дерзание, бесстрашие, творческий подход. И все это не выше человеческих возможностей, только мы сами недостаточно используем свои возможности.

Я опять-таки думаю о Солженицыне. В какой-то момент он был задержан КГБ и имел одну из тех «милых» бесед, какие можно иметь с политическим сыском. Ему было сказано замолкнуть, больше не писать, не говорить, стать как все – и он отказался. Тогда ему сказали: «Вы уже были в тюрьме, в лагере, разве вы не понимаете, что мы можем с вами сделать?» И он ответил: «Да, вы уже сделали со мной все, что могли, и не сломили меня, и я вас больше не боюсь». Мы восхищаемся им, но можем ли мы подражать ему, если

не готовы противостоять трудностям? Не воображаете ли вы, что пробыть несколько лет в тюрьме и концлагере – своего рода харизма, которая дает человеку бесконечную выносливость, героическое мужество? Нет, в тюрьму попадаешь, в лагерь отправляешься с тем количеством мужества, какое у тебя есть. Разумеется (и это другая сторона вопроса), если мы позволяем себе жить по самой низшей отметке, если удовлетворяемся тем, что пресмыкаемся, вместо того чтобы жить, если наша жизнь – трясина, когда она могла бы быть ключом, тогда, конечно, мы ничего не можем требовать от себя.

Я хотел бы дать вам пример и не богословский, и не медицинский. Во время одной из бомбардировок Парижа я был в увольнении и оказался на четвертом этаже дома с матерью и бабушкой. Мы никогда не спускались в убежище, потому что нам казалось, что лучше уж взлететь на воздух, чем быть погребенными под землей. Мы посидели, затем моя мать сделала очень заманчивое предложение – пойти на кухню, развести огонь из кучки усердно нами собранных щепок, согреть воды и назвать это чаем: это все, что у нас было. Она пошла на кухню, раздался взрыв, затем ее крик, и я подумал, что маму ранило. (Она никогда не боялась обстрела, она и до революции вела очень мужественную жизнь.) Я бросился на кухню и нашел мать на четвереньках на кухонном столе. Она указывала в угол и говорила: «Там... там...» – а там была мышь. Интересно, осознавали ли вы когда-нибудь, как трудно посмотреть на мышь? Она слишком мала, она далеко внизу. Посмотреть можно на что-то большое, что является вызовом для нас, но если смотреть на мышь, нет ни мыши, ни

человека, – мы не умеем стать во весь рост перед этими мышами, сами делаемся маленькими, в их рост... пока нас не съест кошка.

Это приложимо к страданию, это приложимо к нашему отношению к смерти. Я верю и хотел бы, чтобы и вы верили, что в ответственном обществе, которое хочет построить град человеческий, достойный Человека (и для тех из нас, кто верующий, – град человеческий, который мог бы вырасти в град Божий), роль медика, как и священника, как и каждого члена общества, но в своем роде, – не уклониться от вызова, какой ставит нам жизнь, не быть тем, кто делает людей податливыми, трусливыми, беспомощными. Это профессия, у которой есть видение жизни, потому что у нас есть видение смерти и их противостояния, потому что у нас есть видение того, что такое человек, и благодаря этому видению мы не смеем позволить себе или кому бы то ни было быть ниже человеческого роста.

СМЕРТЬ¹

Меня просили сказать нечто о смерти – о подготовке к ней и о том, как можно думать о смерти и встречать ее. В завершение я хотел бы поговорить о некоторых обрядах Православной Церкви, связанных со смертью, о том, что происходит с телом усопшего и как мы относимся к этому телу, которое было проводником всего, что делала душа.

Память смертная

Для начала я хотел бы попытаться рассеять отношение к смерти, которое выработалось у современного человека: страх, отвержение, чувство, будто смерть – худшее, что может с нами произойти, и что надо всеми силами стремиться выжить, даже если выживание очень мало напоминает настоящую жизнь.

В древности, когда христиане были ближе и к своим языческим корням, и к волнующему, потрясающему опыту обращения, к откровению – во Христе и через Него – Живого Бога, о смерти говорили как о рождении в вечную жизнь. Смерть воспринималась не как конец, не как окончательное поражение, а как начало. Жизнь

¹ Пер. с англ. Е. Майданович Death and bereavement. London, 1984. Беседы в Лондонском приходе (апрель—май 1984 г.) 1-я публ.: Жизнь. Болезнь. Смерть. М.: Зачатьевский монастырь, 1995. Подзаголовки даны переводчиком.

рассматривалась как путь к вечности, войти в которую можно открывшимися вратами смерти. Вот почему древние христиане так часто напоминали друг другу о смерти, вот почему в молитвах, которые, как драгоценное наследие, передал нам Иоанн Златоустый, есть строки, где мы просим Бога дать нам *память смертную*. Когда современный человек слышит подобное, он обычно реагирует неприятием, отвращением. Означают ли эти слова, что мы должны помнить: смерть, точно дамоклов меч, висит над нами на волоске, праздник жизни может трагически, жестоко окончиться в любой момент? Являются ли они напоминанием при всякой встречающейся нам радости, что она непременно пройдет? Значат ли они, что мы стремимся омрачить свет каждого дня страхом грядущей смерти?

Не таково было ощущение христиан в древности. Они воспринимали смерть как решающий момент, когда окончится время делания на земле, и, значит, надо торопиться, надо спешить совершить на земле все, что в наших силах. А целью жизни, особенно в понимании духовных наставников, было – стать той подлинной личностью, какой мы были задуманы Богом, в меру сил приблизиться к тому, что апостол Павел называет *полнотой роста Христова* (Еф. 4:13), стать – возможно совершеннее – неискаженным образом Божиим.

Апостол Павел в одном из Посланий говорит, что мы должны дорожить временем, потому что *дни лукавы* (Еф. 5:16). И действительно, разве не обманывает нас время? Разве не проводим мы дни своей жизни так, будто наскоро, небрежно пишем черновик жизни, который когда-то перепишем начисто, будто мы только собираемся

строить, только копим все то, что позднее составит красоту, гармонию и смысл? Мы живем так из года в год, не делая в полноте, до конца, в совершенстве то, что могли бы сделать, потому что «еще есть время»: это мы dokonчим позднее, это можно сделать потом, когда-нибудь мы напишем чистовик. Годы проходят, мы ничего не делаем, – не только потому, что приходит смерть и пожинает нас, но и потому, что на каждом этапе жизни мы становимся неспособными к тому, что могли сделать прежде. В зрелые годы мы не можем осуществить прекрасную и полную содержания юность, и в старости мы не можем явить Богу и миру то, чем мы могли быть в годы зрелости. Есть время для всякой вещи, но когда время ушло, какие-то вещи уже осуществить невозможно.

Я часто цитирую слова Виктора Гюго, который говорит, что есть огонь в глазах юноши и должен быть свет в глазах старика². Яркое горение затухает, наступает время светить, но когда настало время быть светом, уже невозможно сделать то, что могло быть сделано в дни горения. Дни лукавы, время обманчиво. И когда говорится, что мы должны помнить смерть, это говорится не для того, чтобы мы боялись жизни, – это говорится для того, чтобы мы жили со всей

² Тот возвращается к первичному истоку,
Кто в вечность устремлен от преходящих дней.
Горит огонь в очах у молодых людей,
Но льется ровный свет из старческого ока.

Гюго В. Спящий Вооз. Собр. соч.: В 15 т. / Пер. Н. Рыковой. М., 1956. Т. 13. С. 319.

напряженностью, какая могла бы у нас быть, если бы мы сознавали, что каждый миг – единственный для нас, и каждый момент, каждый миг нашей жизни должен быть совершенным, должен быть не спадом, а вершиной волны, не поражением, а победой. И когда я говорю о поражении и о победе, я не имею в виду внешний успех или его отсутствие. Я имею в виду внутреннее становление, возрастание, способность быть в совершенстве и в полноте всем, что мы есть в данный момент.

Ценность времени

Подумайте, каков был бы каждый момент нашей жизни, если бы мы знали, что он может стать последним, что этот момент нам дан, чтобы достичь какого-то совершенства, что слова, которые мы произносим, – последние наши слова, и поэтому должны выражать всю красоту, всю мудрость, все знание, но также и в первую очередь – всю любовь, которой мы научились в течение своей жизни, коротка ли она была или длинна. Как бы мы поступали в наших взаимных отношениях, если бы настоящий миг был единственным в нашем распоряжении и если бы этот миг должен был выразить, воплотить всю нашу любовь и заботу? Мы жили бы с напряженностью и с глубиной, иначе нам недоступными. И мы редко сознаем, что такое настоящий миг. Мы переходим из прошлого в будущее и не переживаем реально и в полноте настоящий момент.

Достоевский в дневнике рассказывает о том, что случилось с ним, когда, приговоренный к смерти, он стоял перед казнью, – как он

стоял и смотрел вокруг себя. Как великолепен был свет, и как чудесен воздух, которым он дышал, и как прекрасен мир вокруг, как драгоценен каждый миг, пока он был еще жив, хотя на грани смерти. «О, – сказал он в тот миг, – если бы мне даровали жизнь, ни одно мгновение ее я не потерял бы...»³ Жизнь была дарована – и сколько ее было растеряно!

Если бы мы сознавали это, как бы мы относились друг ко другу, да и к себе самим? Если бы я знал, если бы вы знали, что человек, с которым вы разговариваете, может вот-вот умереть и что звук вашего голоса, содержание ваших слов, ваши движения, ваше отношение к нему, ваши намерения станут последним, что он воспримет и унесет в вечность, – как внимательно, как заботливо, с какой любовью мы бы поступали! Опыт показывает, что перед лицом смерти стирается всякая обида, горечь, взаимное отвержение. Смерть слишком велика рядом с тем, что должно бы быть ничтожно даже в масштабе временной жизни.

Таким образом, смерть, мысль о ней, память о ней – как бы единственное, что придает жизни высший смысл. Жить в уровень требований смерти означает жить так, чтобы смерть могла прийти в любой момент и встретить нас на гребне волны, а не на ее спаде, так, чтобы наши последние слова не были пустыми и наше последнее движение не было легкомысленным жестом. Те из нас, кому случи-

³ Ср.: *Достоевский Ф. М.* Идиот. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1970–1990. Т. 6. С. 52. См. также письмо к М. М. Достоевскому от 22 декабря 1849 г. Там же: Т. 28. Ч. 1. С. 161–165.

лось жить какое-то время с умирающим человеком, с человеком, который осознавал, как и мы, приближение смерти, вероятно, поняли, что присутствие смерти может означать для взаимных отношений. Оно означает, что каждое слово должно содержать все благоговение, всю красоту, всю гармонию и любовь, которые как бы спали в этих отношениях. Оно означает, что нет ничего слишком мелкого, потому что все, как бы ни было оно мало, может быть выражением любви или ее отрицанием.

Личные воспоминания: смерть матери

Моя мать три года умирала от рака. Ее оперировали – и unsuccessfully. Доктор сообщил мне это и добавил: «Но, конечно, вы ничего не скажете своей матери». Я ответил: «Конечно, скажу». Помню, я пришел к ней и сказал, что доктор звонил и сообщил, что операция не удалась. Мы помолчали, а потом моя мать сказала: «Значит, я умру». И я ответил: «Да». И затем мы остались вместе в полном молчании, общаясь без слов. Мне кажется, мы ничего не «обдумывали». Мы стояли перед лицом чего-то, что вошло в жизнь и все в ней перевернуло. Это не был призрак, это не было зло, ужас. Это было нечто окончательное, что нам предстояло встретить, еще не зная, чем оно скажется. Мы оставались вместе и молча так долго, как того требовали наши чувства. А затем жизнь пошла дальше.

Но в результате случились две вещи. Одна – то, что ни в какой момент моя мать или я сам не были замурованы в ложь, не должны были играть, не остались без помощи. Никогда мне не требовалось

входить в комнату матери с улыбкой, в которой была бы ложь, или с неправдивыми словами. Ни в какой момент нам не пришлось притворяться, будто жизнь побеждает, будто смерть, болезнь отступают, будто положение лучше, чем оно есть на самом деле, когда оба мы знаем, что это неправда. Ни в какой момент мы не были лишены взаимной поддержки. Были моменты, когда моя мать чувствовала, что нуждается в помощи, тогда она звала, я приходил, и мы разговаривали о ее смерти, о моем одиночестве. Она глубоко любила жизнь. За несколько дней до смерти она сказала, что готова была бы страдать еще сто пятьдесят лет, лишь бы жить. Она любила красоту наступавшей весны, она дорожила нашими отношениями. Она тосковала о нашей разлуке: *But O for the touch of a vanish'd hand, and the sound of a voice that is still!*⁴ В другие моменты мне была невыносима боль разлуки, тогда я приходил, и мы разговаривали об этом, и мать поддерживала меня и утешала о своей смерти. Наши отношения были глубоки и истинны, в них не было лжи, и поэтому они могли вместить всю правду до глубины.

Кроме того, была еще одна сторона, которую я уже упоминал. Потому что смерть стояла рядом, потому что смерть могла прийти в любой миг, и тогда поздно будет что-либо исправить – все должно было в любой миг выражать как можно совершеннее благоговение

⁴ «Но как тяжело о мертвой руке тосковать, слышать голос, которого нет». «Break, break, break...» *Tennyson A. Poems and plays. London: Oxford University Press, 1973. P. 116.; Маршак С.Я. Избранные сочинения в 4 т. / А. Теннисон. У моря. М.: Гослитиздат, б. г. Т. 3. С. 470.*

и любовь, которыми были полны наши отношения. Только смерть может наполнить величием и смыслом все, что кажется мелким и незначительным. Как ты подашь чашку чая на подносе, каким движением поправишь подушки за спиной больного, как звучит твой голос – все это может стать выражением глубины отношений. Если прозвучала ложная нота, если трещина появилась, если что-то неладно, это должно быть исправлено немедленно, потому что есть несомненная уверенность, что позднее может оказаться слишком поздно. И это опять-таки ставит нас перед лицом правды жизни с такой остротой и ясностью, каких не может дать ничто другое.

Слишком поздно?

Это очень важно, потому что накладывает отпечаток на наше отношение к смерти вообще. Смерть может стать вызовом, позволяющим нам вырастать в полную нашу меру, в постоянном стремлении быть всем тем, чем мы можем быть, – без всякой надежды стать лучшими позднее, если мы не стараемся сегодня поступить как должно. Достоевский, рассуждая в «Братьях Карамазовых» об аде, говорит, что ад можно выразить двумя словами: «Слишком поздно!»⁵. Только память о смерти может позволить нам жить так, чтобы никогда не сталкиваться с этим страшным словом, ужасающей очевидностью: *слишком поздно*. Поздно произнести слова, которые можно было сказать, поздно сделать движение, которое могло бы выразить наши

⁵ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1970–1990. Т. 14. С. 292.

отношения. Это не означает, что нельзя вообще больше ничего сделать, но сделано оно будет уже иначе, дорогой ценой, ценой большей душевной муки.

Я хотел бы проиллюстрировать свои слова, пояснить их примером. Некоторое время назад пришел ко мне человек восьмидесяти с лишним лет. Он искал совета, потому что не мог больше выносить ту муку, в какой жил лет шестьдесят. Во время Гражданской войны в России он убил любимую девушку. Они горячо любили друг друга и собирались пожениться, но во время перестрелки она внезапно высунулась, и он нечаянно застрелил ее. И шестьдесят лет он не мог найти покоя. Он не только оборвал жизнь, которая была бесконечно ему дорога, он оборвал жизнь, которая расцветала и была бесконечно дорога для любимой им девушки. Он сказал мне, что молился, просил прощения у Господа, ходил на исповедь, каялся, получал разрешительную молитву и причащался – делал все, что подсказывало воображение ему и тем, к кому он обращался, но так и не обрел покоя. Охваченный горячим состраданием и сочувствием, я сказал ему: «Вы обращались ко Христу, Которого вы не убивали, к священникам, которым вы не нанесли вреда. Почему вы никогда не подумали обратиться к девушке, которую вы убили?» Он изумился. Разве не Бог дает прощение? Ведь только Он один и может прощать грехи людей на земле... Разумеется, это так. Но я сказал ему, что если девушка, которую он убил, простит его, если она заступится за него, то даже Бог не может пройти мимо ее прощения. Я предложил ему сесть после вечерних молитв и рассказать этой девушке о шестидесяти годах душевных страданий, об опустошенном

сердце, о пережитой им муке, попросить ее прощения, а затем попросить также заступиться за него и испросить у Господа покоя его сердцу, если она простила. Он так сделал, и покой пришел... То, что не было совершено на земле, может быть исполнено. То, что не было завершено на земле, может быть исцелено позднее, но ценой, возможно, многолетнего страдания и угрызений совести, слез и томления.

Смерть – отделенность от Бога

Когда мы думаем о смерти, мы не можем думать о ней однозначно, либо как о торжестве, либо как о горе. Образ, который дает нам Бог в Библии, в Евангелиях, более сложный. Говоря коротко, Бог не создал нас на смерть и на уничтожение. Он создал нас для вечной жизни. Он призвал нас к бессмертию – не только к бессмертию воскресения, но и к бессмертию, которое не знало смерти. Смерть явилась как следствие греха. Она появилась, потому что человек потерял Бога, отвернулся от Него, стал искать путей, где мог бы достичь всего помимо Бога. Человек попробовал сам приобрести то знание, которое могло быть приобретено через приобщенность знанию и мудрости Божиим. Вместо того чтобы жить в тесном общении с Богом, человек избрал самость, независимость. Один французский пастор в своих писаниях дает, может быть, хороший образ, говоря, что в тот момент, когда человек отвернулся от Бога и стал глядеть в лежащую перед ним бесконечность, Бог исчез для него, и поскольку Бог – единственный источник жизни, человеку ничего не оставалось, кроме как умереть.

Если обратиться к Библии, нас может поразить там нечто, относящееся к судьбе человечества. Смерть пришла, но она овладела человечеством не сразу. Какова бы ни была в объективных цифрах продолжительность жизни первых великих библейских поколений, мы видим, что число их дней постепенно сокращается. Есть место в Библии, где говорится, что смерть покорила человечество постепенно. Смерть пришла, хотя еще сохранялась и сила жизни, но от поколения к поколению смертных и греховных людей смерть все укорачивала человеческую жизнь. Так что в смерти есть трагедия. С одной стороны, смерть чудовищна, смерти не должно бы быть. Смерть – следствие нашей потери Бога. Однако в смерти есть и другая сторона. Бесконечность в отлученности от Бога, тысячи и тысячи лет жизни без всякой надежды, что этой разлуке с Богом придет конец, – это было бы ужаснее, чем разрушение нашего телесного состава и конец этого порочного круга.

В смерти есть и другая сторона: как ни тесны ее врата, это единственные врата, позволяющие нам избежать порочного круга бесконечности в отделенности от Бога, от полноты, позволяющие вырваться из тварной бесконечности, в которой нет пространства, чтобы снова стать причастниками Божественной жизни, в конечном итоге – причастниками Божественной природы (2 Пет. 1:4). Потому апостол Павел мог сказать: *жизнь для меня – Христос, и смерть – приобретение* (Флп. 1:21), потому что, живя в теле, я отделен от Христа (2 Кор. 5:6)... Потому что в другом месте он говорит, что для него умереть не означает совлечься себя, сбросить с плеч временную

жизнь, для него умереть означает облечься в вечность (2 Кор. 5:4). Смерть не конец, а начало. Эта дверь открывается и впускает нас в простор вечности, которая была бы навсегда закрыта для нас, если бы смерть не высвободила нас из рабства земле.

Двойственное отношение

В нашем отношении к смерти должны присутствовать обе стороны. Когда умирает человек, мы совершенно законно можем сокрушаться сердцем. Мы с ужасом можем смотреть на то, что грех убил человека, которого мы любим. Мы можем отказываться принять смерть как последнее слово, последнее событие жизни. Мы правы, когда плачем над усопшим, потому что смерти не должно бы быть. Человек убит злом. С другой стороны, мы можем радоваться за него, потому что для него (или для нее) началась новая жизнь – жизнь без ограничений, просторная. И опять-таки, мы можем плакать над собой, над нашей потерей, нашим одиночеством, но в то же время мы должны научиться тому, что Ветхий Завет уже прозревает, предсказывает, когда говорит: *крепка, как смерть, любовь* (Песн. 8:6) – любовь, которая не позволяет померкнуть памяти любимого, любовь, которая дает нам говорить о наших отношениях с любимым не в прошедшем времени: «Я любил его, мы были так близки», а в настоящем: «Я люблю его, мы так близки». Так что в смерти есть многообразие, можно даже, быть может, сказать – двойственность, но если мы – собственный Христов народ, мы не имеем права, из-за того что сами глубоко ранены потерей и осиротели по-земному, не

заметить рождения усопшего в вечную жизнь. В смерти есть сила жизни, которая достигает и нас.

Если же мы признаём, что наша любовь принадлежит прошлому, это означает, что мы не верим в то, что жизнь усопшего не прекратилась. Но тогда приходится признать, что мы неверующие, безбожники в самом грубом смысле слова, и тогда надо посмотреть на весь вопрос с совершенно другой точки зрения: если Бога нет, если нет вечной жизни, тогда случившаяся смерть не имеет никакого метафизического значения. Это просто природный факт. Победили законы физики и химии, человек вернулся в дление бытия, в круговорот природных элементов – не как личность, а как частица природы. Но в любом случае мы должны честно взглянуть в лицо своей вере или ее отсутствию, занять определенную позицию и поступать соответственно.

Еще личные воспоминания

Трудно, почти невозможно говорить о вопросах жизни и смерти отрешенно. Так что я буду говорить лично, быть может, более лично, чем понравится некоторым из вас. В своей жизни мы встречаемся со смертью в первую очередь не как с темой для размышления (хотя и это случается), а большей частью в результате потери близких – наших собственных или чьих-то еще. Этот косвенный опыт смерти и служит нам основой для последующих размышлений о неизбежности собственной смерти и о том, как мы к ней относимся. Поэтому я начну с нескольких примеров того, как я сам встретился со

смертью других людей, быть может, это пояснит вам мое собственное отношение к смерти.

Мое первое воспоминание о смерти относится к очень далекому времени, когда я был в Персии, еще ребенком. Однажды вечером мои родители взяли меня с собой посетить, как тогда было принято, розарий, известный своей красотой. Мы пришли, нас принял хозяин дома и его домочадцы. Нас провели по великолепному саду, предложили угощение, и мы ушли домой с чувством, что получили самое теплое, самое сердечное, ничем не скованное гостеприимство, какое только можно представить. Только на следующий день мы узнали, что, пока мы ходили с хозяином дома, любовались его цветами, были приглашены на угощение, были приняты со всей учтивостью Востока, сын хозяина дома, убитый несколько часов назад, лежал в одной из комнат. И это, как ни мал я был, дало мне очень сильное чувство того, что такое жизнь и что такое смерть и каков долг живых по отношению к живым людям, какие бы ни были обстоятельства.

Второе воспоминание – разговор времен Гражданской или конца Первой мировой войны между двумя девушками; брат одной, который приходился женихом другой, был убит. Новость дошла до невесты, она пришла к своей подруге, его сестре, и сказала: «Радуйся, твой брат погиб, героически сражаясь за Родину». Это опять-таки показало мне величие человеческой души, человеческого мужества, способность противостоять не только опасности, страданию, жизни во всем ее многообразии, всей ее сложности, но и смерти в ее голой остроте.

И тогда (и это следует продумать гораздо глубже, чем сумел сделать я, но я это очень остро пережил сердцем на протяжении прошедшей Страстной седмицы), если Христос – дверь, открывающаяся на вечность, Он есть *смерть наша*. И это можно даже подтвердить отрывком из Послания к Римлянам, который читается при крещении: там говорится, что мы погрузились в смерть Христову, чтобы восстать с Ним (Рим. 6:3–11). И другим местом Послания, которое говорит, что мы носим в теле своем мертвость Христову (2 Кор. 4:10). Он – смерть, и Он – сама Жизнь и Воскресение.

Смерть отца

И еще последний образ: смерть моего отца. Он был тихий человек, мало говорил, мы редко общались. На Пасху ему стало нехорошо, он прилег. Я сидел рядом с ним, и впервые в жизни мы говорили с полной открытостью. Не слова наши были значительны, а была открытость ума и сердца. Двери открылись. Молчание было полно той же открытости и глубины, что и слова. А затем настала пора мне уйти. Я попрощался со всеми, кто был в комнате, кроме отца, потому что чувствовал, что, встретившись так, как мы встретились, мы больше не можем разлучиться. Мы не простились. Не было сказано даже «до свидания», «увидимся»; мы встретились – и это была встреча навсегда. Он умер в ту же ночь. Мне сообщили, что отец умер; я вернулся из госпиталя, где работал; помню, я вошел в его комнату и закрыл за собой дверь. И я ощутил такое качество и глубину молчания, которое вовсе не было просто отсутствием шума, отсут-

ствием звука. Это было сущностное молчание – молчание, которое французский писатель Жорж Бернанос описал в одном романе⁶ как молчание, которое само – Присутствие. И я услышал собственные слова: «А говорят, что есть смерть... Какая ложь!»

Соприсутствие с умирающим

Бывает умирание иное. Я помню молодого солдата, который оставлял после себя жену, ребенка, ферму. Он мне сказал: «Я сегодня умру. Мне жаль покидать жену, но тут ничего не поделаешь. Но мне так страшно умирать в одиночестве». Я сказал ему, что этого не произойдет: я буду сидеть с ним, и пока он будет в состоянии, он сможет открывать глаза и видеть, что я здесь, или разговаривать со мной. А потом он сможет взять меня за руку и время от времени пожимать ее, чтобы убедиться, что я здесь. Так мы сидели, и он ушел с миром. Он был избавлен от одиночества при смерти.

С другой стороны, порой Бог посылает человеку одинокую смерть, но это – не оставленность, это одиночество в Божием присутствии, в уверенности, что никто не ворвется безрассудно, драматически, не внесет тоску, страх, отчаяние в душу, которая способна свободно войти в вечность.

Последний мой пример касается молодого человека, которого попросили провести ночь у постели умиравшей пожилой женщины. Она никогда не верила ни во что вне материального мира, и те-

⁶ Бернанос Ж. Дневник сельского священника. М.: Терра, 1997.

перь она покидала его. Молодой человек пришел к ней вечером, она уже не отзывалась на внешний мир. Он сел у ее постели и стал молиться; он молился, как мог, и словами молитв, и в молитвенном безмолвии, с чувством благоговения, с состраданием, но и в глубоком недоумении. Что происходило с этой женщиной, вступавшей в мир, который она всегда отрицала, которого никогда не ощутила? Она принадлежала земле – как могла она вступить в небесное? И вот что он пережил, вот что, как ему казалось, он уловил, общаясь с этой старой женщиной через сострадание, в озадаченности. Поначалу умиравшая лежала спокойно. Затем из ее слов, возгласов, ее движений ему стало ясно, что она что-то видит: судя по ее словам, она видела темные существа, у ее постели столпились силы зла, они кишели вокруг нее, утверждая, что она принадлежит им. Они ближе всего к земле, потому что это падшие твари. А затем вдруг она повернулась и сказала, что видит свет, что тьма, теснившая ее со всех сторон, и обступившие ее злые существа постепенно отступают, и она увидела светлые существа. И она воззвала о помиловании. Она сказала: «Я не ваша, но спасите меня!» Еще немного спустя она произнесла: «Я вижу свет». И с этими словами – «я вижу свет» – она умерла.

Я привожу эти примеры для того, чтобы вы могли понять мое отношение к смерти, почему я вижу в ней славу, а не только скорбь и утрату. Я вижу и скорбь, и утрату. Примеры, которые я вам дал, относятся либо к внезапной, либо к насильственной смерти – смерти, которая приходит, как вор в ночи. Обычно так не случается. Но если

вам встретится подобный опыт, вы, вероятно, поймете, как можно, хотя в сердце жгучая боль и страдание, вместе с тем радоваться, и каким образом – об этом мы еще поговорим – возможно в службе погребения провозглашать: *Блажен путь, воньже идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения*⁷, и почему ранее в этой же службе мы как бы от лица умершего, употребляя слова псалма, говорим: *Жива будет душа моя и восхвалит Тя, Господи* (Пс. 118:175).

Старение

Чаще, чем с внезапной смертью, мы сталкиваемся с долгой или короткой болезнью, ведущей к умиранию, и со старостью, которая постепенно приводит нас либо к могиле, либо – в зависимости от точки зрения – к освобождению: к последней встрече, к которой каждый из нас, сознательно или нет, стремится и рвется всю свою земную жизнь, – к нашей встрече лицом к лицу с Живым Богом, с Вечной Жизнью, с приобщенностью Ему. И этот период болезни или нарастающей старости нужно встретить и понять творчески, осмысленно.

Одна из трагедий жизни, которая приносит большие душевные страдания и муки, – видеть, как любимый человек стареет, теряет физические и умственные способности, теряет как будто то, что было самое ценное: ясный ум, живую реакцию, отзывчивость на жизнь. Так часто мы стараемся отстранить это, обойти. Мы закрываем гла-

⁷ «Блажен путь, которым идешь сегодня, душа, ибо тебе приготовлено место упокоения». Последование погребения мирских человек. Прокимен.

за, чтобы не видеть, потому что нам страшно видеть и предвидеть. И в результате смерть приходит и оказывается внезапной, в ней – не только испуг внезапности, о чем я упоминал ранее, но и дополнительный ужас того, что она поражает нас в самую сердцевину нашей уязвимости, потому что боль, страх, ужас росли, нарастали внутри нас, а мы отказывались дать им выход, отказывались сами внутренне созреть. И удар бывает более болезненный, более разрушительный, чем при внезапной смерти, потому что кроме ужаса, кроме горечи потери с ним приходит все самоукорение, самоосуждение за то, что мы не сделали всего, что можно было сделать, – не сделали из-за того, что это заставило бы нас стать правдивыми, стать честными, не скрывать от самих себя и от стареющего или умирающего человека, что смерть постепенно приоткрывает дверь, что эта дверь однажды широко раскроется, и любимый должен будет войти в нее, даже не оглянувшись.

Каждый раз, когда перед нами встает медленно надвигающаяся утрата близкого человека, очень важно с самого начала смотреть ей в лицо – и делать это совершенно спокойно, как мы смотрим в лицо человеку, пока он жив и среди нас. Ведь мысли о грядущей смерти противостоят реальности живого присутствия. Мы всегда можем полагаться на это несомненное присутствие и вместе с тем все яснее видеть все стороны идущей на нас потери. Вот это равновесие между убедительностью реальности и хрупкостью мысли и позволяет нам готовить самих себя к смерти людей, которые нам дороги.

Жизнь вечная

Разумеется, такая подготовка, как я уже сказал, влечет за собой отношение к смерти, которое признает, с одной стороны, ее ужас, горе утраты, но вместе с тем сознает, что смерть – дверь, открывающаяся в вечную жизнь. И очень важно снять преграды, не дать страху возвести стену между нами и умирающим. Иначе он осужден на одиночество, оставленность, ему приходится бороться со смертью и всем, что она для него представляет, без всякой поддержки и понимания; эта стена не позволяет и нам сделать все, что мы могли бы сделать, с тем чтобы не осталось никакой горечи, никакого самоукорения, никакого отчаяния. Нельзя с легкостью сказать человеку: «Знаешь, ты же скоро умрешь...»

Для того чтобы быть в состоянии встретить смерть, надо знать, что ты укоренен в вечности, не только теоретически знать, но опытно быть уверенным, что есть вечная жизнь. Поэтому часто, когда видны первые признаки приближающейся смерти, надо вдумчиво, упорно работать на то, чтобы помочь человеку, который должен войти в ее тайну, открыть, что такое вечная жизнь, в какой мере он уже обладает этой вечной жизнью и насколько уверенность в том, что он обладает вечной жизнью, сводит на нет страх смерти – не горе разлуки, не горечь о том, что смерть существует, а именно страх. И некоторым людям можно сказать: «Смерть при дверях, пойдем вместе до ее порога, будем вместе возрастать в этот опыт умирания. И войдем вместе в ту меру приобщенности вечности, которая доступна каждому из нас».

Это я тоже хотел бы пояснить примером. Лет тридцать тому назад в больнице очутился человек, как казалось, с легким заболеванием. Его обследовали и нашли, что у него неоперабельный, неизлечимый рак. Это сказали его сестре и мне, ему не сказали. Я его навестил. Он лежал в постели, крепкий, сильный, полный жизни, и он мне сказал: «Сколько мне надо еще в жизни сделать, и вот я лежу, и мне даже не могут сказать, сколько это продлится». Я ему ответил: «Сколько раз вы говорили мне, что мечтаете о возможности остановить время, так чтобы можно было *быть* вместо того, чтобы *делать*. Вы никогда этого не сделали. Бог сделал это за вас. Настало вам время *быть*». И перед лицом необходимости *быть*, в ситуации, которую можно было бы назвать до конца созерцательной, он в недоумении спросил: «Но как это сделать?»

Я указал ему, что болезнь и смерть зависят не только от физических причин, от бактерий и патологии, но также от всего того, что разрушает нашу внутреннюю жизненную силу, от того, что можно назвать отрицательными чувствами и мыслями, от всего, что подрывает внутреннюю силу жизни в нас, не дает жизни свободно изливаться чистым потоком. И я предложил ему разрешить не только внешне, но и внутренне все, что в его взаимоотношениях с людьми, с самим собой, с обстоятельствами жизни было «не то», начиная с настоящего времени; когда он выправит все в настоящем, идти дальше и дальше в прошлое, примиряясь со всем и со всеми, развязывая всякий узел, вспоминая все зло, примиряясь – через покаяние, через приятие, с благодарностью – со всем, что было в его жизни, а жизнь-

то была очень тяжелая. И так месяц за месяцем, день за днем мы проходили этот путь. Он примирился со всем в своей жизни. И я помню, в самом конце жизни он лежал в постели, слишком слабый, чтобы самому держать ложку, и он мне сказал с сияющим взглядом: «Мое тело почти умерло, но я никогда не чувствовал себя так интенсивно живым, как теперь». Он обнаружил, что жизнь зависит не только от тела, что он – не только тело, хотя тело – это он, обнаружил в себе нечто реальное, чего не могла уничтожить смерть тела.

Это очень важный опыт, который я хотел напомнить вам, потому что так мы должны поступать снова и снова, в течение всей жизни, если хотим ощущать силу вечной жизни в самих себе и не страшиться, что бы ни случилось с временной жизнью, которая тоже принадлежит нам. Невозможно глубоко пережить процесс умирания, потому что мы не в состоянии вообразить, в чем он состоит. Но можно обратиться к опыту людей, которые общались с умирающими.

Восприятие смерти в детстве

Я хотел бы теперь перейти к другой теме, поговорить о другом. Встречу с собственной смертью мы переживаем очень различно, в зависимости от возраста и обстоятельств. Подумайте о детях, которые слышат слово «смерть». Одни из них имеют, может быть, смутное представление о ней, другие потеряли, возможно, одного или обоих родителей и горевали от сиротства. Они ощутили потерю, но не самую смерть. Большинство детей, во всяком случае мальчиков, в какой-то период жизни играют в войну. «Я тебя застрелил.

Ты убит. Падай!» И ребенок падает, и знает в своих чувствах, хотя и изнутри защищенности игры, что он мертв; для него это означает, что он не имеет права участвовать в игре, бегать, не вправе шевельнуться. Он так и должен лежать. Вокруг него продолжается жизнь, а он не принадлежит ей; пока в какой-то момент он больше не может выдержать и вскакивает с возгласом: «Мне надоело быть мертвым, теперь твоя очередь!» Это очень важный опыт, потому что через него ребенок обнаруживает, что может оказаться вне жизни, а вместе с тем это происходит в игре, он защищен игровой ситуацией. В любой момент переживанию смерти может быть положен конец по взаимной договоренности, но чему-то он научился. Я помню, много лет тому назад в одном из наших детских лагерей был чрезвычайно впечатлительный мальчик, который воспринимал эту ситуацию настолько остро, что не мог вынести ее напряжения, и я провел с ним целую игру, жил, прятался, вступал в бой, был «убит» вместе с ним, чтобы он смог войти в этот опыт, который для него был не игрой, был слишком реален. Это один пример.

Ребенок может познакомиться со смертью уродливым образом, и это искалечит его, или, напротив, здраво, спокойно, как покажет следующий пример (он взят из жизни, это не притча). Глубоко любимая бабушка умерла после долгой и тяжелой болезни. Меня позвали, и когда я приехал, то обнаружил, что детей увели. На мой вопрос родители ответили: «Мы же не могли допустить, чтобы дети остались в одном доме с покойницей». – «Но почему?» – «Они знают, что такое смерть». – «И что же они знают о смерти?» – спросил я.

«На днях они нашли в саду крольчонка, которого задрали кошки, так что они видели, что такое смерть». Я сказал, что, если у детей сложилась такая картина смерти, они обречены через всю жизнь пронести чувство ужаса. При всяком упоминании о смерти, на каждом похоронах, у любого гроба – в этом деревянном ящике для них будет скрыт невыразимый ужас... После долгого спора, после того как родители сказали мне, что дети неизбежно получат психическое расстройство, если им позволить увидеть бабушку, и что это будет на моей ответственности, я привел детей. Первый их вопрос был: «Так что же случилось с бабушкой?» Я сказал им: «Вы много раз слышали, как ей хотелось уйти в Царство Божие к дедушке, куда он ушел прежде нее. Вот это и произошло». – «Так она счастлива?» – спросил один из детей. Я сказал: «Да». И потом мы вошли в комнату, где лежала бабушка. Стояла изумительная тишина. Пожилая женщина, лицо которой много лет было искажено страданием, лежала в совершенном покое и мире. Один из детей сказал: «Так вот что такое смерть!» И другой прибавил: «Как прекрасно!» Вот два выражения того же опыта. Дадим ли мы детям воспринимать смерть в образе крольчонка, разодранного кошками в саду, или покажем им покой и красоту смерти?

Смерть вовсе не следует скрывать, она проста, она – часть жизни. Дети могут посмотреть в лицо умершего и увидеть покой. На прощание мы целуем умершего. И надо не забыть предупредить ребенка, что лоб человека, который обычно был теплый, теперь, когда он его поцелует, окажется холодным, тут можно сказать: «Это печать

смерти». Жизни сопутствует тепло – смерть холодна. И тогда ребенок не пугается, потому что у него есть опыт тепла и холода: и то и другое имеет свою природу и свое значение.

Насильственная смерть

Позднее мы встречаемся со смертью в соответствии с этими первыми впечатлениями. Подростками, в юности мы можем столкнуться трагически с насильственной смертью, несчастными случаями, войной. Я помню юношу, который ни разу в жизни не подумал о смерти; его друг погиб, разбился на большой скорости на мотоцикле. Он пришел ко мне и сказал, что, когда увидел результат этого безумия – искалеченное, истерзанное тело друга, это заставило его задуматься. И знаете, что пришло ему на мысль? Мне это показалось *non sequitur*⁸, никак не связанным с тем, что произошло. А он подумал: «Если я не ищущу и не достигаю святости, я обкрадываю Бога, лишая Его славы и краду у ближнего то, что ему по праву принадлежит». Смерть – грубая, жестокая, безобразная, которой он стал свидетелем, – поставила его лицом к лицу с вечными, абсолютными ценностями, которые он носил в себе, но которые в нем всегда спали, бездейственные, нетронутые.

На войне смерть порой встречаешь с ужасом, а порой – с душевным подъемом. Но так часто со смертью встречаются люди в том возрасте и состоянии, которые никак не подготовили их к умира-

⁸ Не следует (*лат.*).

нию, к встрече со смертью. Молодое, крепкое человеческое тело без всякого, казалось бы, семени смерти почти мгновенно оказывается перед вероятностью или даже порой неизбежностью смерти. Реакция бывает очень различная, многое зависит от того, за что сражался человек, бился ли он убежденно или поневоле, по необходимости или добровольно. И то, как человек умирает, определяется не возвышенностью дела, которое он защищает, а тем, насколько полно, от всего сердца он предан этому делу и готов отдать за него жизнь.

Осиротелость

Как я уже говорил, мы соприкасаемся со смертью впервые и сколько-то длительно через потерю близких. И на этом я хотел бы несколько остановиться, потому что, научаясь понимать смерть других людей, ее действие в них, ее действие в нас через переживание чужой смерти, мы сумеем глядеть в лицо смерти, в конечном итоге – встретить лицом к лицу собственную смерть, сначала как возможность, вернее, неизбежность, но неизбежность часто как будто настолько далекую, что мы с ней не считаемся, – а затем и как саму реальность, грядущую на нас. Поэтому я остановлюсь на этой теме – утрате близких.

Я уже упоминал, что одна из проблем, сразу встающих перед тем, кто потерял близкого человека, – это чувство, ощущение одиночества, оставленности тем порой единственным человеком, кто имел для нас значение, кто заполнял все пространство, все время, все сердце. Но даже если сердце не было заполнено целиком, усопший оставляет после себя громадную пустоту. Пока человек болеет, мы

погружены в мысли и заботы о нем. Мы действуем собранно и целенаправленно. Когда человек умер, очень часто оставшимся кажется, что их деятельность потеряла смысл, во всяком случае, не имеет непосредственной цели, центра, направленности; жизнь, которая, хотя была тяжела и мучительна, текла потоком, становится трясинной. Одиночество означает также, что не с кем поговорить, некого выслушать, не к кому проявить внимание, что никто не ответит, не отзовется и нам некому ответить и отозваться, а это означает также очень часто, что только благодаря ушедшему мы имели в собственных глазах некую ценность: для него мы действительно что-то значили, он служил утверждением нашего бытия и нашей значимости.

Габриель Марсель говорит, что сказать кому-нибудь: «Я тебя люблю» – то же самое, что сказать: «Ты никогда не умрешь»⁹. Это можно сказать и в случае смертной разлуки. Нас оставил человек – и некому больше утверждать нашу высшую ценность, наше предельное значение. Нет того человека, который мог бы сказать: «Я люблю тебя», и следовательно, у нас нет признания, утверждения в вечности... Этому тоже надо уметь посмотреть в лицо. Такое нельзя, невозможно отстранить, от этого не уйдешь. Образовалась пустота, и эту пустоту никогда не следует пытаться заполнить искусственно чем-то мелким, незначительным. Мы должны быть готовы встретить горе, тоску, смотреть в лицо всему, что происходит внутри нас самих, и тому, что навязывает нам ложно понятое до-

⁹ *Marcel G. Le Mort de demain. Paris, 1931.*

брожелательство окружающих, которые берегут наше горе и страдание, настоятельно напоминая о нем. Мы должны быть готовы признать, что любовь может выражаться и через страдание и что, если мы утверждаем, что действительно любим того, кто ушел из этой жизни, мы должны быть готовы любить человека из глубины горя и страдания, как мы любили его в радости, утверждая его этой радостью общей жизни. Это требует мужества, и, я думаю, об этом надо говорить снова и снова сегодня, когда многие, чтобы избежать страдания, обращаются к транквилизаторам, к алкоголю, ко всякого рода развлечениям – лишь бы забыться. Потому что то, что происходит в душе человека, может быть заслонено, но не прерывается, и если оно не будет разрешено, человек измельчает, он не вырастет.

Жизнь усопшего как пример

Скажу еще вот о чем. Очень часто оставшиеся чувствуют, что потеря коснулась не только их самих, она затронула многих: окружающие лишились ума, сердца, воли человека, который поступал добротнo и прекрасно. И человек, потерявший близкого, сосредоточивается умом на этой потере. Тут следует помнить – и это очень важно – что всякий, кто живет, оставляет пример: пример того, как следует жить, или пример недостойной жизни. И мы должны учиться от каждого живущего или умершего человека: дурного – избегать, добру – следовать. И каждый, кто знал усопшего, должен глубоко продумать, какую печать тот наложил своей жизнью на его собственную жизнь, какое семя было посеяно, и должен принести плод.

В Евангелии говорится, что если семя не умрет, то не принесет плода, а если умрет, то принесет плод в тридцать, в шестьдесят и в сто раз (Ин. 12:24; Мф. 13:8). Именно это может произойти, если мы всем сердцем, всем умом и памятью, всей нашей чуткостью, во всей правде задумаемся над жизнью усопшего. Будь у нас мужество воспользоваться этим мечом, именно Божиим мечом, чтобы разделить свет от тьмы, чтобы со всей доступной нам глубиной отделить плевелы от пшеницы, тогда, собрав весь доступный нам урожай, каждый из нас, каждый, кто знал усопшего, принес бы плод его жизни, стал бы жить согласно полученному и воспринятому образу, подражая всему, что достойно подражания в жизни этого человека.

Разумеется, каждый из нас больше напоминает сумерки, чем яркий, сияющий свет, но свет и во тьме светит, и этот свет следует прозревать и отделять от тьмы в самих себе, так чтобы как можно больше людей могло жить и приносить плод жизни данного человека.

На погребении мы стоим с зажженными свечами. Это означает, мне кажется, две вещи. Одна самоочевидна: мы провозглашаем Воскресение, мы стоим с зажженными свечами, так же как в пасхальную ночь. Но мы стоим также, свидетельствуя перед Богом, что этот человек внес в сумерки нашего мира хоть проблеск света, и мы этот свет сохраним, обережем, умножим, поделимся им так, чтобы он светил все большему числу людей, чтобы он разгорался по возможности в тридцать, в шестьдесят, во сто раз. И если мы решимся так жить, чтобы наша жизнь была продолжением всего, что было в нем благородного, и истинного, и святого, тогда действительно

этот человек прожил не напрасно, и мы поистине почувствуем, что сами живем не напрасно. В нас не останется места надеждам на скорый конец, потому что у нас есть задание, которое мы должны выполнить.

Можно взять пример, который, разумеется, далеко превосходит наш опыт, – слова апостола Павла: *для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение*, потому что, пока я живу в теле, я разделен от Христа, но для вас полезнее, чтобы я жил (Флп. 1:21). Где сокровище наше, там и сердце наше будет (Мф. 6:21). Сокровищем для Павла был Христос, самая драгоценная находка и обладание его пламенной, мощной души, вся любовь его жизни, которая заставляла его устремляться к тому времени, когда он облечется в вечность и увидит, как Бог видит его, познает, как сам познан, войдет в общение без всякого покрывала или тусклого стекла между ним и предметом его любви (1 Кор. 13:12). Но вместе с тем он знал, что, обладая тем опытом, который он пережил, он может принести миру свидетельство, какого не могут принести те, кто говорит только понаслышке. И он был готов отказаться от встречи, которой жаждал, от приобщенности и единства, к которым устремлялся, ради того, чтобы принести свое свидетельство. И его любовь к единоплеменникам была такова, что он мог воскликнуть, что готов сам быть отлучен от Христа навеки, если это откроет им путь к Нему (Рим. 9:3 и след.). В какой-то малой мере каждого, кто живет и становится для нас таким сокровищем или одним из самых драгоценных обладаний нашего сердца, можно рассматривать в таком контексте.

Свидетельство нашей жизни

Это приводит меня к еще одному. Мы оставлены, чтобы все, что мы видели, что слышали, что пережили, могло умножиться и распространиться и стать новым источником света на земле. Но если мы можем со всей правдой, искренне сказать, что усопший был для нас сокровищем, – тогда наше сердце должно быть там, где наше сокровище, и мы должны вместе с этим человеком, который вошел в вечность, жить возможно полнее, возможно глубже в вечности. Только там мы можем быть неразлучны. Это означает, что по мере того, как все большее число любимых нами людей покидает это земное поприще и входит в неколебимый покой вечной жизни, мы должны все больше чувствовать, что принадлежим тому миру все полнее, все совершеннее, что его ценности все больше становятся нашими ценностями. И если один из любимых носит имя Господа Иисуса Христа, если Он – одно из самых больших наших сокровищ, тогда, подобно апостолу Павлу, мы поистине можем, еще будучи на земле, устремляться всецело, всем сердцем, и умом, и плотью, к тому дню, когда соединимся с Ним уже неразлучно.

Путь примирения

Есть молитвы, предваряющие смерть человека, есть последования, связанные с подготовкой к смерти. Подготовка в первую очередь через то, чтобы отвернуться от временного к вечному. Святой Серафим Саровский перед смертью говорил: телом я приближаюсь к смерти, а духом я точно новорожденный младенец, со всей новиз-

ной, всей свежестью начала, а не конца... Это говорит о том, что необходимо готовиться к смерти через суровый, но освобождающий нас процесс примирения со всеми, с самим собой, с собственной совестью, со всеми обстоятельствами, с настоящим и с прошлым, с событиями и с людьми, и даже с будущим, с самой грядущей смертью. Это целый путь, на котором мы примиряемся, как говорит, кажется, святой Исаак Сирин, с нашей совестью, с ближним, даже с предметами, которых мы касались, – так чтобы вся земля могла сказать нам: «Иди в мире», и чтобы мы могли сказать всему, что представляла для нас земля: «Оставайся с миром, и пусть будет на тебе Божий мир и Божие благословение». Невозможно войти в вечность связанным, опутанным ненавистью, в немирном состоянии. И если мы хотим достичь этого в то короткое время, которое грядущая смерть нам оставляет, очень важно рассматривать всю нашу жизнь как восхождение – восхождение к вечности, не как смертное увядание, а как восхождение к моменту, когда мы пройдем тесными вратами смерти в вечность, – не совлекшись временной жизни, но, по слову апостола Павла, облекшись в вечность (2 Кор. 5:4).

Согласно православному преданию, первые три дня после смерти душа человека остается около земли, посещает привычные ей места, как бы вспоминая все, чем была для нее земля, так что душа покидает землю и предстает перед Богом в полном сознании всего, что с ней происходило. Эти три дня окружены особым вниманием. Мы молимся, мы служим панихиды, мы сосредоточены мыслью на всей сложности наших отношений с усопшим. И у нас есть свое задание.

Мы должны развязать все узелки в душе. Мы должны быть в состоянии сказать усопшему из самой глубины сердца и всего нашего существа: «Прости меня!» и сказать также: «Я прощаю тебя, иди в мире».

Может быть, в этом объяснение старого присловья, что об усопшем не следует говорить дурного. Если мы истинно, во всей истине и правде, сказали усопшему: «Я отпускаю тебя. Я встану перед Богом со своим прощением, пусть ничто, что было между нами, не стоит на твоём пути к полноте и вечной радости», то как можем мы вернуться назад, припомнить зло, припомнить горечь? Это не значит, что мы закрываем глаза на реальность, потому что если действительно в жизни человека было зло, если действительно было что-то неладное между нами и усопшим, то тем более должны мы молить Бога освободить обоих – и нас самих, и усопшего, – чтобы быть в состоянии и услышать слова прощения «Иди с миром» и произнести эти слова со все нарастающей глубиной понимания, все нарастающим сознанием свободы.

Душа и тело

Теперь, говоря о проблеме реальности смерти, мы обратимся к различным связанным с ней службам Православной Церкви. Поскольку каждый может прочесть эти тексты или знает на опыте, я не буду разбирать их подробно, а выделю некоторые характерные черты. Во-первых, есть две службы, которые все вы, несомненно, хорошо знаете: это краткое богослужение в память усопшего – панихида и отпевание мирян. Существуют и другие, менее известные после-

дования: к ним относится канон, по возможности читаемый над человеком, отходящим из этого мира, оставляющим его тяжело, мучительно, а также отпевание младенцев и отпевание священников. Всем этим службам свойственны некоторые основные черты.

В этих последованиях две стороны: забота о душе и забота о теле. Мы разделяем со всеми Церквями молитвенную заботу об отходящей или отошедшей душе. Но мне кажется, что православие оказывает особенное внимание телу, его отношение к телу удивительно полно содержания. В панихиде все внимание сосредоточено на душе, которая теперь в вечности стоит лицом к лицу с Живым Богом, возрастает во все углубляющееся познание Бога, во все углубляющуюся приобщенность Ему. В службе отпевания, наряду с заботой о душе – отошедшей, но еще в каком-то смысле столь близкой земле, – выражена глубокая забота о теле.

Тление

В связи с этим я хочу сказать несколько слов о самом теле. Если прочесть службу погребения, видно, что тело рассматривается с двух точек зрения. С одной стороны, мы сознаем, что это тело обречено на тление: *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3:19), и мысль об этом очень болезненна, видеть это очень больно. Я сейчас думаю о чем-то, о чем говорить очень трудно, о чем я говорил только один раз в жизни, несколько дней спустя после похорон моей матери, потому что чувствовал, что это единственный случай, когда я смогу высказаться, поделиться этими мыслями.

Моя мать умерла в Великую пятницу, хоронили ее почти неделю спустя. Утром перед отпеванием я спустился провести с ней напоследок несколько минут в нашей домово́й церкви и впервые заметил признаки тления на ее руках и на лице. Меня глубоко ранило, что этих рук, которые я так любил, этого лица, которое я так любил, теперь коснулось тление. Первое мое движение было – отвернуться и не смотреть: отвернуться не от моей матери, но от этих темных пятен, которые распространялись. Но потом я уловил в этом последнюю весть, в которую я должен взглядеться, которую должен воспринять. Тело, которое было мне так дорого, скоро распадется, и вот что моя мать говорила мне: «Если ты хочешь никогда меня не потерять, не приходи встречаться со мной на могилу. Конечно, то, что остается от меня земного, будет лежать там, и ты можешь почитать это место, ухаживать за ним, но общаться отныне мы будем *не через тело* – наше общение в Боге».

Я сказал об этом проповедь в приходе, и кое-кто упрекнул меня в грубости и бесчувствии. Но я мог это сказать только по поводу смерти *моей* матери, я не смог бы этого сказать при смерти чьей-нибудь еще матери, или жены, или брата, или друга. И сейчас я это повторяю, потому что в нашем отношении к усопшему мы должны найти равновесие между принятием реальности и уверенностью веры, между видением тления и уверенностью в вечной жизни, между любовью к месту, где покоятся останки любимого тела, и уверенностью, что связь, общение продолжают на всю вечность в Боге. Это первый аспект участия тела. Мы находим отголоски этого горя

и чувства трагичности в различных молитвах, в тропаре и каноне, в стихирах Иоанна Дамаскина: человеческое тело, которое было призвано к вечной жизни, убито смертностью, порожденной потерей Бога¹⁰.

Целостный человек

С другой стороны, Священное Писание, говоря о целостном человеке, в различных местах употребляет слово «тело», или «человек», или «душа». И действительно, между телом и душой, даже между телом и духовными переживаниями существует неразрывная связь. Апостол Павел свидетельствует об этом, когда говорит: *вера от слышания, а слышание от слова Божия* (Рим. 10:17). Слово произносится, слово бывает услышано посредством тела: через уста говорящего, уши слушающего, но слова достигают сердца, достигают ума, достигают сердцевины человека так, что одно Божие слово может перевернуть жизнь человека. Мы ведь знаем, насколько наши телесные чувства принимают участие во всем, что происходит в нашем уме, в нашем сердце. Мать выражает всю свою любовь к ребенку,

¹⁰ Последование погребения мирских человек. Самогласны Иоанна Дамаскина. «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. О чуде! Что сие еже о нас бысть таинство, како предахомся тлению; како сопрягохомся смерти: воистинну Бога повелением, якоже писано есть, подающаго преставльшемуся упокоение». Русск. пер. О. Седаковой: «Плачу и рыдаю, когда помышляю о смерти / и вижу, как лежит во гробах / красота наша, / по образу Божию созданная, / без образа, без славы, без облика. / О чудо! / Что за таинство постигло нас? / как предались мы тлению? / как соединились со смертью? / воистину, по велению Бога, как написано о том, / дарующего умершему упокоение».

касаясь его, лаская его, – сколько утешения можно передать прикосновением руки, сколько любви во всех ее формах может быть выражено посредством тела. Так что, когда мы глядим на тело усопшего, мы видим не просто сброшенную одежду, как многие стараются убедить себя, по крайней мере на словах, чтобы утешиться, чтобы загладить горе. Тело не одежда, и мы не просто сбрасываем его. Это тело столь же реально, как реален весь человек, как реальна душа. Только в единстве тела и души мы являемся полным человеком.

Это выражает неожиданным, может быть, даже поразительным образом святой Исаак Сирин, который пишет, что вечная судьба человека не может определиться раньше воскресения тела, потому что телу наравне с душой надлежит выбрать и определить вечную участь человека; смысл этого высказывания таинствен для нас, потому что мы не в состоянии представить, как это возможно. И, однако, – да: я – это мое тело, равно как и моя душа. И человека можно рассматривать только в целостности. Поэтому, когда мы смотрим на тело, мы смотрим на него с благоговением. Мы видим его со всем страданием и всей радостью, всей тайной жизни, какая была в этом человеке. Тело можно бы назвать видимым образом невидимого. В этом отношении, быть может, не случайно в славянской церковной службе тело называется *мощами*. Каждое тело, окруженное любовью, благоговением, почитанием, тело, призванное к воскресению, тело, которое на протяжении всей жизни служило таинственному общению с Богом в крещении и миропомазании, в помазании святым елеем при болезни, в приобщении Телу и Крови Христовым, в получе-

нии благословения – это тело является, так сказать, семенем – и это слово апостола Павла: сеется в тлении, восстает в нетлении, сеется в уничтожении, восстает в славе (1 Кор. 15:42–43). Это *тело тления*, от которого хотел бы освободиться апостол, чтобы жить в полноте, лицом к лицу с Богом, вместе с тем призвано к вечности.

Так, с одной стороны, мы видим, что это тело, столь дорогое и драгоценное, поражено и побеждено смертностью, подвержено смерти. А с другой стороны, мы видим в нем семя, которое посеяно, чтобы через воскресение восстать вновь в славе бессмертия. И глядя на него, мы не можем не прозревать его связь с телом Христа. У апостола Павла есть выражение: *жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге* (Кол. 3:3). Наше воплощенное человечество сокрыто в тайне Святой Троицы, и эта воплощенность охватывает все человечество. Во Христе, в Матери Божией мы уже можем видеть прославленность, к которой призвано наше тело. Так что мы не то что разделены, но мы в очень сложном состоянии, когда, сокрушаясь сердцем о разлуке, с изумлением видим, что человеческое тело может умереть, но взираем с верой и надеждой на это тело, которое когда-то восстанет, подобно телу Христа.

Победа Воскресения

Воскресением Христовым смерть на самом деле преодолена. Смерть преодолена во всех отношениях. Она побеждена, потому что благодаря Воскресению Христову мы знаем, что смерть – не последнее слово и что мы призваны восстать и жить. Смерть также пораже-

на победой Христа, поправшего ад, потому что самый ужасный аспект смерти в представлении ветхозаветного народа израильского был в том, что отделенность от Бога, которую принесла с собой смерть, стала окончательной, непреодолимой. Те, кто умирал от потери Бога – и это относилось ко всем умершим, – в смерти терял Его навсегда. Ветхозаветный *шеол* был местом, где Бога нет, местом окончательного, безвозвратного Его отсутствия и разлуки. Воскресением Христа, Его сошествием во ад, в глубины адовы, этому был положен конец. Есть разлука на земле, есть горечь разлуки, но нет в смерти разлучения от Бога. Напротив, смерть – момент, путь, через который, как бы мы ни были отделены, как бы несовершенно ни было наше единение и гармония с Богом, мы предстаем перед Его лицом. Бог – Спаситель мира. Он не раз говорил: *Я пришел не судить мир, но спасти мир* (напр., Ин. 12:47). Мы предстаем перед Тем, Кто есть *Спасение*.

Отпевание

В службе отпевания есть трудные моменты. Нужно собрать всю нашу веру и всю нашу решимость, чтобы начать эту службу словами: *Благословен Бог наш... Порой это предельное испытание для нашей веры. Господь дал, Господь взял, да будет имя Господне благословенно*, – сказал Иов (Иов. 1:2). Но это нелегко сказать, когда мы раздираемся сердцем, видя, что тот, кого мы любим больше всего, лежит мертвым перед нашим взором.

А затем следуют молитвы, полные веры и чувства реальности, и молитвы человеческой хрупкости; молитвы веры сопровождают душу усопшего и приносятся перед лицом Божиим как свидетельство любви. Потому что все молитвы об усопшем являются именно свидетельством перед Богом о том, что этот человек прожил не напрасно. Как бы ни был этот человек грешен, слаб, он оставил память, полную любви: все остальное истлеет, а любовь переживет все. Вера пройдет, и надежда пройдет, когда вера станет видением и надежда – обладанием, но любовь никогда не пройдет (1 Кор. 13:8).

Поэтому, когда мы стоим и молимся об усопшем, мы на самом деле говорим: «Господи, этот человек прожил не напрасно. Он оставил по себе пример и любовь на земле: примеру мы будем следовать, любовь никогда не умрет». Провозглашая перед Богом нашу неумиращую любовь к усопшему, мы утверждаем этого человека не только во времени, но и в вечности. Наша жизнь может быть его искуплением и его славой. Мы можем жить, воплощая своей жизнью все то, что было в нем значительного, высокого, подлинного, так, что когда-то, когда придет и нам время со всем человечеством стать перед Богом, мы сможем принести Господу все плоды, всю жатву семян, посеянных его примером, его жизнью, которые проросли и принесли плод благодаря нашей неумиращей любви, и сказать Господу: «Прими это от меня, оно принадлежит ему, ей: я – только поле, сеятель был он! Его пример, его слово, его личность были словно семя, брошенное в почву, и этот плод принадлежит ему».

И мы можем стоять с разбитым сердцем и тем не менее провозглашать слова веры: *Благословен Бог наш...* Порой еще трагичнее звучит тропарь Воскресения: *Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и суцим во гробех живот даровав*, – когда перед нашими взорами мертвое тело человека, которого мы любили. Но голос Церкви произносит слова поддержки и утешения: *Блажен путь, вонже идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения, и: Жива будет душа моя и восхвалит Тя, Господи.*

И с другой стороны, есть вся боль, все горе, которые мы ощущаем совершенно справедливо, скорбь, которая от лица умирающего выражена в одном из тропарей канона на исход души: *Плачьте, воздохните, сетуйте: се бо от вас ныне разлучаюся.*

И вместе с тем есть несомненная уверенность, что смерть, которая для нас – потеря и разлука, есть рождение в вечность, что она – начало, а не конец, что смерть – величественная, священная встреча между Богом и живой душой, обретающей полноту только в Боге.

ПАСТЫРЬ У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО¹

– Владыка, ты работал врачом и после пострига. Насколько пастырь должен быть не только духовником, но и сиделкой, и врачом у постели больного, умирающего?

– Что бы ни думал священник о своей роли, ему эта роль как бы предписана и навязана жизнью, потому что если он *пастырь*, то есть реально заботится о тех людях, которых Бог ему поручил, то его непременно будут призывать, когда возник какой-то кризис, будь то болезнь, будь то наступающая смерть кого-нибудь в семье. И болезнь – один из самых серьезных кризисов, потому что она ставит человека перед лицом целого ряда положений, о которых здоровый большей частью не думает. Во-первых, болезнь ему ясно говорит о том, что он смертный. Я говорю не о преходящей простуде, но когда человек заболевает сколько-нибудь серьезно, то – справедливо или нет – вкрадывается мысль: значит, я над собой не имею власти, я не могу помешать болезни мною овладеть, значит, я не смогу, если она мною овладеет до конца, избежать смерти... Это первый вопрос, который, может быть, не так ярко формулируется, но что-то такое проникает в сознание человека.

¹ Беседа с руководителем религиозной программы Русской службы Би-би-си «Воскресение» протоиереем Сергием Гаккелем (октябрь 1993 – январь 1994 г.). 1-я публ.: Жизнь. Болезнь. Смерть. М.: Зачатьевский монастырь, 1995.

– То есть он не только нуждается тогда в пастыре, но и особенно открыт?

– Он особо открыт, если пастырь сумеет ему помочь эти переживания высказать. Если пастырь к нему подойдет и будет говорить: «Вот, вы сейчас заболели, вы должны понять, что за болезнью, может быть, смерть идет...» – то, конечно, человек замыкается. У меня был опыт в этом отношении.

Во время войны в нашей части был католический священник, который считал, что всякий раненый солдат или офицер может умереть в любую минуту, и единственная его, как пастыря, задача – раненого отысповедовать и причастить: раз он причащен, пусть умирает себе спокойно... Он приходил к каждому раненому, становился у ног постели и долго на него смотрел. Через некоторое время этот несчастный начинал ерзать, тревожиться: «А в чем дело, почему вы на меня так смотрите?» – «Ты же ранен, ты смотрел свою температуру?» – «Да». – «Плохая она». – «Доктора говорят, что это естественно». – «Доктора всегда так говорят, чтобы успокоить больного. Ты же знаешь, что можно и от небольшой раны умереть, если она загноится». И так он продолжал разговор, пока не загонял несчастного раненого в угол, исповедовал, причащал – и уходил, говоря мне (тогда – врачу): теперь ваше дело, я все свое сделал... Конечно, если священник будет так подходить к несчастному больному, то он его только напугает, тот закроется. И слишком часто, когда священник навещает больного, это рассматривают как предостережение: быть может, смерть у порога.

Но если священник имеет опыт болезни, либо потому что сам болен, либо потому что сумел видеть тех людей, которые болеют вокруг него (видеть – не так просто, это не зависит от того, что у тебя глаза есть, – надо уметь посмотреть), то и тогда есть целая – ну, не наука, а искусство. Наши отношения с людьми должны быть таковы, чтобы наш приход в дом воспринимался просто и с радостью. Это означает, что пастырское попечение о больных должно начинаться, когда люди здоровы, начинаться с установления простых, дружеских отношений.

Для того чтобы так, душевно, подойти к человеку, нужно громадное внутреннее целомудрие, нужно быть в состоянии посмотреть на человека как на икону, на живую икону, к которой ты подходишь с глубоким уважением, с благоговением и по отношению к которой ты будешь действовать, как действовал бы в храме по отношению к писаной иконе. То есть – молитвенно, благоговейно, чутко, смиренно, трепетно и прислушиваясь изо всех сил к тому, что в человеке есть, что он может сам сказать, но и к тому, что Дух Святой в нем совершает. Внутреннее молчание священника, его способность встречать человека на какой-то глубине, очень важна, потому что болезнь – это момент изумительной встречи с человеком.

– Интересно, что ты говоришь о молчании. Значит, вопрос не только в слове, не только во внешнем подходе, но во внутреннем отношении к человеку, которое может поддержать и озарить больного.

– Самое главное – отношение и твое *присутствие*, так чтобы больной не чувствовал, что ты только ждешь момента, когда сможешь уйти по другим делам.

Мне вспоминается случай из моей работы в психиатрической клинике. Один больной провел там шесть месяцев и ни разу ни слова не ответил ни врачу, ни сестрам, ни приходившим родным. Я, припомнив беседу с одним психиатром, попросил начальника отделения дать мне возможность с ним сидеть. Я с ним сживал три, четыре, пять, шесть часов подряд без единого слова – я просто сидел, и он сидел. После десяти дней или двух недель он вдруг ко мне обратился и сказал: «Зачем вы все эти дни и часы со мной сидите, в чем дело?» И с этого началось его выздоровление благодаря тому, что он смог с кем-то заговорить. Это психопатологический случай. Не все мы – патологические случаи в таком же смысле, но все мы замкнуты в себе. У каждого из нас есть сердцевина, которую мы боимся открыть другому человеку. А вместе с тем, если мы не откроемся (я не говорю о тех глубинах, куда только Бог имеет право заглянуть), если человек не приоткроет тех глубин, где происходит внутренняя борьба между светом и тьмой, между жизнью и смертью, между добром и злом, то твое священническое присутствие с точки зрения его болезни никакой пользы не принесет.

У меня есть близкий пример тому, правда, еще из моей врачебной работы. Помнится, на войне, во время первых боев, привели одиннадцать раненых солдат. Это был мой первый контакт с людьми прямо с поля битвы. Они были еще охвачены страхом. Я подумал: я дол-

жен как можно скорее сделать для них – для каждого – что могу, чтобы следующий не ждал слишком долго... Я работал как можно быстрее и отправлял их в больничную палату. Потом пошел туда и обнаружил, что я ни одного из них не могу узнать: ведь я смотрел на их раны – на грудь, на ноги, на живот, на плечи, а в лица не вглядывался, никто из них не был ранен в лицо. И они все оставались в состоянии шока, потому что они его не изжили. Когда была приведена следующая группа раненых, я, наученный первым опытом, решил, работая руками, с ними разговаривать (можно сделать руками очень многое, пока говоришь и смотришь на человека). Я каждому смотрел в лицо и задавал вопросы, потом, глядя, конечно, на свои руки и на его раны, делал то, что надо. Я спрашивал: «Как тебя зовут? Где тебя ранило? Очень ли было страшно?» – вопросы незатейливые, но такие, чтобы раненый успел за то время, пока я им занимаюсь, вылить свой страх, вылить свой ужас. И когда я потом посетил палату, во-первых, я всех раненых узнавал в лицо и, во-вторых, обнаружил, что шок у них прошел, потому что за наш короткий разговор они успели вылить свои чувства.

– Все, что ты говоришь, указывает на другой темп жизни. У постели больного надо действовать мудрее, чем обычно: говорить спокойнее, поступать осторожно и смиренно...

– Я совершенно уверен в этом. Инициатива в каком-то отношении должна идти от больного, а не от тебя. Ты должен быть настолько углубленно-молчалив и открыт, чтобы больной мог в любую мину-

ту с тобой заговорить. Важнее всего, больше всего помогает (и научиться этому трудно) способность *сесть* и *пробыть* тут, в полном покое. Это подразумевает две вещи. С одной стороны, это надо делать так, чтобы тот, о ком вы заботитесь, сознавал, что вы пришли на неограниченное время, вы не спешите, вы *совершенно* присутствуете. Ведь вы прекрасно знаете, как выглядит посещение, если человек присаживается и по его лицу явно, что у него десять минут времени, и он ждет, чтобы они прошли и он мог бы сказать: «Ну, мне пора!» Так часто мы озираемся вокруг, смотрим по сторонам, и тот человек, которого мы будто бы пришли навестить, чувствует, что на самом деле мы вовсе не с ним. Физически – да, мы тут, но мысли наши разбегаются, мы думаем о предыдущем или о следующем пациенте или о чем-то, что мы должны были или собирались сделать. Если вы кого-то посещаете, пусть ему будет совершенно ясно, что *все* время, каким вы располагаете – пусть пять минут, – принадлежит ему совершенно безраздельно, что в эти пять или сколько-то минут ваши мысли не будут заняты ничем другим, что нет на свете человека более значительного для вас, чем тот, с кем вы находитесь.

И кроме того, *умеите молчать*. Пусть болтовня отступит, даст место глубокому, собранному, полному подлинной человеческой заботливости молчанию. Молчанию научиться нелегко. Сядьте, возьмите больного за руку и скажите спокойно: «Я рад побыть с тобой». И замолчите, будьте с ним, не воздвигайте между вами целый мир незначительных слов или поверхностных эмоций. Пусть ваше посещение будет ему в радость, пусть он знает, что и для вас быть

с ним – радость. И вы обнаружите то, что я не раз обнаруживал за последние 30–40 лет: в какой-то момент люди становятся способными говорить – говорить серьезно, говорить глубинно, произносить то небольшое, что сказать стоит. И вы обнаружите нечто еще более поразительное: что вы и сами способны говорить именно так.

– Тут нужно большое терпение и большое смирение!

– Видишь ли, у меня нет ни терпения, ни смирения, но у меня есть усидчивость. Я думаю, что, если у священника хватит просто честности сказать: я ничего не могу сделать, кроме того, чтобы прийти, сесть и ждать, что будет, – и то будет на пользу. Очень разрушительно для душевного состояния человека, если священник приходит, садится и смотрит на часы. Может быть, вы спешите, может быть, вам надо попасть еще куда-то, но тот, с кем вы сидите, должен чувствовать, что все то время, которое вы проведете с ним, вы думаете только и исключительно о нем. Следует научиться видеть человека и слышать его. И в течение всего разговора воспринимать не только слова, но и выражение глаз, лица и голоса. Мы, может быть, услышим очень мужественные слова, произнесенные со страхом в голосе. И мы должны быть в состоянии ответить на страх или на невысказанный вопрос, скрытый за словами, а не только на произнесенные слова. Смотря по тому, каковы отношения с данным человеком, можно действовать по-разному. Если вы близко знакомы, можно сказать: «Нет, будь правдив, не притворяйся. Давай говорить прямо: ты боишься – в чем дело?» Если вы знакомы не так близко или если отношения не так

глубоки, следует найти способ дать человеку понять, что мы понимаем его состояние, не рая его. У нас должны быть мужество и такт, которые позволят больному заговорить о своих страхах, потому что одна из самых тяжелых вещей для него – это лежать, замкнувшись в свое одиночество, которое создается тем, что он не решается высказаться. Многие, думая, что смертельно больны, боятся задать вопрос, потому что страшатся ответа. И первое посещение больного может стать началом правдивых отношений.

Еще один момент отношений с больным (это затрагивает не столько священника, сколько все окружение человека, очень широко) – обычай навещать больных. Для больного такие посещения могут быть большим благодеянием, но могут оказаться сущим бедствием. Я знаю, Евангелие учит нас, что посещать больных – добродетельно. Но я знаю также, что применять евангельские советы и заповеди следует с большой рассудительностью, руководствуясь любовью; и очень часто любовь, которую мы вкладываем в свое посещение больного, можно было бы выразить куда лучше, предоставив ему возможность побыть в покое. Мне случалось болеть, и чтобы не стать жертвой милосердия друзей, я вешал на дверь записку, которая многих задевала: «Вот случай из жизни святого Арсения Великого. Одна знатная женщина добралась из Константинополя в пустыню, чтобы посетить его, и сказала: „Отче, дай мне заповедь, которую я бы выполняла всю жизнь!“ Арсений ответил: „Вот тебе заповедь, и помни, что ты обещала никогда не нарушать ее: когда услышишь, что Арсений в одном месте, сразу удались в другое“».

Кроме того, что порой именно любовь должна нас удерживать от посещения тех, кто прекрасно и счастливо мог бы обойтись без наших утомительных, расслабляющих визитов, очень часто посетитель мог бы содействовать поправке больного, помогая ему быть собранным, серьезным, полностью владеть той силой жизни, которая в нем есть, помогая не быть рассеянным, опустошенным, не разбрасываться. Вы сами знаете, как опустошительны некоторые разговоры, как нас истощают иные посетители. Вот чему, я думаю, должны научиться и молодые, и немолодые священники, вот чему следует учить врачей, сестер, родственников. Одна из вещей, которая может погубить встречу или посещение больного, – это пустая болтовня, пустословие, потому что болтовней, словно ширмой, часто пользуется человек, чтобы защититься от необходимости быть серьезным, высказать свою тревогу, быть правдивым и истинным. Постоянное суесловие открывает этому большие возможности, и пациент становится все менее реальным, он все меньше в состоянии справляться с болезнью.

– Как научиться этому трудному делу молодому священнику, еще не обогатившему ни жизненным, ни пастырским опытом?

– Надо стать как музыкальная струна, которая сама не издаст звука, но как только к ней прикоснется палец человека, она начинает звучать – петь или плакать. Этому должен научиться всякий человек, на этом основаны все человеческие отношения. Если врач так относится к больному, если священник так относится к пасомому – больному или не больному, то создаются совершенно новые отношения.

– Мы столько говорим о встрече священнослужителя с больным и еще ни слова не сказали о таинствах. Это, наверно, удивит того священнослужителя, который привык быть «требоисполнителем».

– Я думаю, что одна из задач священника – сделать больного восприимчивым к таинству. Таинство не является магическим способом исцелить или очистить человека. Конечно, в таинстве есть объективная сила, объективная реальность, но человек может ее получить и схоронить. Отец Георгий Флоровский мне как-то сказал, что, когда мы крестим ребенка, мы словно вкладываем зернышко в глубины той почвы, которую он представляет. Но если зернышко не будет возвращено, оно может так лежать до конца жизни. И больной не обязательно открыт. Я больше скажу: часто больной замыкается, потому что боится (знаешь, существует множество нелепых предрассудков), что, если ты ему предложишь причаститься, это значит, что ты в нем видишь умирающего.

Кажется, митрополит Платон Левшин написал, что не лишение таинств, а презрение к таинствам отнимает у человека благодать. С другой стороны, помнится, святой Иустин Философ говорит, что достаточно было бы причаститься один раз в жизни, потому что, как говорит апостол Павел, дары Божии неотъемлемы (Рим. 11:29). Но нам приходится возвращаться к таинствам, потому что мы теряем в своих глубинах то, что там лежит, словно клад. И если нет возможности получить таинство, приобщиться к тем или другим таинствам, то мы можем, как Феофан Затворник говорит, в себя углу-

биться и приобщиться тому, что нам *уже* дано, что в нас *уже* лежит, как драгоценный плод.

Поэтому не надо «пугать» человека: «Вот, я тебя причащу, потому что – кто знает, – может быть, ты сегодня ночью умрешь» (ведь это так воспринимается больным человеком), а надо его успокоить и постепенно довести до его сознания, как было бы замечательно для него, чтобы все его духовные силы собрались воедино вокруг таинства причащения, причем не безусловно, а как результат очищения совести.

Мне сейчас вспомнилась одна женщина, которую я напутствовал сорок лет тому назад. Она умирала и просила ее причастить. Я сказал, что она должна исповедаться. Она исповедалась, и в конце я ее спросил: «А скажите, не остается ли у вас на кого-нибудь злоба? Есть ли кто-нибудь, кого вы не можете простить?» Она ответила: «Да. Я всем прощаю, всех люблю, но своему зятю я не прощу ни в этом мире, ни в будущем!» Я сказал: «В таком случае я вам ни разрешительной молитвы не дам, ни причащения». – «Как же я умру не причащенной? Я погибну!» Я ответил: «Да! Но вы уже погибли – от своих слов...» – «Я не могу так сразу простить...» – «Ну, тогда уходите из этой жизни непрощенной. Я сейчас уйду, вернусь через два часа. У вас впереди эти два часа для того, чтобы примириться – или не примириться. И просите Бога, чтобы за эти два часа вы не умерли». Я вернулся через два часа, и она мне сказала: «Знаете, когда вы ушли, я поняла, что со мной делается. Я вызвала зятя, он пришел, мы примирились». Я ей дал разрешительную молитву и причащение.

Но нельзя рассчитывать, что причащение тебя исцелит автоматически. Мы знаем из собственной жизни: мы все, не «люди» вообще, а мы, причащаемся – и разве можно сказать, что мы делаемся святыми? Мы ведь недостаточно изменяемся...

И таинство елеосвящения² не направлено специально на исцеление тела. Если посмотреть на подготовку, видно, что человек должен сначала принести исповедь за всю жизнь. А исповедь всей жизни не означает, что вы принесете список всего, что случилось за прошедшие шестьдесят лет, – это означает, что вы проделаете целый путь, расчистите все, что было недолжного. Из молитв на елеосвящении ясно, что мы ожидаем исцеления души, которое, даст Бог, перельется и принесет исцеление и телу. Я думаю, что неверно прибегать к таинству елеосвящения с единственной целью – получить телесное здравие, это не некое «клерикальное лечение», это – подлинное проявление пастырского попечения. В процессе подготовки человека, помогая ему обрести вновь цельность, целостность души и духа, мы, может быть, обнаружим, что он сможет сказать: я чувствую себя настолько преобразенным, что мне уже не важно, жив я или умру, получу ли физическое исцеление или нет...

– Священник приходит к незнакомому и порой неподготовленному человеку. Может быть, он крещен недавно или чисто фор-

² Елеосвящение, или соборование (греч. εὐχέλαιον), – одно из семи таинств, по учению Православной Церкви, дарующее больному духовное и телесное исцеление. Таинство существовало уже в древней Церкви, традиция возводит его к Евангелию (Мф. 10:1, 8; Мк. 6:13), на него в явной форме указывает Послание Иакова (Иак. 5:14–15).

мально. То есть в смысле церковном мы имеем «право доступа», но внутренней подготовки у него нет. Здесь как действовать?

– Я думаю, что не надо священнику накидываться на больного хищным зверем и думать: вот, я теперь за него возьмусь и то или другое сделаю; надо, чтобы сначала установились нормальные человеческие отношения между священником и больным. И это возможно, если священник готов посидеть, расспросить больного о его жизни, поделиться своей жизнью, и в рассказе о своей жизни, о своем опыте, о том, что он встречал, сказать нечто наводящее или помогающее. Я несколько раз, общаясь с умирающими, рассказывал им, как моя мать умирала, потому что это настолько мне близко, что человек, слушая меня, не мог думать, будто я сказки ему рассказываю для его пользы. И, делясь с человеком тем, что я сам пережил, я ему давал возможность и пережить нечто, чего он не переживал раньше, и понять что-то, и почувствовать, что он может об этих вещах говорить. Очень часто человек тяжело больной или знающий, что над ним смерть висит, боялся об этом говорить, словно опасаясь, что навлечет на себя смерть, если начнет о ней говорить вслух.

Помню, я навещал очень испуганного человека, который противился всякой попытке установить простое, прямое общение. Тогда я прибегнул к такому приему – я сказал: «Как замечательно, что вам не грозит смерть или серьезное заболевание». И по ходу разговора стал рассказывать о том, как умирала моя мать. У женщины, с которой я сидел, был рак, как и у моей матери. Мы долго говорили обо всем, что составляло наши с матерью переживания, и в конце кон-

цов эта женщина спросила: «Как вы думаете, я сумела бы встретить смерть так же, как ваша мать?» И тут мы смогли заговорить о ней самой, а не о моей матери.

Очень важный момент: надо ли предупреждать больного о грядущей смерти? Во-первых, надо, чтобы сказал очень близкий человек, а не просто сестра милосердия, доктор или кто попало – по должности. И, во-вторых, надо, чтобы тот, кто это скажет, не уходил сразу. Легче всего сказать и бежать. А человек, которому нанесли этот страшный удар – потому что редко кто ждет смерти, как ее ждал апостол Павел, ждут святые, – остается лицом к лицу со смертным приговором, а сестра милосердия будет подольше возиться с чаем, чтобы вернуться только тогда, когда будет немножко легче. Вот этого никогда никто не смей делать! В таких случаях надо, как я сказал, сесть и побыть с человеком, и только тогда уйти, когда что-то развязалось внутренне. Когда скорбь стала общая, когда любовь победила, когда надежда на какой-то срок времени в руках, – тогда можно уйти. Но к этому надо возвращаться.

Так что один человек другому *может* помочь. Конечно, так не всегда бывает. Во-первых, надо уметь сказать, во-вторых, надо уметь побыть, в-третьих, надо, чтобы человек, кому ты это скажешь, был готов к тому, что ты говоришь. Не всякому можно бросить в лицо смертный приговор. Иногда, зная это, приходится, не прибегая ко лжи, постепенно готовить человека к тому, что физическая смерть придет, но «разве наши отношения могут умереть?» – и только тогда сообщить больному, что смерть действительно идет, когда он подготовлен.

Часто бывает, что больной давно уже догадался умом или в своем теле знает с совершенной уверенностью о грядущей смерти, а родные лгут: «Ах, как ты сегодня хорошо выглядишь!» или: «У тебя голос сейчас совершенно иной!» и так далее. А выйдут за дверь – и плачут. А больной отлично все это чувствует, потому что мы совершенно иным голосом говорим правду или лжем сознательно. В такой лжи есть преувеличение, есть какая-то особенная напряженность радости, и человек понимает, что все это сплошная ложь.

Поэтому когда человек тебе говорит: «Я чувствую, что умираю», можно ему ответить: «Знаешь, мы все под Богом ходим. Сейчас – нет, ты не умираешь, но, возможно, впереди смерть...» Или еще что-нибудь иное сказать, в зависимости от того, с кем ты говоришь. Но мне кажется, страшно важно не замкнуть человека в абсолютное отчаяние одиночества. Если окружающие все время будут говорить больному, что перед ним только жизнь, десятки лет впереди, в то время как сам он чувствует, что жизнь течет из него, как из раны течет кровь, – он не может докричаться до другого человека, который отказывается слышать, и остается замураванность. Больной как бы замураван один в тюремной клетки, ему некуда уйти, ему остается только смотреть на грядущую смерть и на все, что в его прошлом является мучительным злом или чем-то недоделанным.

А у священника своя роль. Не обязательно, я бы даже сказал, лучше, чтобы не он сообщал больному о смерти (разве что больной – его личный друг, но тогда это в другом плане происходит). Иначе больной в священнике всегда будет видеть профессионала, то есть

человека, который пришел ради того, чтобы выполнить какую-то задачу. А нужно, чтобы сказал о смерти самый близкий человек, не обязательно тот или другой, а именно самый близкий. Это может быть друг, это может быть жена, это может быть брат, сын, дочь, кто угодно – тот, кто самый близкий и кто останется, кто будет при больном все время.

Я помню ужасный случай. Близкий мне человек умирал, мне не сказали ни о его болезни, ни о том, что грядет смерть. Меня вызвали, когда он был уже без сознания: «Отец Антоний, ты можешь причастить Мишу?» – «Нет, не могу больше причастить: он глотать уже не может. Почему вы меня не позвали раньше?!» – «Мы побоялись. Понимаешь, на тебе черная ряса». А мы были друзьями двадцать лет, он меня видел в черной рясе сколько угодно, и он меня не боялся... И человек ушел, потому что его «пожалели». А он давно знал, конечно, что умирает, потому что это состояние приходит не в одно мгновение.

– Мы говорили о том, как действовать священнику при постепенном умирании человека. Но ему придется иметь дело и с экстремальными ситуациями. Умирает человек неподготовленный, но нуждающийся в поддержке как никогда прежде...

– Большею частью самая страшная для умирающего мысль – та, что он отходит, умирает одиноко, то есть он был частью общества, семьи, жизни, а теперь вдруг настала смерть, и ему никто не может помочь. И мне кажется, что очень важно священнику (а если свя-

щенника нет, то любому человеку, даже неверующему) подойти и дать умирающему почувствовать, что он не один. Когда человек в таком состоянии, то священник или близкий друг должен считать, что *этот* человек – единственный на свете, и ему отдать все внимание и все время. И тут я хочу дать пример.

В начале войны я был хирургом в полевом госпитале, и в моем отделении умирал молодой солдат. Я его, конечно, посещал днем, а в какой-то вечер подошел, взглянул на него, и мне стало ясно, что он не жилец. Я его спросил: «Ну, как ты себя чувствуешь?» Он на меня взглянул глубоко, спокойно (он был крестьянин, поэтому в нем была такая тишина полей, тишина лесов, тишина неспешной жизни) и сказал: «Я сегодня ночью умру». Я ответил: «Да, сегодня ты умрешь. Тебе страшно?» – «Умирать мне не страшно, но мне так жалко, что я умру совершенно один. Умирал бы я дома – при мне были бы и жена, и мать, и дети, и соседи, а здесь никого нет». Я говорю: «Нет, неправда, – я с тобой посижу». – «Ты не можешь просидеть со мной целую ночь». – «Отлично могу!» Он подумал, сказал еще: «Знаешь, даже если ты будешь здесь сидеть, пока мы разговариваем, я буду сознавать твое присутствие, а в какой-то момент я тебя потеряю и уйду в это страшное одиночество в момент, когда страшнее всего – умирать». Я ответил: «Нет, не так. Я с тобой рядом сяду. Сначала мы будем разговаривать, ты мне будешь рассказывать о своей деревне, дашь мне адрес своей жены. Я ей напишу, когда ты умрешь, если случится, навещу после войны. А потом ты начнешь слабеть, и тебе будет уже невозможно говорить, но ты

сможешь на меня смотреть. К тому времени я тебя за руку возьму. Ты сначала будешь открывать глаза и видеть меня, потом закроешь глаза и уже меня видеть не сможешь, уже не будет сил открывать их, но ты будешь чувствовать мою руку в своей руке или свою руку в моей. Постепенно ты будешь удаляться, и я это буду чувствовать, и периодически буду пожимать твою руку, чтобы ты чувствовал, что я не ушел, я здесь. В какой-то момент ты на мое пожатие руки ответить не сможешь, потому что тебя здесь уже не будет. Твоя рука меня отпустит, я буду знать, что ты скончался. Но ты будешь знать, что до последней минуты не был один». И так и случилось.

Это один из целого ряда примеров. Я сидел, как правило, с каждым умирающим в нашей больнице, не только своего отделения, но и других отделений, и каждый раз повторялась пусть не та же картина, но то же взаимное отношение: нет, ты не один.

Другое, что я хотел сказать: человек как будто теряет сознание задолго до того, как умирает. И никогда не должны ни врач, ни сестра милосердия, никто вокруг него думать, будто потому, что он не может с ними общаться, он не воспринимает того, что вокруг происходит. Когда я был студентом первого курса медицинского факультета и впервые работал в больнице, там, помню, умирал русский казак. На обходе старший врач остановился у его постели и сказал: «Ну, его и осматривать не стоит, он уже ушел», – и прошел дальше. Этот человек очнулся. Мы с ним говорили по-русски, поэтому он меня знал, и он мне сказал: «Знаешь, когда ты врачом будешь, *никогда* при умирающем не говори, что не стоит на него

обращать внимания, потому что он-то тебя слышит, если даже ты не можешь его как-то воспринимать».

У меня был другой случай, тоже во время войны. Попал в больницу раненый немец. Там был молодой протестантский пастор, который, пока тот еще мог воспринимать слово и разговор, читал ему вслух отрывки из Евангелия, с ним молился. Как-то этот молодой пастор вышел из его комнаты в слезах, наткнулся на меня и говорит: «Какой ужас! Этот человек умирает, я больше ничего для него не могу сделать». – «Почему?» – «У нас прекратился разговор, он потерял сознание». Я ему очень резко сказал: «Знаешь что, садись рядом с ним и читай вслух Евангелие на его родном немецком языке, начиная с воскрешения Лазаря». И этот молодой пастор в течение трех суток проводил целые дни и часть ночи при нем, то читал, то молчал и так прочел ему все четыре Евангелия. В какой-то момент этот умирающий открыл глаза и сказал: «Спасибо, что вы читали. Я отозваться не мог, но каждое слово до меня дошло, и я вошел в новую жизнь».

Это опять-таки священник должен знать. Причем делать это должен не обязательно священник, это может делать кто угодно, способный уделить свое время тому человеку, у которого времени очень мало.

– В случае с солдатом ты еще не был священником. Как бы ты действовал, если бы уже был священником? Изменились ли бы твоё отношение и действия?

– Нет, я сделал бы то же самое. Он во мне не нуждался как в священнике, потому что он был католик, и там был местный католический священник, навещавший раненых, поэтому пастырской ответственности у меня не было.

Если бы случилось, что он умирал на поле битвы или в таком положении, где до священника его вероисповедания не добраться, я бы его спросил: «А ты верующий?» Если да, то я ему предложил бы молиться вместе. Если нет, я ему сказал бы: «Знаешь, в течение всей нашей теперешней встречи я буду молиться тому Богу, в Которого я верю». Вот и все.

Если бы он меня попросил его причастить и не было бы возможности ему причаститься в своей Церкви, я думаю, что умирающего я причастил бы. У меня был спор с одним священником Греческой Церкви, который мне сказал: «В таком случае вы не православный, вы еретик. Как вы смеете давать Святое Причастие неправославному человеку, не заставив его отречься от его прежней веры?!» Я согласен, что это очень важный вопрос, но, думаю, нельзя пользоваться тем, что человек при смерти, чтобы заставить его отречься от той веры, которая вдохновляла его всю жизнь, которая ему дала Христа. И с другой стороны, если человек с готовностью, с полной открытостью сердца скажет: «Да, я верю, что причащением Святых Тайн ко мне приходит Спаситель Христос, что через Святые Тайны в меня вливается Божественная жизнь», – я не усомнился бы его причастить. Богословски я могу быть прав или неправ, но опыт пяти лет на войне мне показал, что перед лицом реальной смерти

стираются многие границы: лицом к лицу со смертью человек вырастает в такую меру, какой он не знал раньше. Я не говорю, что он делается героем, я только говорю, что лишь перед лицом смерти человек может познать свое человеческое достоинство и величие. Отцы Церкви говорили: «Имей память смертную». Это не значило, как многие сейчас понимают: «Всю жизнь думай, что за плечами смерть, – как страшно!» Отцы говорили о другом: о том, что если ты не живешь всем своим существом, всей душой, всем мужеством своим, с готовностью даже умереть, то ты живешь только полужизнью. Один из героев Рабле говорит: «Я готов стоять за свои убеждения до виселицы – исключительно»³. Это значит, что он не готов был стоять за них.

– Мы дошли до очень важного момента. Я спрашивал насчет действий священника: как быть, если нельзя употреблять слова. Но все-таки молитва – не простое слово. Как можно с таким человеком молиться, если нет запасных Святых Даров? Как лучше всего молиться? Простыми молитвами экспромтом, чтобы как-то яснее было тому, кто умирает и, может быть, приходит уже в совершенно бессознательное состояние?

– Я думаю, что надо молиться из глубин своего сердца, то есть со всей возможной правдивостью, так чтобы молитва, с одной стороны, была как бы предношением этого человека перед лицом Бо-

³ Ср.: Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Фирма Арт, 1993. Кн. 3. Гл. III. С. 262.

жиим, с другой стороны – могла дать форму тем чувствам, которые этот человек неминуемо испытывает.

Я когда-то видел фотографию доктора Швейцера, который был миссионером и врачом в Африке, и картина меня захватила. Он стоит с очень значительным лицом, и перед ним маленькая негритянка держит на руках и поднимает к нему малюсенького ребенка. Она ничего не говорит, но она смотрит ему в глаза так, будто говорит: «Мой ребенок страдает, мой ребенок может умереть, а ты – все знаешь, ты можешь его спасти. Я тебе его отдаю, возьми его и верни мне здоровеньким!» Мне кажется, что этот образ, эта картина, говорит о том, что называют *заступнической молитвой*. Такая молитва заключается не в том, чтобы Богу твердить: «Сделай, сделай, сделай... сделай...», а в том, чтобы в свое сердце взять этого человека, и стоять перед Богом, и его держать перед Господом, и говорить: «Господи, я Тебе его вручаю, без условий, без ограничений, со *всей* (пусть малой) верой, какая во мне есть, ради Твоей любви к нему и ради того, что Ты можешь над ним совершить то, что ему нужно».

Это первое, что мы должны сделать в таком случае, о котором ты говоришь. Умирает человек (потому ли, что на него наехала машина, или потому, что его из пулемета ранило насмерть) – ты его первым делом должен взять, принять в себя, не защищаясь против его страхов, его боли, его непонимания, и держать перед лицом Божиим. А второе: ты можешь помочь ему, уже лично, если будешь молиться такими словами, которые для него что-то открывают. Если ты возьмешь молитвенник или служебник и будешь вычитывать канон на исход

души на славянском языке, это не дойдет до человека. А если ты просто будешь как бы говорить с Богом... Например: «Господи, вот мы оба перед Тобой. Мы оба стоим перед лицом смерти (в случае войны совершенно ясно, что не только раненый, но и здоровый стоит перед лицом смерти). Вот умирает человек, которого Ты создал, которого Ты вызвал из небытия по Своей любви, Ты в него поверил, Ты вручил ему жизнь, а теперь Ты ему даешь эту жизнь завершить подвигом отдачи этой жизни за ближних своих, за друзей, за Родину...» Я не хочу сказать, что надо молиться точно такими словами, – но в таком настроении. И затем, если ты успел перемолвиться несколькими словами с раненым или умирающим и как-то почуять, насколько он верит, во что он верит, в зависимости от этого его веру как бы выразить с большей силой, чем он может в данную минуту это сделать.

– А если веры нет?

– Если веры нет, ты можешь сказать: «Ты не веришь, а я верю. Я буду с моим Богом говорить, а ты послушай, как мы друг с другом разговариваем». И если это сделать, то часто бывает, что до человека *доходит*. Я не могу логически это объяснить. Очень редко бывает, чтобы умирающий пожал плечами и сказал: «Уходите со своим Богом!» Поэтому я уверен, что молиться надо, но так, чтобы молитва не была человеку оскорблением. Если он скажет: «Только не говорите мне о Боге!» – молчи. У тебя есть сердце, у тебя есть ум, ты можешь предстоять перед Богом и держать этого человека перед Богом. А навязывать Бога в смертный час человеку, когда тот от Бога

отрекается сознательно, просто жестоко. И раньше чем дойти до Бога, мы непременно должны показать наше человеческое сострадание, близость, показать, что мы родные ему, что он нам родной.

– Мимоходом у меня возникла мысль по поводу славянского языка. Человек лежит на смертном одре и постепенно тихо уходит. Как насчет славянского языка и сложных молитв в таком случае? Они не доходят, может быть?

– Я думаю, что, если просто взять молитвослов и читать готовые молитвы, это не дойдет. Но, думаю, что не незаконно эти тексты читать, во-первых, заменяя непонятные слова понятными, русскими, во-вторых, прибавляя нечто или убавляя в зависимости от того, кто этот человек, что ты о нем знаешь, – с тем чтобы молитвенные слова стали молитвой, относящейся *лично* к этому человеку. Потому что все наши службы рассчитаны на всех возможных людей на свете, но ни один человек не представляет собой этого «всевозможного» человека. Поэтому иногда проще изменить некоторые слова, чтобы они были понятны, – это раз, а во-вторых, выбирать те молитвы, которые для этого человека могут иметь смысл. Ведь речь идет не о том, чтобы совершить над ним определенный обряд, речь идет о том, чтобы до него дошла церковная молитва, церковная вера, человеческое тепло и любовь, окутанность церковной молитвой. И иногда, если придерживаться просто написанного текста, человек его не может услышать из-за языка, из-за мыслей, которые там есть. Поэтому можно сказать несколько слов из этой молитвы, а потом своими словами их развить.

И это не грех, это не неправда. Я помню письмо Феофана Затворника, где он говорит, что мы должны учиться из молитв святых тем чувствам и мыслям, которые в них заключены. Каждая молитва святого говорит нам о том, как он себе представляет Бога и какое общение у него с Богом было, как он себя видел по отношению к Богу и к собственной совести, какое место он занимал по отношению ко всему сотворенному миру. Все это можно узнать из молитв, и постепенно эти молитвы делаются твоими. Но, с другой стороны, когда ты ими молишься, ты должен вложить в них свой личный опыт Бога, сознание себя самого, личное сознание своего положения в мироздании.

В каком-то отношении можно так сказать: употребляя молитвы святых, мы находимся в положении человека, который прислушивается к музыке великих композиторов. Он воспринимает через музыку только то, на что сам способен, то есть у него дрожат в душе те струны, которые уже способны отозваться на многосложность данной музыки. Но по мере того, как он прислушивается чаще и чаще, его душа делается более чуткой, и в какой-то момент ему не нужна будет музыка, потому что он сможет перейти из звука в молчание или потому что он воспримет начальные звуки и потом их остановит для того, чтобы ими жить дальше. И Феофан Затворник говорит, что цель употребления молитв святых в том, чтобы потом быть в состоянии переходить не от слова к слову, а от чувства к чувству. Взглянешь на слова – и эти чувства родились в тебе, и ты потом умел бы их своими словами выражать Богу, но на основании тех глубоких, истинных, подлинных чувств, которые святой тебе подсказал.

Это то, что я делаю, например, когда у нас бывают здесь говения⁴. Я провожу одну беседу, потом у нас часовое молчание, потом вторая беседа, другое молчание и затем общая исповедь. На общей исповеди я беру покаянный канон, вычитываю несколько строчек и потом на основании того, что я читал, перед Богом произношу *свою* исповедь. И потом перехожу к следующим строчкам. И так далее.

И я думаю, что то же самое может происходить, когда молишься над умирающим или над больным. Читаешь несколько строчек или несколько слов, они в тебе вдруг рожают живое чувство, которое ты можешь выразить по отношению к этому больному или умирающему, потому что до тебя «дошло». Знаешь, есть восточное при словье, что, если человек стреляет из лука, он никогда не попадет в мишень, если стрела не пробьет одновременно его сердце. И я думаю, что это очень верное слово. Если то, что ты говоришь, тебя не пробивает, то, конечно, оно ни до кого не дойдет. Это относится и к проповеди, и к вычитыванию молитв, к исповеди и к любому нормальному человеческому общению.

– Ты упомянул исповедь. Мы об этом еще не говорили. Человек умирает. Многие даже нецерковные люди нуждаются в таком

⁴ Говение (в общепринятом значении) – подготовка к Причастию, включающая присутствие на богослужениях, пост, углубленное самоиспытание. В практике прихода, руководимого митрополитом Антонием, – это день, посвященный духовной беседе, совместному размышлению, молитве, общей исповеди; такие говения проводятся ежегодно в Рождественский и Великий пост на русском и английском языках.

исповедальном моменте. Как помочь в этом? Как человека подвести к этому моменту, если он не знает, какими словами пользоваться, если он просто не привык к исповеди?

– Я думаю, что когда времени мало, то нельзя пускаться в полную катехизацию умирающего или больного. Поэтому вопрос стоит так: «Ты сейчас войдешь в вечность. Хочешь ли ты войти в вечность со всем грузом, который ты собрал за свою жизнь? Есть ли такие вещи в твоей жизни – поступки, слова, мысли, – которые ты хотел бы оставить на земле, чтобы они здесь превратились в прах и пыль? Есть ли в твоей жизни такие поступки, такие моменты, которые недостойны тебя самого?»

Это – минимум. Можно прибавить в зависимости от того, кто этот человек: «Есть ли такие вещи, которые тебя заставляют стыдиться перед Богом и думать: как я перед Ним встану, когда я к Нему *так* в течение жизни отнесся? Так вот, раньше, чем ты уйдешь в вечность, сними с себя эту тяжесть. Скажи: от таких-то и таких-то моих поступков я отрекаюсь, такие-то слова я сейчас не хотел бы произнести, если бы я мог их стереть с доски моей памяти, я бы это сделал. По отношению к Богу – я все время на Него ссылался, и все время Его обманывал, унижал, оказывался Ему неверным. По отношению к людям – я знал, как Бог любит людей, а я относился к ним, будто Бог ни при чем, будто я – бог...» Все это человек может выразить в нескольких словах, и, если не может говорить вслух, он может внутренне сказать Богу: «От всего того, в чем я оказался недостойным ни своего человечества, ни себя, ни родных, ни Тебя, ни людей,

которые меня любили, – от всего этого я отрекаюсь, прости!» Это может занять одно мгновение, потому что немного времени нужно, чтобы стряхнуть все это.

– Если такого человека можно причащать, видимо, можно и разрешительную молитву дать вкратце?

– Да, можно помолиться о том, чтобы Господь простил этому человеку все его прегрешения. Формулы бывают разные. Бывает формула, которую мы употребляем: «И аз, недостойный иерей такой-то, властью мне данной прощаю и разрешаю тебя от грехов твоих». Есть просительная формула, которую употребляет Греческая Церковь: «Господи, прости ему все его прегрешения». Есть древняя формула, где говорится: «Прости, Господи, все грехи, в которых он искренне покался». При смерти я бы не употреблял эту последнюю формулу, потому что она может показаться слишком страшной человеку, но я помолился бы: Господи, Ты Свою жизнь отдал для того, чтобы спасти этого человека, – спаси!

– Как должен священнослужитель помочь близким умирающего, которые, может быть, не вполне церковные люди?

– Я думаю, что надо подарить им как можно больше своего времени. Нельзя прийти «профессионально», с ними поговорить и уйти. Надо прийти и с ними побыть, и дать им возможность просто поговорить на житейские темы (часто, когда у человека перед глазами страх, ему хочется поговорить о пустяках). А постепенно ты сможешь об-

ратиться к основной теме: да, жизнь течет, жизнь продолжается, а в сердцевине жизни происходит что-то очень серьезное, – и происходит это и с вами, и с дорогим вам человеком, который умирает... И говорить надо в первую очередь о том, что любовь не может быть побеждена смертью, чтобы никогда никто не смел говорить «мы друг друга любили», а только «мы друг друга любим во веки веков». Я это говорил несколько раз на похоронах: не говорите «мы любили», говорите «мы любим друг друга», потому что человек уходит в вечность, содержание которой – любовь и ничто другое. И вы можете вращаться в эту вечность тем, чтобы в вас любовь не только не умирает, но углубляется, утончается, делается более светлой. А для того чтобы это случилось, подумайте: что вас от этого человека отделяет, что в течение многих – или немногих – лет, которые вы провели вместе, являлось как бы тенью в этой любви. И спешите разрешить все существующие проблемы: трудности характера, неприятности, озлобление, раздражение, мало ли что бывает между людьми в течение жизни, – бывают и очень серьезные проблемы. И продумайте, что у вас на совести (или у него, у нее может быть на совести), что между вами стоит преградой к тому, чтобы любовь ликующе текла между вами. И эти проблемы разрешайте не каким-то «деловым» образом, не приходите со словами: «Теперь давай продумаем наше прошлое, с тем чтобы наше настоящее стало чисто и светло», а постепенно, разрешая одну проблему за другой.

Можно сказать: «Я так жалею о том, как я с тобой говорил на этих днях». Или: «Я так жалею, что когда-то мы друг друга не по-

няли, и это нас разъединило». Мало ли что можно сказать – я даю только жалкие примеры. И так постепенно можно очистить в себе и в другом человеке всю область потемок, или несовершенства в любви, или его страха. Страха: «А вдруг меня в конечном итоге недолюбят, и мне придется умирать одному, именно в сознании, что я один, они со мной не идут в вечность». Об этом можно говорить с очень простыми людьми. Может быть, разными языками, но на их языке, потому что язык любви, привязанности, света, тьмы понятен каждому человеку. И так можно постепенно готовить окружающих к тому, что смерть – не последнее слово: если вы сумеете любить до конца, то ваша любовь не умрет.

И еще можно говорить о том, что будет дальше. Меня очень поражает на похоронах или на панихидах (я всегда об этом говорю перед службой или во время нее): вот, мы собрались здесь. Что нас привело стоять вместе у этого гроба или у панихидного столика? – Любовь. Любовь, которая не умерла со смертью любимого человека...

– Разлука с человеком всегда более приемлема, когда к ней ведет длинная болезнь или старость. Но когда умирает молодой человек или младенец – как тогда можно поддержать родителей, как помочь пережить первоначальный шок?

– Я думаю, как во всех случаях болезни или смерти, первым делом – утешать состраданием и не стараться убедить людей, будто «все это хорошо», – все это очень болезненно, и очень трагично,

и очень мучительно, – и с ними этот путь проходить. Человеку нужно, чтобы ты с ним был в его горе, на дне этого горя, и не убеждал его, что горя нет или что он неправ, горюя. И надо дать время благодати и внутреннему опыту человека что-то сделать. Не надо утешать человека пустыми словами. Я помню, как к одной нашей прихожанке, у которой умер ребенок, пришел молодой священник и сказал: «Я так понимаю ваше горе!» Она, человек правдивый и резкий, обернулась к нему и сказала: «Не лгите! Вы никогда не были матерью и никогда не теряли ребенка – вы ничего не понимаете в моем горе!» И он остановился и сказал: «Спасибо вам за это». Вот эту ошибку никто не смей делать! Чужого горя никто понять не может, дай Бог свое горе понять, как-то уловить, овладеть им.

Сказать можно, например: «Подумайте о том, что это молодое существо умерло в полном расцвете всех сил души, ума, в полной чистоте. Этот человек как бы вспорхнул в вечность, и теперь у вас предстатель, ангел-хранитель перед Богом, который покрывает вас своей молитвой, к которому вы можете обратиться как бы с разговором и с радостью о том, что когда-то будет встреча». Конечно, нет смысла это рассказывать человеку, который только что потерял ребенка, – это звучит жестоко, но со временем можно поговорить и о том, что, может быть, смерть спасла этого ребенка от чего-то более страшного, чем разлука с временной жизнью. Невозможно дать сейчас достаточно примеров по количеству людей и типам обстоятельств.

– Когда скончался Лазарь, Иисус плакал. Как относиться вообще к слезам, когда утешаешь людей?

– Слезы – дар Божий. Никогда не надо мешать им течь. В этом рассказе (Ин. 11:1–44) Спаситель плакал о том, что Лазарь должен был умереть, потому что мир во зле лежит и всякий человек смертен из-за того, что грех владеет миром. Христос тут плакал, я думаю, о Своем друге Лазаре, и в более широком смысле – об этом ужасе: Бог дал всей твари вечную жизнь, а человек грехом ввел смерть, и вот светлый юноша Лазарь должен умереть, потому что когда-то грех вошел в мир... Так что люди имеют право плакать над тем, что смерть скосила любимого, плакать о том, что они остались сиротами. И никто не смей им мешать плакать, это их право. Но между слезами и истерикой или плачем без веры есть громадная разница.

– Есть тоже опасность, что человек, горюя, начинает любиться: мол, он так любил усопшего, что продолжает месяцами, годами даже, плакать и горевать...

– Я думаю, что, с одной стороны, абсолютно справедливо, чтобы человек до конца своей жизни плакал о разлуке, о том, что больше нет возможности обнять любимого, слышать его голос, видеть его взор, поделиться с ним тем, что на душе самого светлого или мучительного. В этом смысле всю жизнь можно пронести скорбь, но не истерическую, не бунтующую скорбь, а тихую, углубленную скорбь: да, было бы так дивно, если можно было бы продолжать старые от-

ношения, старую дружбу, старое общение (которое никогда не умирает в моей душе, сказал бы этот человек).

Но, с другой стороны, человек не должен как бы искусственно подогревать в себе скорбь и драматическое чувство о смерти другого, считая, будто их отсутствие доказывает, что он не любил. Скорбь должна как бы перелиться в другое: в любовь, которая не кончается, в сознание: я тоже иду по этому пути, мне тоже придет время умирать, и какая тогда будет радость встречи! Тогда скорбь просветляется.

– Человек умирает, и ему страшно по явным причинам. Но и священнику, особенно молодому, может быть страшно. Как ему с собой справиться, чем укрепиться?

– Он должен тогда все свое внимание, через возбуждение в себе сострадания и понимания, обратить к этому человеку. Если за него болеть душой, если его жалеть, если думать: «У меня нет слов, нет знаний, но у меня есть ласка, у меня есть тепло, я этим могу поделиться», если не искать умных формулировок, не искать каких-нибудь доводов, а просто пожалеть и приласкать – все сделано. Надо иметь одно правило через всю жизнь: что единственный миг, которым ты обладаешь, – теперешний миг. Ты никогда не можешь рассчитывать на то, что через мгновение успеешь еще что-нибудь сделать. Священник, опытный или неопытный, должен знать: он сейчас стоит в вечности, в которой время не течет, но время течет на земле, и поэтому он может стать и, не считаясь с течением времени, делать то, что нужно. Иногда можно сказать одно-единственное

слово – и человека спасти, иногда можно сказать целую речь – и до человека не дойдет.

С собой священнику некогда справляться. Если он заглядится на себя, то ему некогда заботиться о другом. Поэтому в момент, когда происходит трагедия, он должен просто сказать: о себе я буду думать позже, я буду разбирать свои переживания, когда я уже не буду нужен этому человеку.

Я могу дать пример из другой области. Когда хирург оперирует больного, раненого, ему некогда думать о себе, он должен забыть про себя и всецело уйти в свою работу. Причем «забыть про себя» означает, что сейчас идет обстрел, а он в состоянии сказать: убьют меня или не убьют – мне до этого никакого дела нет, я занят *этим* человеком... Надо себя так прошколить. Конечно, это не всегда и не в каждый момент удается. Есть моменты, когда ты себя вспомнишь, но тогда можно сказать: «Отойди вон, ты мне мешаешь делом заниматься!» И этому надо научиться. Молодой хирург тоже в таком положении.

– Со смертью умирающего кончаются обязанности священника. Я говорю «обязанности», как будто это должность какая-то, но он может и дальше действовать. Во-первых, поминать покойника, если запомнит его имя, на службах и вообще в молитвах. Но если есть родственники, близкие, он может и должен их посещать и успокаивать. Какие тут советы?

– Во-первых, он никогда не должен ставить себя в положение учителя. Не надо делать вид, будто потому, что ты священник, ты пони-

маешь то, чего никогда сам не испытывал. Это раз. Второе: у тебя должно быть собственное отношение к смерти. И это одна из задач нашей христианской жизни: привыкнуть к мысли о смерти, знать, что она есть, знать, как ты к ней относишься. Скажем, апостол Павел говорил, что ждет свою смерть, потому что только через смерть он соединится со Христом без телесных, вещественных преград. И тут же он прибавляет: однако для вас нужнее, чтобы я остался в живых, поэтому я буду дальше жить (Флп. 1:21–26). Вот предел. Если бы мы действительно мечтали о живой встрече с Богом, не о встрече через веру, через мгновенные переживания, а о постоянном приобщении Ему, то мы могли бы мечтать о смерти, жаждать смерти и одновременно быть готовыми не умирать – ради Христа.

– А как можно такое отношение передать?

– Видишь ли, для того, чтобы передать что-то, надо в себе это носить. Я потому настаиваю на этой стороне, что критерий того, христиане мы или нет, – наше отношение к собственной смерти, к смерти дорогих нам людей. Если мы созрели в какой-то мере или если мы в процессе созревания, можно человеку сказать: «Да, это страшная утрата, но он ушел от вас к Богу, Который его так полюбил, что вызвал его из небытия, а теперь призвал к Себе, чтобы он был с Богом неразлучно. И если вы хотите, чтобы смерть вашего родного не была разлукой, то вы должны перенестись молитвой, духом, опытом в область Божию. Он вам показал путь, по которому вам надо идти. Если вы хотите с ним быть, вы должны быть там, где он есть, то есть

с Богом» (конечно, я не говорю, что надо в таких резких словах выражать эту мысль).

И с другой стороны, очень помогает потерявшим родного наша панихида. В ней содержатся самые разные моменты. Святитель Феофан Затворник начал одно отпевание словами: «Братья и сестры, давайте плакать, потому что ушел от нас любимый человек, но давайте плакать как верующие». Мы плачем над усопшим, потому что человек не призван к тому, чтобы умереть, – человек призван к вечной жизни. Смерть вошла в жизнь через человеческое отпадение от Бога, поэтому смерть как таковая – трагедия. С другой стороны, она – освобождение. Если бы надо было жить, никогда не умирая, в той ограниченности земной жизни, которую мы знаем, был бы неизбывный кошмар. Поэтому, скажем, в отпевании повторяются слова псалма: *Блажен путь, которым идешь сегодня, душа, ибо тебе приготовлено место упокоения...* Эти слова обращены от имени Церкви к усопшему, но и к тем, кто их слышит. И есть целый ряд мест в службе, где усопший как бы говорит: «Не рыдайте обо мне»⁵.

⁵ См.: Последование погребения мирских человек. Стихиры на «Слава».

СЛОВО К СОТРУДНИКАМ И ВОЛОНТЕРАМ ПЕРВОГО МОСКОВСКОГО ХОСПИСА ¹

Мне думается, что болезнь и страдание нам даются от Бога для того, чтобы мы могли освободиться от такой привязанности к жизни, которая нам не дает возможности глядеть в будущее с открытостью, с надеждой. Если бы все было совершенно, то у нас не хватило бы духа отойти от этого совершенства. Но ведь то совершенство, которое у нас есть на земле, *так* далеко от той полноты, которую мы можем получить в Боге!

И мне кажется, что людям, которые болеют долго, надо помочь в двух вещах. Во-первых, в том, о чем я только что сказал, – помочь осознать: меня Бог сейчас освобождает от плена, дает мне возможность не привязываться к жизни, которая так мучительна, болезненна, дает мне возможность глядеть в другую сторону, – в сторону, где больше не будет ни боли, ни страдания, ни страха, где распахнется дверь и я окажусь перед лицом Самого Спасителя Христа, Который Сам через все это прошел. Ведь Христос Своей доброй волей вошел в жизнь, где царствует смерть, и страдание, и потеря Бога, и путем *нашей* смерти, как бы взяв на Себя всю нашу человеческую природу и смертность, вернулся в область Божественной вечности; это

¹ Текст в редакции Е. Майданович с аудиозаписи, Лондон, 8 июня 2000 г.

единственный путь, который нас высвобождает от всего того, что нас делает пленниками, рабами.

А второе (и это, мне кажется, очень важно): когда мы тяжело бодем или идем к смерти, окружающие о нас заботятся, и часто болеющий человек бодеет душой о том, что стал *обузой* для других. Вот в этом болеющего надо разубедить. Он не стал обузой. Он дал каким-то людям счастье возможностью проявить свою любовь, свою человечность, быть им спутником через последний период жизни – в вечность. Болящих надо убедить, что, пока они были здоровы, крепки, они заботились о других, помогали им, не обязательно в болезни, просто в жизни; теперь они могут от этих людей получить ту любовь, которую сами посеяли в их душах, и им дать возможность показать свою любовь и свою благодарность. Когда мы отказываемся во время болезни от помощи других, мы их лишаем величайшего счастья – нас *долубить* до конца. Это не обязательно наши родные; это всякий человек, который отзывается на нас.

Я думаю, что если тот, кто заботится об умирающем, мог бы воспринимать происходящее с ним, просто сидеть рядом с ним и не вносить ничего самому, а только быть самому прозрачным, безмолвным, как можно более глубоким, то, вероятно, он увидел бы, как этот человек сначала слеп к вечности, как бы закрыт от вечности своей плотью, своей телесностью, своей человечностью. Постепенно все это делается более прозрачно, и умирающий начинает видеть другой мир. Сначала, думаю, темный мир, а затем вдруг свет вечности. Я это однажды пережил: меня просили сидеть с одной старушкой,

пока она умирает. Было так явственно, что сначала она отчалила от временной, телесной, общественной жизни (она очень была погружена в земную жизнь; ей было 98 лет, и она из глубин своей постели занималась своими коммерческими предприятиями). А потом постепенно это отошло, и вдруг она увидела темный мир, бесовский мир... И в этот мир вошел свет Божий – и весь этот бесовский мир разлетелся, и она вошла в вечность. Я этого не могу забыть; я тогда был молод, был студентом медицинского факультета первого или второго курса, и это у меня осталось.

Поэтому те молодые люди, которые ухаживают за больными, кроме того, что они дают больному возможность с благодарностью и открытостью принимать любовь, которая им дается, это очень важно – могут с ними сидеть в момент, когда больной уже не может никаким образом им сказать о том, что он сейчас видит или чувствует, но знать, что сейчас совершается переход, и быть с ним все это время, время перехода.

СВЯЩЕННИК ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

НИСХОЖДЕНИЕ ВО АД¹

За последний месяц я похоронил шесть детей из больницы, где каждую субботу служу литургию. Пять мальчиков: Женю, Антона, Сашу, Алешу и Игоря. И одну девочку – Женю Жмырко, семнадцатилетнюю красавицу, от которой осталась в иконостасе больничного храма икона святого великомученика Пантелеймона. Умерла она от лейкоза. Умирала долго и мучительно, не помогало ничто. И этот месяц не какой-то особенный. Пять детских гробов в месяц – это статистика. Неумолимая и убийственная, но статистика. И в каждом гробу родной, горячо любимый, чистый, светлый, чудесный. Максимка, Ксюша, Настя, Наташа, Сережа...

¹ Публикуется по: *Чистяков Г., свящ.* Размышления с Евангелием в руках. М., 2008. С. 99–111.

За последний день я навел на троих больных: Клару (Марию), Андрюшу и Валентину. Все трое погибают – тяжело и мучительно. Клара уже почти бабушка, крестилась недавно, но можно подумать, что всю жизнь прожила в Церкви – так светла, мудра и прозрачна. Андрюше – 25 лет, а сыну его всего лишь год. За него молятся десятки, даже, наверное, сотни людей, достают лекарства, возят на машине в больницу и домой, собирают деньги на лечение – а метастазы повсюду. И этот день не какой-то особенный, так каждый день.

А Самашки с массовыми убийствами мирных жителей? А Буденновск? А вообще вся чеченская война? А Грозный, превращенный в дымящиеся развалины, словно Троя? Город – которого просто нет. А Босния и Сербская Краина? Еще одна бойня. И снова трупы мирных жителей.

Прошло полдня. Умерла Клара. Умерла Валентина. В Чечне погибло шесть российских солдат – а сколько чеченцев, не сообщают... Умерла Катя (из отделения онкологии), девочка с огромными голубыми глазами. Об этом мне сказали прямо во время службы.

Легко верить в Бога, когда идешь летом через поле. Сияет солнце, и цветы благоухают, и воздух дрожит, напоенный их ароматом. «И в небесах я вижу Бога» – как у Лермонтова. А тут? Бог? Где он? Если Он благ, всеведущ и всемогущ, то почему молчит? Если же Он так наказывает их за их грехи или за грехи их пап и мам, как считают многие, то Он уж никак не «долготерпелив и многомилостив», тогда Он безжалостен.

Бог попускает зло для нашей же пользы либо когда учит нас, либо когда хочет, чтобы с нами не случилось чего-либо еще худшего, – так учили еще со времен Средневековья и Византии богословы прошлого, и мы так утверждаем следом за ними. Мертвые дети – школа Бога? Или попущение меньшего зла, чтобы избежать большего?

Если Бог все это устроил, хотя бы для нашего вразумления, то это не Бог, это злой демон, зачем ему поклоняться, его надо просто изгнать из жизни. Если Богу, для того чтобы мы образумились, надо было умертвить Антошу, Сашу, Женю, Алешу, Катю... я не хочу верить в такого Бога. Напоминаю, что слово «верить» не значит «признавать, что Он есть», «верить» – это «доверять, вверяться, вверять или отдавать себя». Тогда выходит, что были правы те, кто в 30-е годы разрушал храмы и жег на кострах иконы, те, кто храмы превращал в Дворцы культуры. Грустно. Хуже, чем грустно. Страшно.

Может быть, не думать об этом, а просто утешать? Давать тем, кому совсем плохо, этот «опиум для народа», и им все-таки, хотя бы не так уж, но будет легче. Утешать, успокаивать, жалеть. Но опиум не лечит, а лишь на время усыпляет, снимает боль на три или четыре часа, а потом его нужно давать снова и снова. И вообще страшно говорить неправду – особенно о Боге. Не могу.

Господи! Что же делать? Я смотрю на Твой крест и вижу, как мучительно Ты на нем умираешь. Смотрю на Твои язвы и вижу Тебя мертва, нага, непогребенна... Ты в этом мире разделил с нами нашу боль. Ты как один из нас восклицаешь, умирая на своем кресте:

«Боже, Боже мой, почему Ты меня оставил?» Ты как один из нас, как Женя, как Антон, как Алеша, как, в конце концов, каждый из нас, задал Богу страшный этот вопрос и «испустил дух».

Если апостолы утверждают, что Иисус умер на кресте за наши грехи и искупил их Своею кровию, то мы выкуплены (см. 1 Кор. 6:20; а также 1 Петр. 1:18–19), значит, мы страдаем не за что-то, не за грехи – свои, родительские, чьи-то. За них уже пострадал Христос – так учат апостолы, и на этом зиждется основа всего их богословия. Тогда выходит, что неизвестно, за что страдаем мы.

Тем временем Христос, «искупивший нас от клятвы законныя честною Своею Кровию», идет по земле не как победитель, а именно как побежденный. Он будет схвачен, распят и умрет мучительной смертью со словами: «Боже, Боже мой, почему Ты меня оставил?». Его бросят все, даже ближайšie ученики. Его свидетелей тоже будут хватать и убивать, сажать в тюрьмы и лагеря. Со времен апостолов и вплоть до Дитриха Бонхеффера, матери Марии и Максимилиана Кольбе, вплоть до тысяч мучеников советского ГУЛАГа.

Зачем все это? Не знаю. Но знаю, что Христос соединяется с нами в беде, в боли, в богооставленности – у гроба умершего ребенка я чувствую Его присутствие. Христос входит в нашу жизнь, чтобы соединить нас перед лицом боли и беды в одно целое, собрать нас вместе, чтобы мы не остались в момент беды один на один с этой бедой, как некогда остался Он.

Соединяя нас в единое целое перед лицом беды, Он делает то, что никто другой сделать не в силах. Так рождается Церковь.

Что мы знаем о Боге? Лишь то, что явил нам Христос (Ин. 1:18). А Он явил нам, кроме всего прочего, и Свою оставленность Богом и людьми – именно в этой оставленности Он более всего соединяется с нами.

Кто виноват в боли? Бог, который может все? Не знаю. Бог – Всемогущий, *the Almighty* в старой английской Библии (в новых переводах такого слова нет) или *Omnipotens* латинского «Символа веры». Но в Библии нет такого слова, в Библии Он – только Бог сил и Саваоф.

Грекам, а вслед за ними и римлянам всегда хотелось все знать. На этом основана вся античная цивилизация. Именно на этой неуемной, бурлящей и неутомимой жажде знания. И о Боге, когда они стали христианами, им тоже захотелось знать – может Он все или нет. Отсюда слово «Всемогущий», или *Omnipotens*, один из эпитетов Юпитера в римской поэзии, которым очень любит пользоваться в своей «Энеиде» Вергилий.

А Бог «неизречен, недоведом, невидим, непостижим» (это мы знаем не из богословия, нередко попадавшего под влияние античной философии, а из молитвенного опыта Церкви, из опыта Евхаристии – не случайно же каждый священник непременно повторяет эти слова во время каждой литургии), поэтому мы просто не в состоянии на вопрос «Может ли Бог все?» – ответить ни «да», ни «нет». Поэтому, кто виноват в боли, я не знаю, но знаю, кто страдает вместе с нами – Иисус.

Как же понять тогда творящееся в мире зло? Да не надо его понимать – с ним надо бороться. Побеждать зло добром, как зовет нас

апостол Павел: больных лечить, нищих одевать и кормить, войну останавливать и т.д. Неустанно. А если не получается, если сил не хватает, тогда склоняться перед Твоим крестом, тогда хвататься за его подножие как за единственную надежду.

«Бога не видел никто никогда» (Ин. 1:18). И только одна нить соединяет нас с Ним – человек по имени Иисус, в Котором вся полнота Божия пребывает телесно. И только одна нить соединяет нас с Иисусом – имя этой нити любовь.

Он умер на кресте как преступник. Мучительно. Туринская плащаница со страшными следами кровоподтеков, со следами от язв, по которым современные патологоанатомы в деталях восстанавливают клиническую картину последних часов жизни Иисуса, – вот действительно подлинная святыня для XX века. Весь ужас смерти, никем и никак не прикрытый! Посмотрев на картину Гольбейна «Мертвый Христос», герой Достоевского воскликнул, что от такой картины можно веру потерять. А что бы он сказал, если бы увидел Туринскую плащаницу, или гитлеровские концлагеря, или сталинщину, или просто морг в детской больнице в 1995 году!

Что было дальше? Мы верим, что Он воскрес, но мы не знаем этого. Не знаем! В начале 20-й главы Евангелия от Иоанна мы видим Марию Магдалину, потом апостолов Петра и Иоанна и чувствуем пронзительную боль, которой пронизано все в весеннее утро Пасхи. Боль, тоску, отчаяние, усталость и снова боль. Но эту же пронзительную боль, эту же пронзительную безнадежность, о которых так ярко рассказывает Евангелие от Иоанна, я ощущаю всякий раз

у гроба ребенка... Ощущаю и с болью, сквозь слезы и отчаяние, верю – Ты воистину воскрес, мой Господь.

Пока писался этот очерк, умерла Клара, затем Валентина Ивановна, последним умер Андрюша – еще три гроба. Один мальчик признался мне на днях, что не верит в загробную жизнь и поэтому боится, что он плохой христианин. Я возразил ему на это, что трудности с восприятием того, что касается жизни за гробом, свидетельствуют как раз об обратном – о честности его веры.

И вот почему. Один, причем не очень молодой, священник как-то сказал мне, что ему очень трудно судить о смерти и учить своих прихожан не бояться ее, поскольку он сам никого из людей по-настоящему близких никогда не терял. Честно. Очень честно. И очень верно. Мне всегда страшно смотреть на вчерашнего семинариста, который важно и мягко, но чуть-чуть свысока втолковывает матери, потерявшей ребенка, что на самом деле это хорошо, что Бог так благословил и поэтому слишком уж убиваться не надо.

«Бог не есть Бог мертвых, но живых. Ибо у Него все живы» – да, об этом говорит нам Христос в своем Евангелии (Лк. 20:38). Но для того, чтобы эта весть вошла в сердце, каждому из нас необходим личный опыт бед, горя и потерь, опыт, ввергающий нас в бездну настоящего отчаяния, тоски и слез, нужны не дни или недели, а годы пронзительной боли. Эта весть входит в наше сердце только без наркотика и только через собственные потери. Как школьный урок ее не усвоишь. Смею утверждать: тот, кто думает, что верит, не пережив этого опыта боли, ошибается. Это еще не вера, это прикосновение

к вере других, кому бы нам хотелось подражать в жизни. И более: тот, кто утверждает, что верит в бессмертие и ссылается при этом на соответствующую страницу катехизиса, вообще верит не в Бога, а в идола, имя которому – его собственный эгоизм.

Вера в то, что у Бога все живы, дается нам, только если мы делаем все возможное для спасения жизни тех, кто нас окружает, только если мы не прикрываемся этой верой в чисто эгоистических целях – чтобы не слишком огорчаться, чтобы не сражаться за чью-то жизнь или просто чтобы не было больно.

Но откуда все-таки в мире зло? Почему болеют и умирают дети? Попробую высказать одну догадку.

Бог вручил нам мир («Вот я дал вам» – Быт. 1:29). Мы сами, все вместе, испоганив его, виноваты если не во всех, то в очень многих бедах. Если говорить о войне, то наша вина здесь видна всегда, о болезнях – она видна не всегда, но часто (отравленная среда и т.п.). Мир в библейском смысле этого слова, мир, который лежит во зле, то есть общество или мы все вместе, – вот кто виноват.

В наших храмах среди святых икон довольно заметное место занимает «Нисхождение во ад» – Иисус на этой иконе изображен спускающимся куда-то в глубины земли, а вместе с тем и в глубины человеческого горя, отчаяния и безнадежности. В Новом Завете об этом событии вообще не говорится, только в «Апостольском Символе веры» есть об этом два слова – *descendit ad inferos* («спустился во ад») – и довольно много в наших церковных песнопениях.

Иисус не только страдает сам, но и спускается во ад, чтобы там разделить боль других. Он всегда зовет нас с собою, говоря нам: «По Мне гряди». Часто мы стараемся действительно идти вслед за Ним. Но тут...

Тут мы стараемся не видеть чужой боли, зажимаем глаза, затыкаем уши. В советское время мы прятали инвалидов в резервациях (как, например, на Валааме), чтобы никто их не видел, как бы жалея психику своих соотечественников. Морги в больницах часто прятали на заднем дворе, чтобы никто никогда не догадался, что здесь иногда умирают. И прочее, и прочее. Мы и теперь, если считаем себя неверующими, пытаемся играть со смертью в «кошки-мышки», делать вид, будто ее нет, как учил Эпикур, отгораживаться от нее и т. д. Иными словами, чтобы не бояться смерти, используем что-то вроде наркотика.

Если же мы считаем себя верующими, то поступаем не лучше: говорим, что она не страшна, что на то воля Божия, что не надо горевать по усопшему, потому что тем самым мы ропщем на Бога, и прочее. Так или иначе, но, подобно неверующим, также отгораживаемся от боли, заслоняем себя от нее инстинктивно, словно от удара занесенной над нами руки, то есть тоже используем если не наркотик, то во всяком случае анальгетик.

Это для себя. А для других мы поступаем еще хуже. Человеку, которому больно, пытаемся внушить, что это ему только кажется, причем кажется, ибо он Бога не любит и т. д. и т.п. А в результате человека, которому плохо, тяжело и больно, мы оставляем наедине с его болью, бросаем одного на самом трудном месте жизненной дороги.

А надо бы просто спуститься с ним вместе в ад вслед за Иисусом – почувствовать боль того, кто рядом, во всей ее полноте, неприкрытости и подлинности, разделить ее, пережить ее вместе.

Когда у моей восьмидесятилетней родственницы умерла сестра, с которой они вместе в одной комнате прожили всю жизнь, примерно через год она мне сказала: «Спасибо вам, что вы меня не утешали, а просто все время были рядом». Думаю, что в этом и заключается христианство, чтобы быть рядом, вместе, ибо утешать можно человека, который потерял деньги, или посадил жирное пятно на новый костюм, или сломал ногу. Утешать – это значит показывать, что то, что с кем-то случилось, не такая уж большая беда. К смерти близкого такое утешение отношения не имеет. Здесь оно больше чем безнравственно.

Мы – люди Страстной Субботы. Иисус уже снят с креста. Он уже, наверное, воскрес, ибо об этом повествует прочитанное во время обедни Евангелие, но никто еще не знает об этом. Ангел еще не сказал: «Его здесь нет. Он воскрес», об этом не знает никто, пока это только чувствуется, и только теми, кто не научился чувствовать...

СТРАДАНИЕ И БОЛЬ: РАЗМЫШЛЕНИЯ СВЯЩЕННИКА¹

У врача слишком мало времени, чтобы отреагировать на боль пациента, врач занят всегда чем-то другим, и это огромная проблема. Причем я больше говорю сейчас не о послеоперационной ситуации, а о терминальных больных и тех хронических больных, которые в конце концов уходят – об их последних двух-трех месяцах жизни. У родственников всегда, к счастью, небольшой опыт общения с одним, двумя, максимум с тремя терминальными больными. Что касается присутствия психолога, то оно на самом деле не всегда уместно, потому что, когда человеку слишком плохо, наблюдать за ним – не вполне целомудренно.

Мне представляется, что психология человека, который страдает от боли, изучена гораздо хуже, чем любая другая психология. И опыт священника в этом смысле может быть немножко больше. Кроме того, приходя к больному, священник не может сделать ничего, кроме как попытаться оторвать что-то от сердца, чтобы помочь больному. Доктор сосредотачивается на перспективах, на методах, а священник – только на проблемах сердца в метафизическом пони-

¹ Выступление на круглом столе «Соотношение медикаментозных и немедикаментозных приемов в терапии боли» в рамках Второго российско-французского семинара по паллиативной медицине (Москва, РДКБ, 20–21 января 2000 г.).

мании: что я могу сделать, как я могу помочь этому мальчику, этой девочке, этому взрослому человеку? Поэтому опыт священника включает в себя что-то такое, чего не знают или плохо знают или на что не всегда обращают внимание другие.

Мне бы хотелось сказать несколько слов о совершенно исключительном документе, который появился примерно сто лет назад. Это записи нескольких монахинь, которые вели дневник, записывая все то, что в течение последних трех месяцев жизни говорила одна из монахинь монастыря в Лизье, будущая святая Тереза. Ей было тогда двадцать три года. Она умерла от туберкулеза. Можно понять, что такое – умирать от туберкулеза в 1898 году. Сестры записывали в течение всего лета и вплоть до 30 сентября, когда она умерла, абсолютно каждое ее слово, каждое движение, каждую реакцию на все, что происходило вокруг.

Тереза переживает прежде всего то, что она, такая потрясающе верующая девушка, не может молиться о себе. Она говорит о том, как важно молиться за тех, кто умирает. На другой день после того, как у нее был врач и сказал что-то неутешительное, Тереза говорит одной из сестер: «Скажите мне несколько ласковых слов!» И пожилая монахиня, не зная, что сказать, говорит: «Ну что я могу сказать, чем я могу тебя утешить?» И тогда Тереза восклицает: «Но утешения не нужно!» Таким образом, ей нужно что-то другое, какая-то другая поддержка. Она говорит о том, что не может думать о настоящем моменте. И «может быть, именно поэтому, – говорит она в другой раз, – я не нуждаюсь в утешении». Ее ужасает смех,

потому что одна из сестер иногда заходит и, чтобы ее поддержать, начинает что-то весело рассказывать, радостно смеясь. Но вместе с тем ее также напрягает, когда сестры печальны. Она говорит, что рядом с больным надо быть радостным, нельзя быть печальным, но нельзя и смеяться. Ей чрезвычайно нужен контакт, и этот контакт в монастыре она получает.

Я вспоминаю о том, что в прежние времена рядом с больным, который переживал тяжелую боль, всегда рядом кто-то находился. Но, с другой стороны, этот человек не говорил постоянно, а просто был рядом. Для человека, который переносит приступы сильной боли, все-таки характерна фиксация на своем «я» и агрессивная замкнутость, если хотите. Мы и здесь, в [Республиканской детской клинической] больнице, постоянно сталкиваемся с тем, что ребенок в какой-то момент становится агрессивно-замкнутым. С другой стороны, когда мы начинаем трясти такого ребенка, пытаться вывести его из этого состояния, иногда получается только хуже. Что здесь делать? Нельзя тормозить человека, но и нельзя бросать его в этой ситуации.

Кроме того, надо всегда помнить, что любой психотерапевтический метод, любой духовный метод работает только вместе с медициной, но не вместо медицины. Я понимаю, что в сегодняшних условиях, когда не хватает медикаментов, люди начинают пытаться использовать разные психосоматические методы вместо лечения. Когда духовные методы используются вместо лечения боли или даже противопоставляются медицинским методам лечения боли, это чудовищно и аморально.

Тенденция подмены лечения какими-то, якобы духовными, методами сегодня есть. Она дискредитирует христианство, она дискредитирует православие, она дискредитирует на самом деле то очень многое, что может делать вера в Бога, что может сделать Церковь, что можем сделать мы, верующие. Но, когда мы работаем вместе, тогда действительно возможны чудеса. Более того, духовных ресурсов, которыми обладает каждый, все-таки не так много. Поэтому важно, чтобы эти духовные ресурсы были задействованы там, где исчерпаны какие-то ресурсы материальные, ресурсы физические. Иначе наступает то внутреннее бессилие, которое в прежние времена больные переживали значительно острее, чем теперь.

Что же делать с агрессивной замкнутостью страдающего человека? Мне кажется, здесь очень опасна какая-либо поза со стороны священника, родных, добровольцев, психолога или случайного человека. Здесь даже, наверное, само слово «молитва» далеко не всегда может быть употреблено, хотя молитва здесь необходима. Но это та область, где очень важно быть целомудренным. Это та область, где очень важно не сказать и не сделать ничего лишнего.

Я абсолютно уверен, что для больного, находящегося в тяжелой ситуации, абсолютно необходима молитва, молитва человека, который находится рядом, в двух шагах. Но эта молитва должна совершаться предельно деликатно. Здесь не должно быть никакой позы, никакой демонстрации, ничего такого, что может неправдой разрушить все.

Нам необходимо работать вместе. Более того, нам вместе необходимо выработать какие-то новые подходы, потому что медици-

«Значит, нету разлук. Существует громадная встреча...»

на, может быть, и справится с теми задачами, которые стоят перед ней, без помощи верующего или священника в больнице. Но мы, священники, приходящие к больным, не справимся с теми новыми задачами, которые, безусловно, перед нами возникают, без помощи медицины. Я думаю, что это очень важно иметь в виду.

О СТРАДАНИИ¹

Сегодня мне хотелось бы, родные мои, поговорить с вами о смысле страдания, о том, есть ли ответ на вопрос, отчего или зачем страдают люди. Есть пословица, которую знают все и нередко употребляют: «Христос терпел и нам велел». Но только спрашивается: где именно в Евангелии говорится о том, что Иисус действительно велел нам страдать? Такого текста в Священном Писании нет. Да, умывая ноги ученикам, Господь говорит, что дает нам пример. Но пример чего? Не страдания, а служения друг другу. Он зовет нас в 25-й главе Евангелия от Матфея дать кусок хлеба голодному, одеть нагого, посетить больного или заключенного. Но нигде не призывает нас страдать. Наоборот, Писание подчеркивает, что Он пострадал Сам за нас, то есть вместо нас. Хотя, конечно же, Господь приходит разделить с нами наши беды. Ориген в одном из своих сочинений приводит евангельский текст, не сохранившийся в канонических Евангелиях: «Ради слабых был слаб, ради голодающих голодал, ради жаждущих жаждал». К тем, кто был слаб, Он пришел как слабый, голодал с голодающими и жаждал с жаждущими, то есть разделил наши беды. Но нигде не зовет разделить с Ним Его страдания. Поэтому все-таки нельзя говорить, хотя мы

¹ Фрагменты расшифровки передачи на радио «София», вторая половина 1990-х годов.

часто, утешая больных, говорим об этом, и, утешая родственников, нельзя говорить, что, страдая, больные присоединяются к подвигу Христову, разделяют с Ним Его муки. Нет, Он страдал добровольно, а мы и наши близкие, мы, все люди, боля, страдаем не по своей воле. Мы страдаем, потому что нам выпала такая доля, выпала такая участь, мы этих страданий не выбирали.

Так что же все-таки можно сказать о страдании? Иногда говорят, что болезнь человека многому научила, что после болезни он стал другим. Но на самом деле, конечно, болезнь ничему не учит, болезнь только мучит и разрушает человека. Хотя в самом деле нередко после болезни человек становится другим, становится много лучше, сильнее, много чище и т.д. Но учит нас в этом случае не болезнь, а Бог. Повторяю, не болезнь, а Бог нас учит, Бог, когда дает силы эту болезнь преодолевать, силы для нравственной над этой болезнью победы. Миллионы людей болеют, и никакого положительного опыта из своих болезней не выносят. Наоборот, они становятся капризными, злыми, постоянно чего-то требуют, вырастает до невероятных размеров их эгоизм, они жалуются, они завидуют здоровым и ненавидят их, считая себя самыми несчастными. Они, боля, к тому же еще и разрушают себя и разрушают людей вокруг себя. Давайте прямо скажем, что само по себе страдание не целительно, само по себе страдание не спасительно. Ничего хорошего страдание как таковое человеку не дает. И поэтому не прав, наверное, Достоевский, когда говорит: «Страдание очищает душу». Нет, не страдание само по себе, а именно несломленность

в страдании, нравственная победа над болью – вот она действительно целебносна и спасительна. Повторяю: не страдание само по себе, а несломленность в страдании.

Спасителен, наверное, бывает и пример страданий другого, но опять-таки, когда становишься свидетелем того, как, страдая, болея, умирая, человек держится, как, несмотря на тяжелейшее свое существование, тяжелейшее состояние, остается человеком. Конечно же, когда умирающая старушка волнуется не о подушке и не о грелке, не жалуется на то, что ей плохо, а переживает, что не сможет приготовить внучке обед, – такое страдание возвышает, такое страдание действительно дает нам надежду, такое страдание вселяет в нас уверенность в том, что живем мы не напрасно. Но когда человек скулит и жалуется, отказывается лечиться, отказывается разговаривать с близкими, и только требует, и только говорит, что он самый несчастный на белом свете, тогда, конечно же, огорчаешься за него, конечно же, пытаешься сделать ему что-то, как-то облегчить ему его муки, но все равно такое страдание нас ничему не учит, такое страдание скорее заставляет нас просто расстраиваться. А вот когда человек держится, когда человек, повторяю, и не устану повторять снова и снова, остается человеком даже в самом тяжелом состоянии, на грани комы, – вот это вселяет надежду. Но здесь спасительно не страдание, а именно нравственная над ним победа. Страдание же как таковое, боль, болезнь, разрушительно и бессмысленно. Как в зле вообще, так и здесь нет ничего спасительного, как в зле вообще, так и здесь нет ничего созидательного.

Не само по себе страдание, а именно несломленность, мужество и терпение того, кто страдает, открывают перед нами новые возможности. И конечно, когда больной человек отправляет кого-то из родных спать, говоря, что как-нибудь обойдется без помощи сына, племянника, дочери, внука, внучки, потому что волнуется, что ему или ей необходимо хотя бы несколько часов, но выспаться, – вот эта ситуация сразу говорит нам очень много о Боге, и о человеке, и о наших возможностях и, безусловно, вселяет в нас уверенность. Но это, опять-таки, не страдание само по себе, а отношение человеческое к страданию, нравственное его преодоление, нравственная над ним победа. Значит, не боль как таковая, а отношение к боли – вот с чего начинается то терпение, которое так нужно и необходимо нам, которое так спасительно.

Вспоминается, как русский философ Лев Платонович Карсавин страдал, умирая в Заполярье от мiliaryного туберкулеза. Страдал – и продолжал утешать других, читал лекции, разговаривал из последних сил, отвечал на вопросы своих друзей, своих сотоварищей, потому что знал, что все они смотрят на него, все они переживают за него, и, следовательно, учатся у него. Сотни и тысячи людей, самых разных, не похожих друг на друга, столько дали людям – своим близким, своим друзьям, случайно оказавшимся рядом людям, своим врачам и медсестрам, – но не фактом своей болезни, не фактом своего страдания, своих мучений и боли, а именно тем, как сумели одолеть, победить, нравственно победить все то, что разрушает и мучит человека. Значит, от Бога все-таки не боль, а та победа, ко-

торую одерживает человек над болью. Боль – разрушает; Бог не есть творец разрушения, Бог только созидает. А вот преодоление боли созидательно. Оно плодотворно, оно плодоносно. И поэтому давайте скажем так: мы не знаем, от Бога ли болезнь, мы не знаем, откуда она, но мы знаем, что от Бога врач, который помогает избавиться от этой болезни, и мы знаем, что от Бога то дерзновение больного, которое дает возможность врачу его вылечить, которое дает возможность больному иной раз поправиться, стать здоровым, иной раз, даже погибая, умирая, сделать здоровыми сотни других людей. А если не сотни, то, во всяком случае, десятки. Есть чему учиться у людей, которые болеют и умирают: учиться тому, как они преодолевают то разрушение, которое так дерзко, так бешено врывается в нашу жизнь. Преодолевают и побеждают, даже умирая, побеждают.

«Праведник, – как сказано в Библии, – если и рановременно умрет, будет в покое». И дальше: «Ибо честная старость не в долговечности заключается и не числом лет измеряется». А смысл в том, что не временем, а именно честностью своей, и седина – это не белый цвет волос, а мудрость и беспорочная жизнь.

Очень важно об этом помнить, очень важно об этом не забывать, и необходимо, абсолютно необходимо знать, что именно через преодоление мы побеждаем, именно преодолевая наши немощи, мы становимся христианами и остаемся людьми, а не поддаваясь нашим немощам и не давая им нас раздавить. Поэтому, подчеркиваю снова и снова, не боль спасительна, а то, как мы относимся к этой боли, как ее переживаем.

«Значит, нету разлук. Существует громадная встреча...»

Конечно, человеку не всегда бывает просто, когда ему плохо физически. Но на то мы и живем вместе на земле, чтобы поддерживать друг друга, когда нам плохо. Поддерживая друг друга, мы все больше становимся людьми и ближе соприкасаемся с Богом.

О ДОМЕ НА КАМНЕ И ДОМЕ НА ПЕСКЕ¹

Сегодняшнее Евангелие говорит нам о доме, построенном на скале, который удержался, несмотря на непогоду, дожди и ветры. А дом, построенный на песке, рухнул. Уподоблю мудрого человека, говорит Иисус, человека, который не только слушает, что я говорю, но и делает, творит, выполняет то, к чему я призываю, – этого человека уподоблю построившему дом на скале. Того, кто слушает и не делает, – уподоблю человеку, построившему дом на песке, в жизни которого все в какой-то момент начинает рушиться. И это разрушение не говорит о каких-то внешних трудностях, потому что внешние трудности бывают у всех. Болеют грешники, но болеют и святые, болеют великие праведники.

Если мы посмотрим историю Церкви, наверное, окажется, что половина праведников была здоровыми, вторая – больными, некоторые очень рано умерли. Можно смотреть на разных святых и увидеть, что одна святая живет до восьмидесяти с лишним лет и со здоровьем у нее до глубокой старости все в порядке (поэтому и можно сказать: вот, она святая, и Господь дает ей здоровье). Но другая, не менее замечательная и «чистая», скажем, в ранней юности умирает от туберкулеза.

¹ Проповедь, прочитанная в церкви Космы и Дамиана в Шубине.

Дело не во внешних обстоятельствах жизни, а во внутреннем состоянии.

Самое страшное, когда человек разрушается изнутри. Он может остаться здоровым, а мы вынуждены болеть еще долго, но это ничего не значит, потому что иногда жизнь здорового человека много страшнее, чем жизнь человека больного. Иногда едешь в электричке и видишь людей обычных, которые работают и спешат домой, у которых какие-то проблемы и дела... Но их стало не так много, потому что эти обычные люди стали пользоваться «Автолайном». А в электричке остались какие-то странные люди, иногда страшно смотреть на этих людей – спившихся, обозленных, грязных, ужасно капризных и ужасно несчастных одновременно. А посмотреть – все они здоровы, у них нет каких-то явных физических проблем, потому что они могут напиваться неизвестно как, а если кто-то из нас столько выпьет, то будет лежать месяц в «отключке»... А им ничего – и с собой они что-то везут, потягивая из горлышка: за двадцать минут кто-то может закончить пить одну бутылку водки и начать вторую – и ничего. Со здоровьем у этих людей все в порядке. Но до какой степени они разрушены и несчастны... А если еще вслушиваешься в их разговор или заговоришь с ними, начинается самое страшное: они так говорят о своей жизни, рассказывают до какой степени им плохо, чудовищно плохо, насколько их разрывает отчаяние, злоба и ненависть. Один рассказывает, как он ненавидит мать, которой восемьдесят шесть лет, другой говорит, как он ненавидит шестнадцатилетнюю дочь, которая любит одеваться и ходить с подружка-

ми на какие-то вечера, третий ненавидит внуков. «Развели щенят у меня», – говорит. Я спрашиваю, каких щенят, а оказывается, речь идет о внуках. Я спрашиваю, почему он ненавидит внуков. «А с какой стати мне их любить». И видишь, до какой степени разрушен внутренний мир этих людей. А со здоровьем все в порядке.

У нас с вами другое дело: нам не хватает здоровья.

Но если мы наш дом строим на камне, стараемся не просто слушать, что нам говорит Христос, а хотя бы что-то делать из того, к чему он нас зовет, как-то помогать друг другу, поддерживать, помнить не только о себе и о своих нуждах, но и о нуждах друзей, подруг, старших, бабушек и дедушек. Кому-то написать письмо, послать открытку, кому-то сделать маленький подарок. Если мы видим, что кто-то из нас расстраивается, огорчается, кому-то грустно и плохо, можно сделать ему маленький подарок, поддержать, приласкать, намекнуть на то, что этот человек тебе дорог. Когда мы начинаем так держаться друг за друга, оказывается, что отсутствие физических сил, болезни – все преодолимо. Мы перестаем бояться нашей болезни, потому что понимаем, что есть что-то более важное.

Я знаю много детей, которые начали выздоравливать только по одной причине: им было больно оттого, что мама с папой отчаиваются и огорчаются, оттого, что они мешают маме с папой нормально работать. И маленький человек говорит: «Хочу лечиться и быть здоровым». И высказывает из труднейшей ситуации.

А сколько людей, несмотря на тяжелые болезни, оканчивают школу и высшую школу и потом прекрасно работают, создают что-то но-

вое, пишут книги. Оказывается, что все наши физические проблемы преодолимы, если внутри все в порядке, если внутри есть огонь, который зажигается в ответ на призыв Христа, к нам обращенный, – любить и беречь друг друга. Если в нашем сердце есть ответ на то, к чему зовет Христос, тогда все наши физические проблемы и беды совсем не так страшны.

Нам надо держаться, стоять, не уставать.

Людам из электрички, конечно, немного проще. Им достаточно напиться, свалиться в канаву, потом отоспаться, явиться к концу рабочего дня на работу, выслушать замечания начальника и снова купить бутылку, напиться, и так далее. Им достаточно такого круговорота «воды в природе».

А у нас задача гораздо серьезнее. Нам плохо, мы устаем, бодем, кого-то прошибает пот, а кому-то, наоборот, все время холодно, кто-то испытывает жажду, а кто-то не хочет ни пить, ни есть. Нам надо все время пересиливать себя. И это получается, когда с нами Христос. Когда у нас есть желание ответить на Его призыв. Если мы идем по этой дороге, то мы выйдем победителями. Я абсолютно в этом уверен.

Перед обедней у нас был разговор об одном старом священнике, у которого наши друзья были в гостях несколько лет назад. Очень старый и больной человек, перенесший тяжелейшее ранение, но, несмотря на это, он трудится, ведет своих прихожан. Потому что есть эта внутренняя сила, которую дает Христос. Дает ее только потому, что мы хотим ответить на Его призыв – по-доброму относиться друг ко другу и к тем, кто нас окружает.

Когда я хожу по палатам и вижу людей очень больных, но открытых друг ко другу, любящих, – это одно. А когда сажусь в электричку и вижу людей здоровых и всех ненавидящих, – это другое. Когда мы раздражаемся и ненавидим всех, кто вокруг нас, появляется уныние и отчаяние. И наоборот: любовь выводит из любого тупика.

Давайте помнить об этом и всегда стараться быть не просто крещеными, но учениками Христа.

Бог вас всех благословит!

УМИРАНИЕ ИЛИ ЭВТАНАЗИЯ¹

Больно и невыносимо видеть, как страдают умирающие. Современный человек научился переносить боль стоически, а человечество в целом во многом утратило умение терпеть.

При этом сегодня люди страдают от онкологических заболеваний много больше и много страшнее, чем в прошлом. Как ни парадоксально, но связано это с тем, что за последние десятилетия в борьбе с раком достигнут несомненный прогресс.

Прогресс, который привел к тому, что теперь человек не погибает, как это было раньше, на ранних стадиях своего заболевания и даже в тех случаях, когда лечение не приводит к выздоровлению или ремиссии, дотягивает до того момента в развитии болезни, который в прошлом был принципиально недостижим.

В тот страшный момент, когда метастазы поражают весь его организм, человек сталкивается с запредельным истощением и чудовищными болями. Раньше до этой стадии развития болезни доживали единицы, теперь это стало уделом большинства больных раком.

В результате эвтаназия становится все более частым решением «проблемы боли», справиться с которой оказываются не в состоянии ни сами больные, ни их родственники, ни врачи. Со стороны это

¹ Публикуется по: *Чистяков Г., свящ.* Умирание или эвтаназия // Русская мысль. 1998. 3–9 декабря. С. 19.

кажется чудовищным, но специалисты, практикующие эвтаназию, получают от родственников своих пациентов благодарственные письма, в защиту эвтаназии выступают и сами больные, бесконечно уставшие и истощенные.

Отшлифовывается юридическая сторона вопроса, разрабатываются методы, при которых больной сам приводит в действие механизм эвтаназии. Наконец, совершенствуется психиатрическая экспертиза, ибо человек, принимающий решение о добровольном уходе из жизни, должен быть адекватен. В общем, эвтаназия цивилизованно осмысливается на уровне современной культуры.

Все чаще говорится о том, что человек должен иметь возможность воспользоваться «правом на смерть» в случае смертельной болезни, которая все равно приведет к неминуемой гибели через две или три недели.

В то же время противники эвтаназии: врачи, писатели, юристы, духовенство, верующие и атеисты – не устают повторять, что современная цивилизация идет по пути оправдания самоубийства, что «помощь в совершении самоубийства» (именно так квалифицируется тот способ введения больному дозы снотворного, приводящей к безболезненной смерти, который практикуется в настоящее время Джеком Геворкяном) – недопустима.

Обращает на себя внимание, что противники эвтаназии в большинстве своем говорят предельно жестко, агрессивно и с раздражением, обнаруживающим их внутреннюю слабость. Мало того, в их позиции обнаруживается определенный парадокс. Верующие противники эв-

таназии, как правило, подчеркивают, что, запрещенная Церковью, эта аморальная практика должна быть в любых ее формах запрещена и законом, то есть с языка веры переходят на язык государства и права.

Наоборот, неверующие и, казалось бы, не привыкшие апеллировать к Богу и Его авторитету, не настаивая на законе и не квалифицируя практику эвтаназии как преступление, вспоминают о слове «грех», которое вообще обычно не входит в их лексикон, призывают посмотреть на эвтаназию в духовном измерении и увидеть в ней именно грех, а не что-то другое.

И то и другое вполне объяснимо. Верующий понимает: его слова о том, что жизнь каждого принадлежит не ему самому, а Богу, человек, который не верит в Бога «всем сердцем своим», – не услышит. Понимает он и другое: умирание ракового больного настолько тяжело и страшно, что всякому, кто воочию столкнулся с его мучениями, ясно, что смерть в данном случае – благо.

Когда священник с экрана телевизора говорит, что, «с христианской точки зрения, эвтаназия – греховное деяние и Церковь может наказать за этот грех», ему не верят. В нем видят инквизитора, который готов наказать и умирающего, и даже мертвого.

Такой священник, возможно, покажется зрителю правильно мыслящим, но бессердечным человеком, к которому применимы слова митрополита Антония, сказавшего однажды, размышляя об обязанностях священника перед лицом смерти его прихожанина: «Не надо делать вид, что, если ты священник, ты понимаешь то, чего никогда сам не испытывал».

Когда кто-либо начинает рассуждать об эвтаназии и ее недопустимости, ни одной ночи не просидев у постели умирающего и не зная по своему собственному опыту, что такое эта боль, то он выглядит не только неубедительно, но как-то безнравственно.

Наоборот, сторонниками эвтаназии, как правило, являются люди мягкие, сознающие, насколько чудовищен ужас боли, или просто знающие, что это такое, по опыту ежедневной работы. Люди, в которых невозможно увидеть злодеев, стремящихся как можно скорее избавиться от больного.

Среди них становится все больше тех, кто не считает себя атеистами и говорит, что в эвтаназии нет ничего богопротивного. В таком способе ухода из жизни, говорят «верующие» апологеты эвтаназии, люди нуждаются лишь по той причине, что их жизнь уже была искусственно продлена врачами, без вмешательства которых они бы умерли много раньше.

Неверующие противники эвтаназии апеллируют к Богу, потому что в рамках той системы координат, в которой они обычно живут и действуют, самоубийство не считается чем-то аморальным, а воспринимается как естественное решение, когда нет другого выхода из жизненного тупика.

Но как быть с эвтаназией? Человек чувствует, что она почему-то недопустима, но не может понять почему. Атеист или агностик начинает говорить на языке священника, что получается крайне неубедительно, а потому приходится быть резким. Вот почему противники эвтаназии кажутся агрессивными. Вот почему они иногда делают для

легитимизации «добровольной смерти» в общественном сознании больше, чем самые убежденные апологеты эвтаназии.

Не случайно Иоанн Павел II призывал увидеть в эвтаназии не просто практику, которая должна быть отвергнута, но «драматический вызов, брошенный всем людям доброй воли, чтобы они немедленно мобилизовались».

«Что сделать, чтобы действительно помочь людям нашего времени осознать бесчеловечный характер некоторых аспектов господствующей культуры?» – спрашивает Папа и сам отвечает на свой вопрос: необходимо научиться не только думать, но и чувствовать по-христиански. Проблема заключается не в эвтаназии как таковой и даже не в ужасе тех болей, которые мучат умирающих, но в том, что мы бросаем наших больных, считая, что не можем им ничем помочь.

Именно об этом задолго до опубликованной в 1994 году декларации бельгийских епископов, посвященной теме болезни и смерти, говорил митрополит Антоний Сурожский. С его точки зрения, нет ничего страшнее, чем одиночество больного. Одиночество, которое уже при жизни ввергает его в небытие. Умиравший человек, находящийся, как нам кажется, в бессознательном состоянии, как подчеркивает владыка, нуждается в нашем присутствии. Он нуждается в том, чтобы с ним говорили, даже если он не слышит; чтобы рядом с ним молчали, но только не бросали его одного.

«Умейте молчать, – говорит митрополит Антоний, – пусть болтовня отступит, даст место глубокому, собранному, полному подлинной человеческой заботливости молчанию. Возьмите больного за руку

и скажите спокойно: я рад побыть с тобой. И замолчите, будьте с ним, не воздвигайте между вами целый мир незначительных слов или поверхностных эмоций».

Задача здорового человека заключается в том, чтобы разделить с умирающим его боль, а в каких-то случаях взять эту боль на себя. Это непросто, ибо здесь необходимы и чисто физические силы, и сердце.

Нам проще ужасаться состоянию больного, в крайнем случае жалеть его, но не быть с ним рядом, а именно это необходимо.

Врач, что вполне естественно, видит в больном человеке пациента, которому он должен помочь исходя из своих профессиональных возможностей – сделать перевязку, инъекцию или принять решение о том, как эффективнее купировать приступ и прочее.

Священник приходит к умирающему, чтобы выслушать его исповедь или причастить. Наконец, родственники прибегают, чтобы умыть его или накормить. Но задача заключается и в другом – быть рядом с больным, общаться с ним от сердца к сердцу, увидеть в нем не больного, а человека. Именно этого зачастую не делает никто. А поэтому находится иной выход – эвтаназия.

Трагедия современного общества состоит в том, что в больном перестают видеть человека, с которым можно общаться на равных. На него начинают смотреть как на несчастного, которого надо жалеть, опекать, оберегать от новостей, чтобы больной не волновался, но при этом забывают о главном – о его внутреннем мире и его личности.

Если бы мы больше вникали в то, чем живет умирающий, вопрос об эвтаназии отпал бы сам собой, ибо нам стало бы ясно, что имен-

но в последние дни жизни человек переживает хотя очень страшное, но удивительное время. Смысл последних дней жизни, когда человек, по выражению святой Терезы из Лизье, подобно железнодорожному локомотиву, приближается к конечной станции, заключается в том, что человек переживает в этот момент огромный духовный рост. До-растает до полноты раскрытия своего «я».

Когда у человека остается совсем немного времени на земле, когда силы исчезают с каждым днем, а физические страдания увеличиваются, он на глазах становится другим, парадоксально вырастая из своих слабостей и преодолевая тот потолок, которым он, казалось, уже навсегда был ограничен в своем развитии. Не дать человеку пережить эти дни – недопустимо.

Удивительно много дают эти дни и тем, кто остается с больным один на один, проводит с ним время – в разговорах или молча, но всегда прикасаясь к сердцевине бытия. Это страшно, но необходимо. Беда сегодняшней цивилизации заключается в том, что в большинстве случаев наши родные и друзья, а потом и мы сами умираем в больнице, в изоляции от реальности, вдали от родных и друзей. В страшном одиночестве больницы.

Сегодня человек умирает не услышанным. Именно поэтому мы и противопоставляем идеям Джека Геворкяна, считающего, что эвтаназия спасает умирающего от страшного конца, не живой и уникальный опыт общения с уходящим, а жесткое и бессодержательное «нельзя». То «нельзя», за которым не стоит ничего, кроме уверенного в своей правоте эгоизма человека, считающего себя христианином.

ПРОТОИЕРЕИ ХРИСТОФОР ХИЛЛ

НА БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ДЕТЕЙ

Около двадцати лет назад, через некоторое время после рукоположения в сан священника, у меня была возможность побеседовать с уже ушедшим митрополитом Антонием Сурожским на тему пастырского служения и проповеди Слова Божия. С тех пор я постоянно вспоминаю один его совет, простой, но очень глубокий и отрезвляющий: в проповеди или пастырской беседе никогда не стоит говорить о том, что не стало твоим личным опытом, напрямую или опосредованно. Я стараюсь вести свою работу с пациентами Первого Московского хосписа, и в особенности с умирающими детьми и их родителями, всегда держа в голове это наставление.

Смерть ребенка – всегда духовный вызов. Достоевский, который потерял двух своих детей в их раннем возрасте, написал об этом

в «Братьях Карамазовых». Для великого австрийского композитора Густава Малера этот вызов – трагическая гибель старшей дочери от скарлатины в возрасте четырех лет – вылился в вокальные миниатюры «Песни об умерших детях». Но я не хочу сейчас говорить о том, как произведения искусства могут помочь людям преодолеть трагедию смерти детей, я делюсь тем, что мне известно: человек в такой ситуации чаще всего начинает искать утешение в религии.

В свое время в Первом Московском хосписе я впервые соприкоснулся с жизнью испытывающих страшные боли, медленно умирающих детей. Я стал свидетелем безысходности, отчаяния, мужества и примирения родителей, родственников, друзей со смертью детей. Погружаясь в книги, даже такие как Библия и писания Святых отцов, мы вряд ли сможем найти слова, которые могли бы смягчить эту боль. Единственное верное поведение в этой ситуации хосписа, его обслуживающего персонала – докторов, сестер, волонтеров и священника – может заключаться в благоговейном молчании. Даже после того как сделано все возможное с медицинской точки зрения, но ребенок все-таки уходит, медперсоналу следует продолжать свою работу – работу по соучастию в боли утраты любимого человека, которая может выражаться очень по-разному. А чтобы научиться по-настоящему сочувствовать другому человеку в его беде, очень важно понимать приоритетное значение молчания перед сказанным словом.

Мы живем в то время, когда технологический прогресс (газеты, телевидение, Интернет) обесценил значение слов, которые потеряли всю глубину смысла и стали лишь разменной монетой в нашем

общении. Поэтому порой самые искренние слова сочувствия коробят своей пустотой. И это происходит именно по причине того, что мы не имеем того опыта смерти, который пережили родители, родственники, друзья, потерявшие ребенка. Смерть ребенка вызывает чувства несправедливости, абсурда, безнадежности, которые могут и не возникать после смерти взрослого человека, о котором может остаться много воспоминаний – его жизненных успехов, семейных бед и радостей, что может послужить примирению со смертью «пожившего» на земле человека, который вернулся к своему Творцу. С ушедшим ребенком все иначе. События, которые ему еще только предстояли в жизни, – взросление, создание семьи, учеба, карьерные успехи – всего этого он в один миг несправедливо, как нам кажется, лишен. И слова тут мало могут изменить чувство несправедливости, поэтому так важно в данной ситуации благоговейное молчание.

А есть ли ответ на наши вопрошания в этом молчании? Если мы верим в Бога и во Христа, то да. Но его не следует искать лишь в выражении своей скорби, обращении к религии и связанным с ней ритуалам. Его можно найти, обратившись непосредственно ко Христу. Ветхозаветный Бог словоохотлив: Словом Он создает мир, Он говорит – и человечество получает моральные законы, через пророков Бог Ветхого Завета предостерегает людей от глупых поступков. А вот Бог Нового Завета является нам в личности Иисуса Христа в совершенно другом качестве. О принципах жизни своих учеников Он говорил в Нагорной проповеди, но наиболее сильные Его слова – это молчание в смерти на Кресте. Это молчание – полная

противоположность слову Ветхозаветного Бога, потому что оно воплощает человеческую боль и страдание. Это молчание, которое окончательно пристыжает тех, кто требует чуда. Но чудо все-таки совершается: нам дарована надежда в окончательной победе Бога над смертью, нам дарована надежда на то, что смерть уже не имеет власти над человеком, в том числе ребенком. Эта надежда даруется нам Воскресением Христа, в котором все мы можем участвовать.

Мы, персонал хосписа, волонтеры, призваны к тому, чтобы благоговейное молчание Христа стало нашим молчанием, когда мы имеем дело со страдающими и умирающими детьми. Это требует серьезной духовной работы над собой: нам важно учиться преодолевать желание произносить слова, которые могут оказаться пустыми. Но кроме этого, нам необходимо быть присутствием любви для тех, кто только что пережил трагедию, которую никому полностью понять невозможно. Или, как верующим, нам надо попытаться претворить в жизнь образ, о котором сказал один русский святой, святитель Феофан Затворник: «Цветок розы не издает голоса, а благоухание ее далеко расходится молча; так надо жить и всем христианам». Вот тогда и только тогда мы сможем исполнить наш христианский долг утешения тех, кто пережил смерть ребенка.

РОЛЬ БЕЗМОЛВНОГО СОЗЕРЦАНИЯ В ДУХОВНОЙ ОПЕКЕ УМИРАЮЩИХ¹

Добровольцы хосписа (в особенности те, кто пришел для служения в хосписе по религиозным мотивам) часто задают мне один вопрос: «Что мне говорить умирающему?» Мой ответ, основанный на пятилетнем опыте хосписного служения, прост и неожидан: «Ничего не говорить!»

Молчать, созерцать. Восточная Православная церковь придает огромное значение роли безмолвия в духовной жизни христианина. Действительно, практика молчаливой молитвы сердца развилась в XIV веке в богословское направление «исихазм» (от греческого «исихия», что означает «молчание», «тишина»). Позже оно распространилось среди монашеских общин на Св. горе Афон и на христианском Востоке. Именно исихасты выделяли первенство безмолвия над устной речью. Есть предание, согласно которому братия одного монастыря просила св. Памву произнести торжественную речь гостю-архиепископу, на что тот ответил: «Если его не учит мое молчание, его не учат и мои слова».

Все это может показаться несколько далеким от хосписной практики, но, мне кажется, что из принципа безмолвного созерцания

¹ Впервые опубликовано: Паллиативная помощь онкологическим больным / Под ред. А. Салмон. М.: Первый Московский хоспис; British-Russian Hospice Society; VSO (Voluntary Service Overseas), 1999.

можно извлечь полезные уроки, особенно тем, кто пришел в хоспис из религиозных побуждений.

«Обилие всевозможной информации в современном мире захлестнуло человека, оно вызвало безразличное, легкомысленное отношение к слову, как к устному, так и печатному. Поэтому самым мощным, самым убедительным сегодня становится безмолвный голос образа» (архимандрит Зинов).

Существует английская поговорка: «Картина рисует тысячу слов», и это особенно относится к духовным образам. Образы находятся в центре культуры и богослужения Православной церкви. Греческое слово «икона» означает «образ» с множеством связей, относящихся не только к изобразительному искусству. Основной же иконой Церкви является не изображение какого-либо святого, а сам человек, созданный по образу и подобию Бога, икона Бога. Как жаль, что те почести и поклонение, воздаваемые церковным иконам, мы не воздаем иконам живым, то есть людям, особенно в условиях хосписа! К иконам следует подходить в духе безмолвного созерцания; так должно быть и в отношении к пациенту хосписа. Слова часто теряют смысл, даже если их правильно употребляют.

Однако это не означает, что в духовной практике надо поощрять пассивность. Часто обсуждаемое противопоставление созерцательного и активного подхода мне представляется надуманным. Нельзя строго разделить человеческий род на эти две категории. В Евангелии от Луки есть известный рассказ о деятельном служении Марфы и созерцательном Марии (Лк. 10:38–42, 11:27–28). Я бы сказал, что

было бы полезно рассматривать Марфу и Марию как символ двух сосуществующих сторон человека, одна уступающая другой в необходимый момент жизни. Конечно, наше безмолвие, обход палат с почтительным молчанием – это и есть наша деятельность, только она не в словах. «Стяжай дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся», – сказал св. Серафим Саровский. Это высказывание было воплощено в жизнь и деятельность Великой Княгини св. Елизаветы Федоровны, основательницы прототипа современного российского хосписа – Марфо-Мариинской обители.

Люди с религиозными взглядами часто думают, что хоспис это место для «миссии». Это неверно. Под словом «миссия» можно понимать и пропаганду христианства, то есть выражение определенных понятий и идей посредством слов. Главное слово здесь все же «служение», а не «миссия». Один образ заботливого и любящего человека уже может облегчить страдания умирающего. Увы, страдания можно усилить непрошенными (хотя и искренними) разговорами, цель которых обратить, но не утешить.

В связи с этим важно учесть следующее.

1. Часто становится ясно, что «миссия» необходима этому самому «миссионеру», а не пациенту. Следовательно, работник хосписа преследует свои личные психологические интересы вместо оказания реальной помощи пациенту. Кстати сказать, такой соблазн подстерегает каждого, кто осознает призвание в каком-либо деле, не обязательно религиозном. Кому нужно духовное обращение пациента: Богу или «миссионеру»? Уверен, что не Богу, потому что Бог

совершенно не нуждается в почитании как в богослужебной повинности человека. Он уже почтен тем, что человек имеет жизнь, что Его Божественная Слава дает человеку участвовать в полноте Его жизни. Или, как красноречиво выразил это св. Ириней Лионский, «Славой Божией является живущий человек, а жизнь человека есть умозрение Бога».

2. «Миссия» в отрицательном смысле также подразумевает употребление слов. Я уже упомянул о том, как много слов обесценены современной культурой. Если работник хосписа или даже священник хотят что-либо сказать, пусть они скажут это безмолвно своим примером или делом. Все в духовной жизни хосписа: часовня, то, как поются или читаются молитвы, даже облачение священника и его помощников – должно нести отпечаток Божественной красоты. Вот почему я настаиваю на простоте и некоторой строгости богослужения в часовне хосписа или в палатах. Священнические облачения самого простого покроя и спокойных тонов. Также и литургические сосуды и пение. Также и иконы, украшающие часовню. Нам повезло, что эти иконы написаны величайшим из живущих иконописцев архимандритом Зином. Это такие иконы, которые в духе свободы призывают нас к безмолвному созерцанию их образов. В таком духе безмолвного почитания следует подходить к своим пациентам и работникам хосписа.

Есть огромная разница между человеком религиозным и христианином. Осмелюсь сказать, что первое может стать помехой последнему! Такая религиозность может означать даже некоторый ин-

фантильный эгоизм: «Что Я могу сказать или сделать?», при этом ударение падает на «Я». Настоящий христианин, напротив, скажет «ты», а не «я». Только безгласная проповедь может принести больше плодов.

Люди умирающие такие же люди, хотя бы в тяжелейшем положении, однако, они точно так же чувствуют и переживают, как и прежде, до установленного диагноза. Настоящая духовная опека заключается как раз в том, чтобы откликнуться на страдания умирающего пациента христианской любовью. Если умирающему необходимы чашка чая или одеяло, их и надо дать, а не занудную проповедь о Боге или Церкви. Это особенно ясно мы видим в Господней притче о Последнем Суде. В словах Христа «Я был странником, и вы приняли Меня; ... был болен, и вы посетили Меня» (Мф. 25:35–35) мы слышим взывание пациентов хосписа. С другой стороны, если пациент хочет молиться, отведите его в часовню или позовите священника. Повторю, лучшей формой христианского свидетельства в наше время, и особенно в хосписе, будет жизнь по евангельским идеалам.

В заключение хотелось бы привести тот совет, что несколько лет назад дал мне, недавно рукоположенному священнику, владыка Антоний (Блум), возглавляющий Сурожскую епархию в Великобритании. «Священник, – сказал владыка (а его слова относятся ко всем, кто считает себя христианами), – должен стать иконой Христа. Он должен стать столь прозрачным, что Божья любовь смогла бы светиться через него. А если у него это не получается, то он никакая не икона, а раскрашенная дубина!»

БЕСЕДЫ С ПСИХОЛОГОМ

Фредерика де Грааф

ФРЕДЕРИКА ДЕ ГРААФ

СМЕРТЬ ДЕТЕЙ¹

Мы уже говорили про то, как дети и подростки умеют забыть о себе и до самого конца жить жертвенной любовью. Они думают не о своем страдании, не о том, что они умрут, но прежде всего глубоко переживают, каково будет **без них** их родителям. Для них страх разлуки оказывается глубже, чем страх боли и все другие страхи, о которых мы говорили ранее. Я часто вижу, что состояние родителей очень сильно влияет на физическое состояние и душевный покой детей (вплоть до слияния чувств пациента и его близких).

У 12-летнего Ивана была опухоль мозга, он ослеп. В хостисе Ваня лежал почти три недели, все это время с ним постоянно были его родители. Умирал он долго. Я помню предпоследний вечер. Когда я зашла

¹ Опубликовано: *Фредерика де Грааф*. Разлуки не будет. М.: Никая, 2016.

в палату, родители сидели по обе стороны кровати, а Ваня лежал как будто распятый: его руки были раскинуты, одну руку держал папа, другую – мама. Они не были еще готовы отпустить сына. Ваня страдал, очевидно, он глубоко переживал горе родителей. В тот вечер он был уже в коме, но, несмотря на это, у меня сложилось впечатление, что он все чувствует и все понимает. Только когда спустя много времени оба родителя поняли, что Ваня почти незримо стоит перед другим миром, они, наконец, сумели его внутренне отпустить. И мальчик, почувствовав это, смог тихо перейти в этот иной мир.

Элизабет Кюблер-Росс в книге «On Children in Death» задает вопрос: «Осознают ли дети приближение смерти, даже если никто им об этом не говорит?» Опираясь на свой огромный опыт работы с умирающими детьми, тысячи и тысячи писем от родителей, которые потеряли своих детей, она пришла к выводу, что все тяжелобольные дети «неосознанно, интуитивно» знают, что умирают. Например, они часто спрашивают: «Мама (папа), я умираю?» И если чувствуют, что родители не умеют или не хотят говорить об этом, то ищут другие формы и способы выражения своих глубинных тревог. Дети постарше, например, пишут стихотворение, или открывают свои мысли и чувства дневнику, или находят собеседника вне круга семьи. Им может стать одноклассник или сосед по палате. Элизабет Кюблер-Росс утверждает, что каждый человек, будь он большой или маленький, нуждается хоть в одном небезразличном слушателе, которому он может открыть свою душу. Она считает, что все больные дети, так или иначе, знают, что их родители страдают, тревожатся

и часто не спят ночами. Она настоятельно советует не прятать свои чувства от детей: не стоит улыбаться фальшиво и бодро. Будет лучше, если родители поделятся со своим ребенком тем, что они в печали, что иногда они чувствуют себя беспомощными. И тогда ребенок будет поддерживать их – держать в своих ручках и стремиться чувствовать себя лучше, чтобы этим дать им какое-то утешение.

В общении с умирающими детьми и подростками, может быть, самое главное – помочь им получить опыт вечной жизни. Им надо помочь почувствовать присутствие Бога, чтобы они ощутили, что болезнь – «не подготовка к смерти, а подготовка к Жизни», как говорил Владыка Антоний Сурожский. Дети часто оказываются поразительно близки к иному миру, он для них существует, даже если это ими не осознано и не выражено в словах.

К сожалению, есть тенденция одаривать детей, например, самыми дорогими электронными игрушками (айфон, айпад и др.), устраивать всякие развлечения, вместо того чтобы в тишине и покое дать ребенку возможность заговорить, если он этого захочет, помочь ему разобраться с тревожащими его вопросами. Чаще всего обилие подарков говорит о непроработанном еще со стороны родителей и медперсонала отношении к страданию, болезни и умиранию. Это в своем роде защита от трагичности умирания, особенно когда речь идет о смерти ребенка. Я бы советовала родителям и медработникам честно проанализировать мотивы, которые заставляют их одаривать умирающих детей. Не есть ли это в своем роде попытка заглушить свою собственную боль и страх? Если так, то ребенок,

заваленный подарками, останется наедине с собой и фактом своей неизбежной кончины.

Смерть ребенка – трагедия для всей семьи, и потому в этот период крайне важно единство и взаимопомощь всех ее членов.

Страх детей перед смертью

Элизабет Кюблер-Росс считает, что у маленьких детей есть лишь два врожденных страха: неожиданных громких звуков и падения с высоты (при потере опоры). С возрастом основным становится страх разлуки с родителями – страх оставленности и отсутствия рядом любящего взрослого. В частности, поэтому родителей должны допускать к детям в больницу постоянно и беспрепятственно.

Дети в возрасте трех-четырёх лет, кроме страха разлуки, испытывают страх искажения тела (страх того, что с их телом может что-то случиться). У детей бывает опыт смерти, например, они видели, как кошка ловит и съедает птицу, и потому смерть для них отождествляется с физической травмой. Кроме того, дети этого возраста осознают, что у них есть свое тело и дорожат им. Маленькие мальчики хотят быть большими и сильными, девочки – красивыми, поэтому они могут бояться, что медицинские процедуры (например, укол) как-то исказят их тело.

Элизабет Кюблер-Росс дает очень ценный совет: перед процедурами ни в коем случае не успокаивать ребенка обещанием награды, то есть игрушкой или лакомством. Дети очень быстро поймут, что чем больше они будут кричать, тем больше будет награда. Стоит

всегда говорить правду, объяснять, что ждет впереди, можно показать процедуру на плюшевом медвежонке.

Для детей четырех-пяти лет смерть – это чаще всего временное явление. Например, ребенок может пожелать в сердцах, чтобы «мама умерла», потому что «она плохая», а через пару часов захочет, чтобы она снова ожила и поиграла с ним. Элизабет Кюблер-Росс приводит слова своей четырехлетней дочери, которая после смерти и похорон любимой собаки сказала: «Ах, это не так страшно! Весной, вместе с тюльпанами она снова воскреснет». По мнению Элизабет Кюблер-Росс, важно не отнимать у детей эту веру и не переубеждать их.

По моим наблюдениям, дети постарше (после пяти и до подросткового возраста) воспринимают факт смерти достаточно легко, и только страхи родителей могут влиять на их восприятие происходящего.

Шестилетний Костя совершенно не боялся смерти, хотя понимал, что умирает. У него была опухоль мозга. Его мама мне рассказала, что однажды утром увидела, что Костя с кем-то разговаривает. При этом он смотрел вверх и улыбался. Мама спросила: «Кого ты видишь? С кем ты разговариваешь?» Он просто ответил: «С Данилом Московским!» – «А что он тебе говорит?» – «Он мне говорит: „Не бойся, я тебя жду!“» – «Как же он выглядит?» – «Ой, он такой красивый, весь в белом, молодой такой».

Чуть позже Костя снова с кем-то разговаривал, и мама снова спросила: «С кем говоришь?» Он ответил: «С Божьей Матерью, она мне

говорит: „Не бойся, сыночек, все будет хорошо!“» Надо сказать, что ни Костя, ни его мама о Данииле Московском ничего не знали и никогда ему не молились.

Для матери было большим утешением знать, что ее ребенок не одинок, что у него после смерти будут покровители. Это был явный знак продолжения жизни после смерти.

Переживания братьев и сестер

Сестры и братья болеющего ребенка иногда ведут себя жестоко, агрессивно, вплоть до высказываний: «Хоть бы он умер». Это означает, что детям нужна поддержка, считает Элизабет Кюблер-Росс. Необходимо дать им возможность выговориться, высказать свою растерянность и ни в коем случае не наказывать за проявление своих чувств.

Гнев часто свидетельствует о том, что здоровые братья и сестры больного чувствуют себя брошенными, незначимыми для своих родителей. Иногда они желают, чтобы больной умер, просто потому, что им хочется вернуть прежнюю жизнь. Когда же смерть действительно наступает, у них может возникнуть чувство вины и страха.

Элизабет Кюблер-Росс уделяет особое внимание вопросу: «Можно ли допускать детей к заботе о больющем брате или сестре?» По ее мнению, посильное участие детей в уходе за тяжелобольным очень важно. Ребенку можно давать конкретные поручения, например, привести кошку или собаку к больному, чтобы как-то отвлечь, развеселить его, поиграть с ним на компьютере, послушать музыку

и т.д. Важно, чтобы они могли оставаться самими собой, вести себя как обычно, не испытывая неловкости и страха.

Не должно быть чувства вины и у родителей, ухаживающих за ребенком. Нужно поощрять желание мамы сходить в парикмахерскую, посмотреть фильм. Элизабет Кюблер-Росс советует мамам не ограничивать свою жизнь заботой о больном ребенке, уделять внимание и всем остальным членам семьи. Хуже всего, когда в доме воцаряется гнетущая атмосфера больницы. Пока ребенок еще жив, важно, чтобы рядом с ним был смех, радость, одним словом, чтобы продолжалась обычная жизнь.

Элизабет Кюблер-Росс считает даже, что не надо чересчур опекать умирающего, не надо ходить вокруг него на цыпочках. Иначе у больного может появиться чувство вины и ощущение, что сам по себе он ничего не стоит: «Почему никогда раньше я не получал столько внимания и столько подарков? Неужели раньше я не заслуживал этого?»

Элизабет Кюблер-Росс приводит историю одного мальчика с онкологическим заболеванием, чьи родители из чувства вины потакали каждому его желанию, а ребенок требовал все более дорогие игрушки. Он словно старался проверить, может ли получить все, что захочет, или есть какой-то предел. Его брат смотрел на все это сначала с удивлением, затем с завистью и обидой. Он тоже попросил подарков у своих родителей, на что те ответили: «У нас нет денег». – «Тогда почему брату вы все покупаете?» – спросил мальчик и услышал: «А ты хотел бы болеть раком?» Так для брата болезнь стала путем к исполнению

желаний, к заботе и вниманию со стороны родителей. Через какое-то время у него началась астма, потом энурез. Когда Элизабет Кюблер-Росс с ним встретилась и спросила, как у него дела, он искренне ответил: «Знаете, у меня астма, но я думаю, что этого недостаточно».

Комментируя этот случай, Элизабет Кюблер-Росс отмечает, что вторжение тяжелой болезни в семью переносится братьями и сестрами почти так же тяжело, как самим больным (независимо от возраста). И мой опыт подтверждает этот вывод.

В хосписе умирала молодая женщина Екатерина, очень талантливая, интересная личность. Ее мама Елизавета никак не могла смириться, принять грядущую смерть дочери. Катя была центром семьи, и мама жила исключительно ради нее. У Кати был младший брат Алексей, который, по словам мамы, был «всею лишь компьютерщиком». Те творческие таланты, которые были у Кати, у него, по мнению мамы, вовсе отсутствовали. Было очевидно, что Леша занимал второе место в жизни мамы, хотя он очень старался ее поддержать и утешить во время болезни сестры. После смерти Кати Елизавета впала в глубочайшую депрессию. Очень больно было наблюдать, как ничто не могло вывести ее из этого состояния, ничто не помогало ей по-новому взглянуть на своего сына, который всем своим существом тянулся к ней. Глядя на Алексея, я понимала, как глубоко могут страдать братья и сестры, когда умирающий ребенок более любим, чем они.

Когда дети принимают участие в уходе за умирающим, им легче переносить происходящее, в частности, они не так ужасаются и не получают травму, видя, как постепенно, день за днем ухудшается

физическое состояние их брата или сестры. Дети умеют смотреть другими глазами, они общаются на другом уровне. Но если они ежедневно не помогают ухаживать за больным и вдруг идут его навещать, необходимо заранее их подготовить и объяснить, что происходит с братом или сестрой.

Элизабет Кюблер-Росс считает, что зависть и ощущение несправедливости, которые могут возникать у сестер и братьев к больному ребенку, – это естественные эмоции, которые должны быть высказаны и открыто обсуждены. Если этого не происходит, дети начинают подавлять обиду, ненависть, агрессию, что неизбежно влияет на их здоровье.

В хосписе лежала Светлана, мама двух маленьких девочек. Младшей было четыре года, старшей – девять. Старшая дочка пришла проститься с мамой накануне ее смерти, а младшая, по словам отца, с отвращением относилась к проявлениям болезни мамы (тошноте и пр.), поэтому ее не привезли на встречу к ней. Светлана очень быстро умерла, и ее муж не знал, как сообщить об этом младшей дочери. Он хотел сказать, что мама улетела в Париж или превратилась в бабочку. Я с ужасом посмотрела на него и сказала: «Ни в коем случае! Иначе каждый раз, когда речь пойдет о Париже или бабочке, она будет отождествлять их с мамой». Он согласился с этим и после похорон попросил меня приехать к ним домой и сообщить младшей дочери, что ее мама умерла. Это была тяжелая задача, ведь я никогда не видела девочку и совсем ее не знала. Приехав в гости, я познакомилась с малышкой и попросила ее нарисовать свой дом и всех, кто там живет. Она

нарисовала домик и всех, кроме мамы. Я спросила: «А где же мама?» Она ответила с неудовольствием: «Ой, фу! Мама болеет, она в больнице». Я сказала: «Давай-ка, нарисуем маму». Девочка очень быстро набросала красками большой красный живот с зеленой круглой головой над ним и на этом круглом лице поставила зеленый крест. Я показала этот рисунок ее отцу, и он понял, что ребенок интуитивно догадывается о смерти мамы. К счастью, после этого он сам решился поговорить с дочерью.

Прощание с умершим ребенком

Элизабет Кюблер-Росс советует семьям использовать возможность остаться наедине с ребенком, который уходит из жизни. Все братья и сестры имеют право быть рядом и участвовать в этом семейном событии. Многие семьи в это время молятся, или поют любимые песни, или просто находятся вместе, пока в палату не войдут менее близкие люди (друзья, дальние родственники, медицинский персонал).

Не надо стремиться сразу же после смерти ребенка менять место жительства, чтобы ничто в новом доме не напоминало о случившемся. Необходимо пережить до дна боль утраты, а не избегать ее. Кроме того, оставаться в том же доме – это радость для сестер и братьев. Они и так в тревоге, и переезд станет для них дополнительным стрессом.

Часто встает вопрос, допускать ли детей до похорон брата или сестры. Элизабет Кюблер-Росс уверена, что не стоит лишать их этого последнего прощания. Без этого переживания очень трудно в душе

отпустить умершего. Похороны являются публичным (соборным) проявлением горя, которое показывает, что человек, который умер, был значим для нас, был частью нашей жизни.

Но если остается слишком много неразрешенных, противоречивых чувств по отношению к ребенку, который умер, его брат или сестра могут отказаться от присутствия на похоронах. К такому отказу следует отнестись серьезно. Чаще всего это говорит о том, что ребенок нуждается в помощи. Не нужно заставлять детей быть на похоронах, но если они сами этого хотят, стоит поощрять такое желание и давать им понять, что оно правильное. Когда происходят значимые события в жизни семьи (радостные или печальные), всем ее членам следует быть вместе.

Обычно, если дети не хотят присутствовать на похоронах, это говорит про страх, чувство вины, стыд, скрытые обиды по отношению к умершему или к родителям. Все это еще до похорон следует обсудить с ребенком ласково, внимательно и без всякого осуждения. Элизабет Кюблер-Росс говорит, что если бы мы всегда поступали так, то впоследствии наши дети и мы не нуждались бы в серьезной психологической помощи. Она считает, что взрослый может подвести детей к их умершему брату или сестре, лежащим в открытом гробу, и позволить задавать любые вопросы, дотрагиваться до тела. Желательно, чтобы таким взрослым был не родитель, а кто-то из родных или знакомых. Если это будут родители, их эмоциональное состояние неизбежно передастся детям.

Митрополит Антоний Сурожский также говорит о том, как важно разрешить детям быть с умершим, и добавляет, что обязательно нужно заранее предупредить ребенка, что тело имеет печать смерти, то есть оно холодное, но тем не менее это тот же самый человек.

По наблюдениям Элизабет Кюблер-Росс, многие дети хотят на самом деле дотронуться до тела умершего, оставить рядом с ним маленький подарок или письмо. Им можно сказать, что они могут просто говорить с умершим (если это не противоречит вере родителей), что умерший их слышит и может им помочь.

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ В БОЛЕЗНЯХ?

– Каждому, на кого обрушилась тяжелая, а порой неизлечимая болезнь, это событие кажется чем-то несправедливым и недобрым. Является ли на самом деле болезнь безусловным злом или в ней есть какой-то смысл?

– В каком-то смысле, мне кажется, такие пациенты правы, потому что, если смотреть на жизнь, смерти и болезни не должны были бы быть. Но они есть. Когда произошло грехопадение, это было отпадение человека от общения с Богом. С этого момента болезнь и смерть вошли в жизнь человека. Человек отвернулся от Бога, и теперь он старается пойти своим путем, обойтись без Бога в своей жизни. И с тех пор смерть – есть факт жизни. Но нам не надо забывать, что смерть ждет каждого из нас, каждый человек знает точно, что он рано или поздно умрет, как Владыка Антоний Сурожский говорит: «Это наша общая болезнь». Но православная церковь верит, что это не конец, мы перейдем в вечность. Это не смерть, это рождение в вечности. Итак, подготовка к смерти – это на самом деле подготовка к Жизни.

Хотя болезнь трагична, но считать ее злом было бы неправильно. Зачастую она является следствием нашей разлуки с Богом, внутренней разлуки с собой и разлуки с окружающими людьми. Обычно мы слишком поверхностно живем. Наша жизнь, особенно жизнь

в крупных городах, такая суетливая, почти всегда занята чем-то второстепенным. Мы не даем себе время, чтобы остановиться, задуматься, побыть наедине с собой и быть с Богом.

Болезнь можно рассматривать как дар Божий, данный нам для того, чтобы вернуться к общению с Богом и к своей глубине со своим настоящим «я». Когда человек серьезно заболевает, многое в его жизни уходит на второй план, происходит переоценка ценностей, больные часто сами об этом говорят. Человек выключается из работы и социума, но именно эта новая обстановка может позволить ему, если хватает мужества, углубиться внутрь и, возможно, впервые найти тишину в себе, быть самим собой и встретиться с Богом.

Болезнь – это не несправедливость, это не кара от Бога. Святые отцы говорят, что в жизни человека действуют три воли: воля Божия, воля человека и воля лукавого. И очень много в жизни человека зависит от него самого. Часто больной говорит: «Как же это так? Я всегда был здоровым и вдруг заболел? Ну почему, я же был хорошим человеком!» Мне кажется, за этими словами стоит: «Бог наказывает меня, а я ни в чем не виноват». Что меня всегда поражает, это то, что человек мало, очень мало обращается к Богу, но стоит ему заболеть, как Бог сразу виновен в том, что он заболел.

В случае болезни часто можно наблюдать, что тело человека просто не выдержало его образа жизни. Например, человек очень много ест сладкого и заболевает диабетом. Это не кара Бога, это наше сластолюбие, и тело его просто не выдержало. То же самое можно сказать про стрессы. Человек, конечно, не виноват, что в жизни мно-

го стрессов, это факт жизни. Но как он относится к этому – зависит уже от него самого. Когда человек все время принимает все стрессы близко к себе, «впускает их в себя», в молчании, без молитвы, совсем не расслабляется, не находит способов облегчить то, что происходит с ним, тело в какой-то момент говорит: «Хватит, пожалей меня, не могу больше!» – и заболевает. И это не кара Божия, а просто закон природы. В этом состоит наша ответственность перед своим телом, ответственность за то, как мы живем и обращаемся с ним.

Конечно, для меня есть случаи, когда, например, болеют дети или очень тяжело страдают раковые больные, тогда из души вырывается вопль: «Господи, как же Ты допускаешь все это?» Но часто на этот вопрос нет прямого ответа. Владыка Антоний Сурожский сам до конца жизни задавался этим вопросом и нашел для себя как-то ответ, ссылаясь на Откровение Иоанна Богослова: «В конце времен мученики будут стоять перед Богом и говорить: “Господи, Ты был прав во всем”». Наверное, единственное, что можно в этом случае сделать, – это сказать человеку: «Я сам не знаю, почему ты болеешь или болеет твой близкий, но я верю, что в этом есть какой-то глубокий смысл». И что важнее – научиться пребывать с человеком и молча разделить его горе.

Если найден смысл в страдании, тогда можно намного легче все, что связано с ним, – терпеть. Мне вспоминается больной Петр, он был еще молодым, немногим более 40 лет, много месяцев он находился у нас в хосписе. У него была опухоль позвоночника, и он совсем не мог ходить. В один день он мне объявил: «Фредерика,

я хочу покончить с собой». Я ему ответила: «Но, Петр, это тебе не поможет» – и не старалась переубедить его, я тихо ушла. Через день он мне объявил: «Фредерика, я уже не хочу покончить с собой». Я спросила: «А что случилось?» И он мне объяснил (он не был особо верующим человеком): «Бог мне показал, что у меня есть задача, что я должен быть проводником для моей жены, когда она в свою очередь будет переходить к Богу». Замечательно, что эта задача дала ему мужество все спокойно перетерпеть и умереть своей смертью.

Для человека крайне важно понять, что в болезни кроется какой-то смысл и его задача – найти этот смысл. Иначе человек попадает в состояние депрессии и становится жертвой судьбы. И поэтому, когда мы встречаемся с больными или когда сами боеем, важно найти смысл болезни, но каждый должен пройти этот путь сам. Мы не имеем права сказать другому: «Смысл твоей болезни вот такой». Это просто невысказано, и очень, мне кажется, дерзновенно.

– Как себя вести, как настраиваться, чтобы переносить болезнь без отчаяния?

– Отчаяние, гнев – это часто неприятие факта болезни. Это крик души, который выражает боль: «Я хочу жить, я не готов умереть!» Например, у нас лежали молодые люди с опухолью позвоночника, у них отнимались ноги, и, естественно, единственное, о чем они могли думать, – о том, чтобы вновь ходить. То есть они хотели только одного – вернуться к прошлому, к своей привычной жизни, тем самым отказываясь жить в настоящем, принять свой диагноз и чему-то научиться от своей болезни.

При серьезной болезни почти всегда присутствуют гнев и отчаяние. Эти чувства – неизбежны, это один из этапов осмысления болезни, когда человек осознаёт, что вернуться к прошлому не дано. Это нормальная, здоровая реакция, и надо помогать человеку выражать свои эмоции. Я бы сказала даже: стоит помочь человеку их выплеснуть.

Каковы бы ни были эмоции, все их надо мужественно пережить, встретить их лицом к лицу, потому что «сбросить» с себя можно только то, что мы опытом знаем и пережили до конца. И не надо ободрять человека, когда он находится в горе, – он имеет на это право. Если его чувства будут подавлены, тогда, естественно, его физическое, душевное и духовное состояние только ухудшается. В таких случаях даже бывает, что никакими средствами не получается снять физическую боль у человека.

– Как молиться, когда тяжело?

– Когда человек страдает, ему тяжело и телесно, и душевно, и духовно. Часто человеку бывает страшно, не хватает веры и может возникнуть протест. Я думаю, что первое, что нужно, – это быть честным, то есть правдивым перед собой и перед Богом. Не надо бояться показать Богу все, всего себя, особенно свои отрицательные, темные эмоции. Например, человек может сказать даже так: «Я Тебя ненавижу, я ненавижу, что болею, но помоги мне найти мир!» Некоторые благочестиво говорят: «Ну да будет воля Твоя». Но не стоит ли за этим поверхностное, то есть ложное смирение, словно покров, за которым человек прячется: лишь бы не смотреть

на то, что происходит на самом деле в глубине души? Я считаю, что надо дать возможность переживать горе во всех аспектах: гневаться, бунтовать и отчаиваться, только таким образом больной может найти в себе мир, отпустить всю борьбу. И я уверена, что Бог с радостью принимает такую честность по отношению к Нему, потому что, как говорил Владыка Антоний Сурожский, Господь может только работать с настоящим человеком, таким, каков он есть на самом деле – плохим или хорошим, – но без маски, без всякой фальши.

Правдивость – это первое. Суть молитвы – это открытость Богу для того, чтобы была возможность встречи с Ним. Когда больным тяжело, душевно и телесно, можно лежать, не говоря ничего, просто стоять, или сидеть перед лицом Христа и раскрыть Ему свою душу, свое сердце. И «сказать» Ему все, что происходит, и постепенно сбросить с Его помощью обиду, гнев, чтобы освободить место для встречи с Ним. Потому что когда мы находимся в ненависти, в злобе, обычно встреча не может произойти. Это так явно, когда наблюдаешь со стороны. Я недавно наблюдала, когда ехала в трамвае, как два человека ссорятся, обличают друг друга. И так стало видно, что настоящая встреча вовсе не состоялась, и я подумала: «Как жаль!» Ведь земная жизнь такая короткая! Явно, когда человек в аффекте, например в гневе, тогда он ничего не видит и места в его душе нет ни для кого и не для Бога. А если это так происходит, тогда стоит вопить к Богу: «Помоги мне это сбросить!» Ведь избавиться от своих отрицательных, часто сильных эмоций без его помощи очень трудно. Но не просто бороться с целью, чтобы избавиться от них,

а делать это ради встречи с Богом, чтобы Он был внутри. В этом для меня цель молитвы.

Владыка Антоний Сурожский советует, когда нет сил, когда тяжело и пусто на душе и тело тяжелеет, тогда можно обратиться к Богу, как ребенок обращается к матери: «Обнимай меня, будь со мной!» И в этом вся его молитва. Или можно сказать: «Господи, помилуй! Прости и помилуй, будь со мной!» Это каждый может сказать, даже если нет сил. Или «Богородице, Дево, радуйся», особенно когда ночью не спится. Бывает, что я об этом говорю больным. Или просто так: «Господи, помилуй». Если человек знает «Отче наш», можно так молиться, если хватает сил.

Важно, чтобы человек не просто бормотал молитву, «молитвословил», но чтобы он действительно стоял перед лицом Божиим, перед лицом Божией матери и, даже не видя их, верил, что они невидимые стоят здесь и слушают, и принимают. Это крайне важно. Повторять молитвы как попугай – это ничего не даст ему, и это не доходит ни до его собственного сердца, ни до Бога, это лишь глубокая небрежность по отношению к Богу.

Можно от всей души воскликнуть: «Господи, помилуй!» – и молчать. Например, десять минут молчать перед Его лицом и еще раз сказать: «Господи, помилуй!», но от всей души, от всего сердца. Есть такой пример, который приводил Владыка Антоний Сурожский. На юге Франции был священник, который часто ходил в свой храм и все время видел одного старика, который сидел в храме. Старик сидел так каждый день и не шевелил губами, не читал молитв,

и четок не было у него в руках. Священник спросил его: «Почему ты здесь сидишь так каждый день?» И этот старик взглянул на него сияющими глазами и ответил: «О, я смотрю на Него, и Он на меня, и нам так хорошо!» Я думаю, что вот это – суть молитвы. Когда, например, человек не в силах читать утренние и вечерние молитвы (мало кто их знает, и, когда человек болеет, вряд ли он будет исполнять эти правила), суть молитвы в том, чтобы человек опытом узнал, что Господь есть, узнал это своим сердцем. Этот опыт и осознание того, что Вечность реальна (другими словами, что Христос жив), может снять страх смерти, и человек будет в состоянии смотреть на то, что происходит с ним, в свете Вечной жизни.

– Можете привести примеры людей, которых болезнь сделала лучше?

– Наблюдая за пациентами нашего хосписа, я могу сказать, что часто они меняются, меняются, но не всегда это ярко выражено. Я удивляюсь иногда величию духа людей, которые стоят перед лицом смерти. Они дают мне понять что смерть – это таинство. Помню, подросток шестнадцати лет, Иван, с раком крови. Два раза он лежал у нас, в первый раз я к нему заходила и спросила: «Ваня, а как ты смотришь на свою болезнь?» И он говорит: «Очень просто, я скоро умру». Я говорю: «Ты не боишься?» – «Нет, не боюсь». – «А почему ты не боишься? Как ты относишься к болезни?» – «Ну, это дает мне возможность жить глубже, потому что мало времени». Это обычный подросток шестнадцати лет!.. А через минуту он говорит: «Но я не умру». – «Почему ты не умрешь?» – «Я же

не могу оставить свою маму». И это было так удивительно, что он полностью принимал то, что происходило, он видел, что болезнь давала ему глубину жизни, мужественно принимал все как есть, а вместе с этим, как у многих подростков, на первом месте у него присутствовала забота о своей маме. И когда он второй раз поступил в хоспис, он умирал спокойно, потому что он сумел принять реальность, какова она была. И в этом, мне кажется, заключалось величие его духа...

Была женщина, Анна, которая умирала дома, недалеко от хосписа, и родственники попросили меня приехать к ней, чтобы посмотреть ее. Она сама была врачом. Она с трудом глотала. Я приезжаю, мне открывают дверь, и я вижу, что вся семья ходит на цыпочках, включая большую собаку, которая встретила меня. В кровати лежала очень красивая женщина лет пятидесяти, которая говорила только шепотом. Я спросила ее: «Почему вы говорите шепотом?» Она ответила: «Я хочу умереть».

Так как у меня есть способ ставить диагноз по пульсу, я ее посмотрела и поняла, что у нее впереди еще достаточно времени, чтобы жить. Я сказала ей: «Анна, Вы пока не умрете». Она не очень радостно приняла это, но мы тем не менее очень душевно поговорили друг с другом. Я приходила к ней во второй раз, и мы снова говорили о том, что пока не время ей умирать, а наоборот – жить. И я сказала родственникам, что не надо ходить на цыпочках, надо относиться к ней как к живому человеку, какой она была до болезни. Я не знаю, получилось ли это или нет, но месяца через два эта же Анна посту-

пила к нам в хоспис на три недели, чтобы родственникам дать отдых от ухода за тяжелобольной.

И так мы снова встретились. В целом с ней не было легко: она манипулировала всеми. Она продолжала говорить шепотом, привлекая этим к себе жалость и внимание. Ей было трудно угодить: все ей было не так, что бы ей ни приносили и что бы для нее ни сделали. Родственники приходили в отчаяние, потому что ничего из того, что они делали, не могло ее обрадовать. Встреча для них с ней не состоялась.

В один день я пришла к ней и, так как у нас уже сложились доверительные отношения, стала говорить довольно открыто. Я сказала ей: «Знаете, Анна, вы очень красивая, вы как белая лебедь. Но у лебедя есть выбор: можно лететь или можно сложить крылья и ничего не делать». Она смотрела на меня и поняла, о чем идет речь. И почти незаметно она начала работать над собой. Ее выписали домой, а через некоторое время она снова поступила к нам. Я посмотрела на нее и увидела, что она явно стоит близко к смерти. «Помните, о чем мы говорили при первой встрече?» – задала я ей вопрос. Она ответила: «Да». «Вы знаете, то, к чему вы так стремились при первой встрече, то есть ваше желание умереть, скоро исполнится?» В ответ она тонко улыбнулась, закрыла глаза и часа через два умерла. Она умирала очень достойно, на высоте. Она вышла из состояния жертвы, она приняла состояние ответственности за свою жизнь и внутренне выросла до такой степени, что ее отношения с родственниками изменились. (Она начала улыбаться, голос стал

более звонким, и появилась какая-то благодарность по отношению к родным.) Даже наши медсестры, которые были не в курсе происходящего, говорили: «Такого мы еще не видели, как она умирала». Это было очень достойно и очень красиво.

А есть другой пример. Тоже врач, педиатр. Она лежала у нас месяца два, и она плакала о том, что она заболела. Мы все старались ее вывести из этого состояния как умели, и психологи, и врачи, и медсестры, но она ничего не принимала. Это было ее решение, это была позиция жертвы. Она плакала до самого конца. И это было так трагично, но осуждать нельзя, это был ее выбор. Но с этим «примером», к сожалению, должна была жить ее сестра до конца своей жизни. И вполне возможно, что от такого поведения у самой сестры только увеличивался страх умирания.

У человека есть свобода выбора, как болеть и даже как умереть. Мы ответственны за отношение к своей болезни, к своим родственникам, за тот пример, который мы показываем им. И надо помнить, что родственники остаются с этим примером на всю жизнь. Если есть благородство, то есть благодарность за то, что родственники делают для пациента, ухаживают за ним, пациент может дать им понять, как их любовь важна для него. Ведь часто больные чувствуют себя обузой, но у них есть, по словам Владыки Антония Сурожского, божественный дар: они могут своей болезнью дать родственникам возможность научиться жертвенной любви. А со стороны пациента важно научиться именно с благодарностью принимать эту любовь, отбросив всякие мысли о том, что он им в тягость.

Есть еще пример. У нас недавно лежала молодая женщина, Ирина, ей было 30 с лишним лет, у нее осталось двое детей. Она мне сказала: «Я ничего из себя не представляю, я ноль». Я спросила ее: «А почему?» – «Потому что я уже не могу помочь своим детям, кроме того, очень много денег уходит на мое лечение, я уже не мама, мои функции выполняет няня». И мы говорили с ней о том, что она не ноль, что в ней образ Божий, что нельзя так говорить, что на самом деле у нее есть задача. Это крайне важно – осмыслить, что есть задача, даже когда человек прикован к постели и он не может делать, а может быть. И кем он будет, тяжелым или благодарным, радостным – это его выбор.

Часто тяжелобольной чувствует себя обузой, особенно переживают это мужчины. Они чувствуют себя обузой, потому что не умеют оставаться бездеятельными: не могут обеспечивать семью, строить дачу и т.д. Но стоит говорить с ними о том, что выход есть. Кроме благодарности и выражения радости за их любовь он может молиться за всех. Ведь мало кто молится за своих близких, потому что на это обычно нет ни времени, ни привычки. Но когда человек болеет, он может впустить своих близких в свое сердце и говорить: «Господи, смотри на них, смотри на детей, смотри на жену, смотри на всех моих друзей, и на души всех моих усопших родных». Можно научиться молиться, глубоко молиться, пока есть силы. Владыка Антоний Сурожский говорил, что человек не должен считать себя обузой, потому что то, чего не хватает нашему обществу, – это жертвенная любовь, чему родственники могут научиться благо-

даря больному. И молитва – это один из способов, в которых она может проявляться. Со стороны больного сама болезнь дает пациенту возможность научиться такой любви, что в этот период жизни несравнимо важнее всякой деятельности в его прежней жизни. В итоге больной от этого становится сам богаче душой. Ведь любовь, и тем более жертвенная любовь – это единственное, что имеет ценность в вечности.

МОГУТ ЛИ ПСИХОТЕРАПЕВТ И СОПРОВОЖДАЮЩИЙ ПОМОЧЬ УМИРАЮЩЕМУ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

В кризисной ситуации, когда человек стоит пред лицом неизлечимой болезни и смерти, задачи помочь ему те же, что и в психотерапевтической практике. Но проблема стоит гораздо острее. Причина этой остроты кроется в неотвратимости смерти и ограниченности срока общения с больным.

Психотерапевт может играть очень важную роль в период ухода за умирающим при условии, что он до определенной степени осознает факт собственной смерти, не в абстрактном, а в экзистенциальном смысле. Если этого нет, то страх смерти, испытываемый самим психотерапевтом, неизбежно передается умирающему. Нередко этот страх прикрывается фальшивой маской и разного рода защитами.

Ясное осознание факта собственного небытия («я тоже умру») способствует открытости, состраданию и дружеским отношениям – таковы условия, которые абсолютно необходимы, чтобы внушить доверие и дать умирающему и его близким чувство безопасности: они не оставлены.

Переживая это, больной, вероятно, найдет в себе мужество раскрыть себя не столько психотерапевту, сколько самому себе, соб-

ственной тревоге и страху перед разлукой, перед страданиями: физическими, душевными или духовными.

1. Задачи психологической помощи умирающим и ее особенности

Из моего многолетнего опыта общения с раковыми больными, стоящими перед лицом неминуемой смерти, хотелось бы дать практические рекомендации психотерапевтам и людям, сопровождающим умирающих.

Психотерапевт ничем не отличается от других людей. Он такой же смертный, как и умирающий больной. В данном случае больной даже является его «профессором», может чему-то научить, а не наоборот. Помнить это чрезвычайно важно при встрече с умирающим. Ведь мы не знаем, что значит быть на пороге смерти.

Трепет и уважение к любому человеку, к тому, кто соприкасается с тайной смерти, должны лежать в основе всякого общения с ним. Цель всех сопровождающих – помочь умирающему принять себя таким, какой он есть, и способствовать примирению с последним неизбежным конфликтом земной жизни.

2. Значение понятия личности

Довольно часто мне приходилось наблюдать, что умирающий страдает от потери личности: он считает, что стал «никем» именно из-за потери контроля и дезориентации. Отсюда следует, насколько важно для каждого психотерапевта и сопровождающе-

го не потерять из виду уникальность человека, его ценность. Необходимо передать это умирающему, который вместе с изменением внешнего облика нередко теряет и сам смысл жизни. Поэтому стоит, пока он еще в сознании, узнать как можно больше о его личном мире до болезни, познакомиться с ним в первую очередь не как с пациентом, а как с человеком, у которого был и есть свой неповторимый облик и опыт жизни. Стоит также обсуждать, что было для него ценно и какие ценности приоритетны сейчас. Следует выявить его «Umwelt» (окружающий мир) и «Eigenwelt» (личный мир).

3. Бессрочность существования

как тяжелое психологическое испытание

Почти всем людям, проходящим через испытание неизлечимой болезнью, тяжело от сознания неизвестности исхода: сколько еще времени отпущено жить? Очень часто умирающие (и их родственники) мучаются этим вопросом, живя страхом: чего ожидать, когда и каким образом наступит смерть. Надо помогать и тем и другим жить в настоящем, «здесь и теперь». Также важно, особенно для родных и друзей, научиться пережить свое горе именно «здесь и теперь», а не заранее думать о том, что будет после смерти больного или раньше времени мысленно похоронить его. Последнее является отказом жить в настоящем, пережить вместе горе разлуки сейчас, и теряется чувство радости, что близкий человек еще жив и еще возможна встреча с ним.

4. Психотерапевт и сопровождающий наравне с умирающим: атмосфера, созданная вокруг умирающего, и роль молчания

Психотерапевт, как и любой человек, сам, своей личностью создает ту атмосферу, которая нужна для того, чтобы больной и его родные могли раскрыться. Необходимо безусловное принятие человека без малейшего осуждения, и столь же необходимо умение молчать, чего он (психотерапевт) не сумеет, если в нем еще живет страх смерти, если он еще не нашел свое собственное отношение к ней. Глубокое молчание чрезвычайно важно для того, чтобы больной мог в этой тишине сбросить маску, стать самим собой. Психотерапевт и сопровождающий должны обязательно научиться не защищаться от страха, тревоги и боли, испытываемых умирающим, и не подменять правду пустой болтовней, ложной занятостью и несерьезными отвлекающими поступками, лишь бы не прикоснуться душой к его отчаянию.

5. Смысл жизни и смерти

Психотерапевту и сопровождающему следовало бы использовать опыт Виктора Франкла, помогавшего людям в концлагере задавать самим себе вопрос не «как выжить», а «зачем стоит жить», то есть обдумать: не «что я могу ждать от жизни», а, наоборот, «что я могу дать жизни». Из практики В. Франкла стоит заимствовать и его изречения об уникальности каждого человека, и о его ответственности перед кризисом жизни и смерти. Приняв эту точку зрения, легче обнаружить в личности больного все светлое и достойное. В психологической терминологии это означает: надо помочь

больному не быть жертвой, но взять на себя ответственность за свое отношение к собственной болезни и к смерти. Тогда умирающий в последней фазе своей жизни может подарить эту активную позицию окружающим, избавившись тем самым от гнетущего ощущения себя как обузы.

6. Потеря контроля

Она проявляется во всех аспектах состояния человека: физическом, душевном (эмоциональном) и духовном. Психотерапевту и сопровождающему нужно учитывать, что больному важно иметь контроль над собой, прежде всего в мелочах. Поэтому весьма желательно дать ему возможность выбора, чтобы он чувствовал себя хозяином положения. Потеря контроля тесно связана с депрессией («я уже ничего не могу делать, как раньше, я стал в тягость»). Вследствие этого снижается иммунитет, может усилиться физическое недомогание и страдания: физические, душевные и духовные.

7. Свобода человека

Человек имеет право быть таким, какой он есть. Стать самим собой, то есть образом Божиим, – вот его призвание. Психотерапевту и сопровождающему необходимо это учитывать и не избегать «конфликтных» больных. Именно в борьбе, по мнению самых разных психологов и богословов, у человека есть шанс душевно и духовно расти и измениться (в этом и заключается смысл болезни). Если так, то можно предположить, что наилучшим выражением роста боль-

ного является его борьба с собой, с судьбой и с окружающими. Тогда борьба – это знак жизненной силы.

По словам Карла Роджерса, только принимая конфликт в себя, переживая его (это, в частности, касается горя и боли разлуки), человек способен найти свое реальное «я». Встреча со смертью и осмысление ее – суть последний конфликт земной жизни. Задача психотерапевта состоит в том, чтобы помогать умирающему (и его родственникам) найти себя в этой ситуации.

8. Раскрытость (= Открытость) сердца

Ряд психологов и богословов придерживаются следующего мнения: если психотерапевт и сопровождающий больного желают помочь ему в предсмертный час, необходимо принять в себя его состояние, его страх, его скорбь или по крайней мере встать на его место. К. Роджерс говорит: «Моя задача – понять, как он чувствует себя в своем внутреннем мире».

У митрополита Антония Сурожского есть замечательные слова: «Человеку нужно, чтобы ты был с ним в его горе, был на дне этого горя вместе с ним. И не убеждать его, что горя нет или что он неправ, горяя». В этой мысли, вероятно, выражена самая суть отношения психотерапевтов, врачей и всех сопровождающих к умирающим.

9. Процесс переживания важнее, чем цель

Большинство психологов и богословов подчеркивают значение скорее процесса, чем результата в конфликте, о котором речь шла

выше. Намного важнее найти в себе мужество находиться, пребывать в конфликте, а не избегать его. Помогая больному это осознать, психотерапевт тем самым положительно влияет на все три аспекта состояния человека: физический, душевный (эмоциональный) и духовный. Как следствие, могут в значительной мере уменьшиться негативные симптомы болезни у умирающего: на физическом уровне это запоры, тошнота, боли; на душевном уровне, например, уныние, отчаяние, тревога, бессонница и страх смерти; на духовном уровне – больному будет легче готовиться к смерти, как практически, так и духовно. Человек хочет жить «здесь и теперь», в самом процессе, который с ним происходит.

К сожалению, часто случается, что больные регрессируют, ибо их единственная цель – стать снова такими же, как прежде, в прошлом, то есть снова быть здоровыми, продолжать жить, как раньше, желая избегать всего, что происходит сейчас, тем самым отказываясь от попыток найти смысл в страдании. Перед лицом смерти это неосуществимо.

Заключение

Для психотерапевта, равно как и для каждого человека, будь то родственник, медперсонал или вообще любой член общества, самым существенным моментом является «пребывание вместе» с умирающим, давая ему простор стать собой, стать личностью и жить без маски и игры. Нельзя мешать пациенту найти себя из-за собственных страхов тревогой и защитами. «Пребывание вместе» даст

больному возможность расти в полную меру его призвания, чтобы, приняв факт смерти как неотъемлемую часть жизни, он использовал ситуацию для своего внутреннего роста. Согласно В. Франклу, надо научиться взять ответственность за свое отношение к предстоящей смерти.

Стоит особо подчеркнуть: сопровождающему следует помнить, что ему никогда не удастся полностью снять у больного тревогу «небытия». И не в этом задача психотерапевта. Он может лишь быть спутником умирающему перед неразрешимостью последнего конфликта земной жизни. По словам митрополита Антония Сурожского, «больной имеет право горевать». Единственное, что может делать сопровождающий, – пребывать с ним, не только физически присутствуя, но принимая его состояние в свое сердце и таким образом деля с ним его страх, его борьбу, чтобы в этом конечном конфликте дать ему возможность стать личностью: смотреть в лицо неизбежной смерти, осмыслить свое страдание и готовиться к переходу в Жизнь.

ДАДИМ БЛИЗКОМУ НЕ ЖАЛОСТЬ, А СОСТРАДАНИЕ

В прошлом веке в Америке работала психиатр Элизабет Кюблер-Росс. Одна из ее книг переведена на русский язык, она называется «О смерти и умирании». Она работала с очень многими раковыми больными, и не только с ними, но и с молодыми людьми, и детьми, которые умирали от разных болезней, или были изнасилованы, и с родителями, которые потеряли своих детей из-за несчастных случаев. У нее был огромный опыт с умирающими. По ее мнению, есть пять фаз, которые проходит человек, когда оказывается перед шоком открытия, что он смертельно болен.

Первая фаза – это отрицание: «Не может быть, почему я, это ошибка диагноза, другой врач скажет по-другому». С этим мы здесь, в хосписе, тоже сталкиваемся.

Вторая фаза – гнев. Гнев – это хороший знак, это знак жизни, знак того, что человек сопротивляется, не хочет болеть. Я думаю, что и медперсоналу, и врачам, и родственникам полезно понимать, что если у человека есть гнев, то не надо его отрицать, не надо говорить, что это плохо. Гнев – это естественная реакция. Когда человек борется, он активный, он включается в жизнь. Хуже, когда человек пассивный. Пассивный – это «легкий» больной для окружающих людей, который все принимает, но на самом деле он находится в по-

зиции жертвы. Когда человек сопротивляется, расспрашивает, это надо принимать как знак того, что у него есть шансы взять на себя ответственность за жизнь и за отношение к смерти. Это намного более положительно, чем человек «смиранный», так как настоящее смирение у нас редко бывает, скорее всего, это выражение пассивности или депрессии.

Третья фаза – торговля, сделка. Человек говорит: «Ну а если я брошу курить, и больше никогда-никогда не буду курить, или если я отдам свое имущество Богу на построение часовни, тогда, может быть, я выздоровею?» Это попытка так называемой «сделки с Богом», то есть по сути – неприятие своей болезни.

Четвертая фаза – фаза отчаяния, депрессии, когда человек понимает: все это правда, болезнь есть, и уйти от этого невозможно. Фаза отчаяния и депрессии – важная фаза. Отчаяние сопутствует осмыслению болезни. Оно необходимо, чтобы принять: «Да, болезнь есть». Потому что «сбросить» отчаяние и гнев с себя можно только тогда, когда они пережиты до конца. Человек имеет право пережить свое горе. Если он не переживет это, тогда внутри все это будет подавлено, из-за чего физические и душевные симптомы только ухудшатся.

Последняя, пятая фаза – это смирение и надежда. Не смирение в церковном понимании, а смирение как принятие того, что есть, более или менее спокойно. И надежда. Я не знаю точно, что Элизабет Кюблер-Росс имела в виду, но я думаю, что эта надежда заклю-

чается в том, что, несмотря на болезнь, жизнь продолжается, в том числе и после смерти, и без надежды на «чудо» трудной жизни.

Эти фазы могут идти не в перечисленной последовательности, а человек может принимать одну фазу, потом ее отрицать и т.д. Фазы могут меняться местами, повторяться в разной последовательности. И стоит отметить, что близкие, родные проходят через эти же фазы, и может быть, впервые они осознают, что они тоже будут стоять перед собственной смертью.

– **Что тяжелее всего принять человеку?**

– Я думаю, главная проблема, что человек теряет все, включая контроль над своим телом. Когда он тяжело заболевает, он теряет социум, он теряет свою работу, коллег, он не может зарабатывать, он не может быть мужчиной для женщины, или женщина не может быть для мужчины партнером, мама не может ухаживать за детьми, отец чувствует себя обузой. Женщина теряет облик красоты – если, например, рак груди или после химиотерапии. Или, например, я помню пациентку, ее звали Ксения, это была молодая красивая женщина, у нее была меланома на ноге. Она просто не хотела одеяло или простыню поднимать, потому что она стыдилась потери красоты своего тела. Обычно все эти потери воспринимаются как что-то ужасное, а я думаю, что это, может быть, и есть возможность стоять перед Богом в нищете духом и сказать: «Вот такая я, у меня ничего нет своего, все, что я имела и имею, дано Тобой. Будь со мной, наполни меня Собой». Но это уже моя точка зрения.

Когда видишь, что больной стесняется своего тела, можно говорить о том, что он больше своего тела, что тело страдает, но что его суть больше этого. Что образ Божий, который в каждом из нас есть, не тронут. Что этот образ принадлежит вечности. Об этом стоит говорить, потому что человек может впасть в депрессию и испытывать ненависть к себе только из-за того, что стал хуже выглядеть.

– Как близкие могут помочь ему на разных стадиях болезни?

– Стадия отчаяния – очень важная стадия. Не является ли отчаяние, гнев непринятием воли Божией? Да, это неприятие, но даже не столько воли Божией, сколько факта болезни. Но если у человека глубокая вера, тогда можно говорить с ним о вере, хотя с такими людьми я редко встречаюсь. Я здесь работаю уже почти 10 лет, и на Западе работала, и хочу сказать, что, по-моему, мало у кого есть настоящая вера, то есть вера, основанная на личном опыте. Возможно, я ошибаюсь, но, судя по тому, каковы реакции на болезнь и подготовка к переходу к вечной жизни, таких людей, к сожалению, очень мало. Это трагично, мне кажется. Безверие порождает отчаяние и страх смерти.

Владыка Антоний Сурожский говорил, что однажды, когда ему было 16 лет, его отец сказал ему такую фразу: «Не важно, умираешь ли ты, или живешь ли ты, но важно то, для чего ты готов умереть или жить». И это стало для Владыки нитью его жизни: иметь такую цельность, чтобы жить любовью, не считаясь с тем, принесет ли это жизнь или смерть лично для него.

Осмыслить свою жизнь, свои страдания и умирание – немаловажно. Если думать о том, что все в жизни должно быть гладко

и должно приносить наслаждение, и болезни не должны были бы быть. Тогда мы неизбежно, как только наступает «неприятное», оказываемся в положении жертвы, и смысл жизни ускользает. Но мы ответственны за свою жизнь, за свое отношение к смерти, к собственной смерти, и за то, как мы относимся к этому. И, по-моему, крайне ложно то, что я часто наблюдаю, когда умирают дети, – дарить им все, что угодно, чтобы им было хорошо, без того, чтобы подготовить их к переходу к Богу, к Жизни. Это подавление страха на эмоциональном фоне, мы жалеем их, и они это чувствуют и становятся очень требовательными. Они точно знают, что все можно выпросить, а для души это крайне бесполезно. А жалость вообще надо отсекать, потому что жалость в этой ситуации неуместна. Сострадание – да, а жалость – нет. Можно, например, сказать: «Да, это трудно, но ты воин Христа, воин жизни, и смерть – это часть жизни. И мы перейдем в другую жизнь, и то, как мы перейдем, сейчас зависит от нас».

Я очень люблю Виктора Франкла, он жил в прошлом веке, во время Второй мировой войны, он был психиатром, невропатологом в Вене. Он был евреем, и попал в концлагерь, и там умерли все его близкие: его невеста, родители... Он пишет о том, что есть люди, которые выжили или погибли в этих ужасных условиях концлагеря. Когда люди сумели найти с его помощью смысл в своих страданиях – они выживали. Таких людей было очень мало, но это были люди, которые сумели жить выше обыденной жизни, потому что у них был какой-то идеал. И он говорил, что он сам, когда ему стано-

вилось очень трудно, он себе представлял, что находится в Венском университете на кафедре и читает студентам лекцию на тему о том, как выжить в обстановке концлагеря.

Я говорю об этом потому, что если человек может найти ответ на вопрос не «как выжить?» (то есть вернуться к тому, что было до болезни), а ответ на вопрос «зачем стоит жить?», тогда человек становится уже не жертвой, он становится личностью, он может расти. У него появляются жизненные силы для того, чтобы чему-то научиться. Он выходит из экзистенциального вакуума безысходности: «Я жертва, и ничего не могу делать». И вместо того, чтобы думать о том, как вернуться к прошлому, человек может начать думать о том, что он сам может дать жизни. Вот слова Виктора Франкла: дело не в том, «как жить, а зачем стоит жить». Другими словами – что я могу дать жизни вместо того, что я могу взять от жизни. У нас есть свобода жить как жертва или жить достойно своему высокому призванию человека, который ответственен за отношение к своей жизни, но и к своей смерти.

– То есть одна из задач близких – помочь человеку перестать ощущать себя жертвой.

– Да.

Когда человек во время болезни находится в положении жертвы, тогда он регрессирует, и он неизбежно впадает в уныние, а от этого физические симптомы болезни увеличиваются. Я помню много людей, у которых были кошмары, гнев, боли, потому что внутри все кипело: я жертва, я жалею себя. И при этом все физические сим-

птомы, и душевные, и духовные симптомы усиливаются, и часто нет возможности их снять.

Есть пример, который я часто привожу. У нас лежала молодая девушка, 16 лет, назовем ее Елена. У нее была саркома правой руки. Она много лет провела в разных больницах. Ее мама всегда была рядом с ней и не отпускала ее ни на минуту. Она находилась у нас, боли были дикие. Какие только обезболивающие ей ни давали – ничего не помогало! Чего только ей ни дарили – компакт-диски, компьютер, игрушки, но не в этом она нуждалась.

И однажды наш главврач Вера Васильевна говорит: «Ничего не помогает. Так что, Фредерика, ты психолог, зайди, поговори с ней». Я подумала, то это нелегкая задача. Вошла, понятия не имела, о чем я с ней буду говорить. Попросила помощи у Господа и вошла. Елена не слишком доброжелательно взглянула на меня. Она была очень красивая, у нее были прекрасные голубые глаза. Из-за химиотерапии у нее уже не было волос. Она лежала в постели, я села и спросила ее: «Лена, что было самое тяжелое для тебя за все это время в больницах?» Она пристально посмотрела на меня и ответила: «Кровь из носа». Я сказала: «Ну да, когда кровь идет, всегда кажется, что ее очень много».

Надо сказать, что Елена никогда не показывала своих эмоций. Она всегда была на высоте, умом контролировала свои эмоции. А тут вдруг сердито посмотрела на меня и сказала: «Нет, это было много крови, я уже была ТАМ». Впервые за столько времени, что она была у нас, она заговорила о своей смерти. Я спросила: «А как

было ТАМ?» Она на меня взглянула и неохотно сквозь зубы ответила: «Хорошо, тепло». И заплакала. Я спросила: «А почему ты плачешь? Ведь там тебе хорошо было?» И вдруг она в первый раз всей душой закричала: «Я не хочу ТАМ быть!!!» И из-за накопленных за много лет эмоций, которые никогда не находили выхода, у нее начались конвульсии.

Дело осложнялось тем, что ее мама, самый близкий ей человек, не допускала малейшей возможности обсуждать тему смерти. Я просто помолилась, чтобы сейчас мама не подошла и не помешала выходу эмоций. Но, к сожалению, она подошла практически сразу же, и сказала: «Леночка, деточка, все будет хорошо, все нормально, не бойся». Елена замолкла и сразу закричала: «Рука болит!» У меня возник образ кувшина, из которого пар уже начинает выходить, и вдруг снова крышка плотно захлопнулась.

Было заметно, что они обе меня невзлюбили за то, что я затронула эту тему. Но удивительно, с того момента обезболивающие стали действовать и впервые она стала спать. Я каждый день заходила к ним, хотя они меня принимали без особой охоты. Однажды, после того как я вошла, ее мама обратилась ко мне с вопросом: «Ну как она?» Я посмотрела на Лену, она мирно спала, а вокруг нее стояла какая-то особая тишина. И было видно, что уже близка ее смерть. Я сказала: «Давайте пойдём в сад». Мама, которая не была верующим человеком, которая все время отрицала, что дочь умирает, в саду мне сказала: «Она уже ТАМ, не так ли?» Я ответила: «Да». И сразу же мама возразила: «Но мы летом с Леной поедём на дачу».

Это фаза отрицания о которой мы уже говорили. Мама Лены приняла смерть дочери, но сразу же стала ее отрицать. Отрицание болезни родственниками, отрицание того, что происходит на самом деле, негативно действует на больного. Кроме того, крайне важно, чтобы все те, которые находятся рядом с умирающим или тяжело-больным, сами приняли факт, что смерть есть, что они тоже будут умирать, что это факт жизни, иначе страхи родственников переливаются на больных.

Но мама Лены не принимала факт ее смерти. В процессе болезни дочери она начала пить, сильно пить. Она бродила вокруг хосписа ночью пьяная. Елена это знала и однажды сказала: «Мама, почисти зубы, потому что от тебя пахнет, мне стыдно перед врачами». И так Лена приняла на себя роль мамы, а мама взяла на себя роль ребенка. В этом, мне кажется, трагичность, потому что Лена умирала одиноко, без защиты, и ей не с кем было поделиться своими страхами. Мама могла бы ее обнимать и вместе с ней плакать: «Это трудно, но все равно мы вместе». Но Лена была одна... Этот пример показывает, как это важно, чтобы не было фальши, преграды между людьми. И когда она умерла, мама надела на нее парик и покрасила ее губы, как будто она живая.

– Значит, лучше вместе плакать, чем делать вид, что ничего страшного не происходит?

– Сострадание – это не плакать вместе, сострадание – это не излияние своих эмоций. Я думаю, что сострадание – это что-то очень трезвое, чтобы человек, который нуждается во мне, который умира-

ет, или болеет, или находится в тяжелом состоянии, – чтобы именно ОН был в центре, а не Я со своими эмоциями над ним и вокруг него. Очень часто наши эмоции отягощают состояние больного. Нам надо научиться владеть своими эмоциями, чтобы они не были похожи на водопад, который унесет человека еще дальше вниз.

Владыка Антоний Сурожский говорил: «Надо научиться сострадать творчески». Это значит действительно думать, что этому человеку нужно сейчас. Не что МНЕ нужно и как МНЕ больно, но что ЕМУ нужно.

Человек, который умирает, часто говорит: «Не жалейте меня». Потому что ему от этого хуже становится. «Мне не жалость твоя нужна», – говорит он. Часто наша жалость – это жалость к самим себе. Владыка Антоний Сурожский говорит: «Сострадание – это не жалость. Это способность со-страдать, понести страдание вместе с другим человеком, разделить чью-то муку, чью-то боль. Мы не можем поставить себя на место другого человека и в полной мере пережить его или ее страдание. Но мы можем дать этой чужой боли пронзить НАШЕ сердце, чтобы страдание, которое происходит у нас на глазах, потрясло нас до самых глубин. Но для этого у нас должно быть открытое сердце, сердце, готовое быть уязвленным, раненым. Мы должны сами быть готовы на страдание. Часто мы защищаемся внутренне, только бы не отозвалось сердце, потому что мы не хотим, чтобы через сострадание чужая боль, беда, мука потрясли нас до изнеможения. Но в то же время нет другого пути, если мы хотим строить человеческие взаимоотношения, которые были бы достойны нас самих и достойны Бога».

– Если говорить, что все хорошо, нельзя плакать, – это тоже не лучший выход. Как же себя вести, что делать?

– Начнем с самих себя, чтобы у нас не было страха, чтобы мы могли открыть сердце свое и Богу, и себе, и человеку, – тогда все возможно. Тогда можно просто пребывать с человеком, держать его перед лицом Божиим, хотя, конечно, от боли разлуки, от горя могут быть слезы. Мы можем молчать, мы можем внутренне молиться, мы можем увидеть, что нужно человеку, и можем не бояться его страха. Он почувствует, что мы не боимся. И поэтому, возможно, он раскроется нам, и таким образом одиночество его будет меньше, и он будет чувствовать, что в человеке, который рядом с ним, есть место для его горя, и поэтому его горя будет вполовину меньше... Я думаю, что все, что мы можем «делать», – это прежде всего спокойно побыть вместе с человеком.

Владыка Антоний Сурожский часто мне говорил: «Твои эмоции – потом. Сейчас важен тот человек, который перед тобой. А то, что касается тебя и твоих эмоций, – об этом ты будешь думать потом».

Разумеется, это требует самоотречения и дисциплины, что нужно не только когда мы стоим перед лицом болезни или смерти, но вообще в жизни. Нужно научиться быть собранным, трезвым, чтобы не мое Я было на первом месте, но человек передо мной.

Очень часто медсестры спрашивают во время лекции: «Что делать, что сказать, когда человек тяжело болеет?» Владыка Антоний Сурожский давал такой совет: «Если у меня нет слов, нет знаний, но у меня есть ласка, у меня есть тепло, я этим могу поделиться. Если не

искать умных формулировок, не искать каких-нибудь доводов, а просто пожалеть и приласкать, тогда все сделаешь». Для этого тоже надо не бояться, надо уметь молчать, побыть, надо раскрыть сердце.

Для меня ключ ко всему – это научиться раскрывать свое сердце, потому что в моем опыте, если есть сострадание, – тогда можно забыть все, что относится лично к себе. Ведь мы можем забыть про себя, только если есть что-то важнее. Если сердце так сумеет реагировать на боль другого человека, что не может поступать иначе кроме как помочь, – тогда легко забыть про себя. Это не просто «ты должен» действовать силой воли, а все идет более естественным путем: ты видишь нужду, боль, страх человека, и когда сердце открыто, когда есть сострадание, тогда в конечном итоге сострадание легко побеждает всякий эгоизм.

Помню, как одна мама сидела с умирающим ребенком. Однажды она мне сказала: «Я не думала, что это возможно, ночь за ночью не спать и быть со своим ребенком просто потому, что ему это нужно. Я не думала, что можно жить и не спать столько дней». Удивительно, как сострадание к своему ребенку победило естественные потребности ее организма.

– Что мешает нашему доверительному общению с близким человеком, который находится в тяжелой болезни, что нам мешает помочь ему?

– Нам трудно помогать, если мы сами не принимаем того, что должен принять пациент. Не только больной, но и мы сами должны принять смерть как неизбежный факт жизни, принять неизбежность

нашего ухода крайне важно. Если бы не выработали собственное отношение к своей смерти, тогда мы никогда не смогли бы никому помочь. Наши страхи, наши защитные реакции мешают, становятся преградой между нами и больным, который стоит перед смертью. Известно, что человек, который умирает, он становится очень чутким, он бессознательно знает, что вот этот человек сам боится и не стоит к нему обращаться за помощью. Из-за этого человек замыкается, и мы мешаем ему раскрыться, говорить о своих страхах, о своей тревоге, потому что мы сами не готовы и он остается оставленным в своих страхах.

Я думаю, что вопрос о том, как мы можем помочь человеку, который стоит перед смертью, прежде всего ставит нас перед необходимостью ответить на другой вопрос: а какие мы сами? Как мы относимся к тому факту, что мы умрем, что близкие могут умереть, что есть боль, есть боль разлуки, как мы относимся к этому? Большинство людей живет так, как будто смерть не существует в мире, словно никогда не было войны и никто не умирал. Это нелепая защита. Ведь если не принимать реальность того, что мы все умрем, тогда останется только тревога и страх на протяжении всей жизни, и этим мы отказываемся жить глубиной.

– Стоит ли говорить человеку о его смертельном диагнозе? Если да, то когда и как?

– Очень часто человек спрашивает: «А какой у меня диагноз?» Ошибкой было бы сразу сказать: «Ну, вот такой». Вовсе не факт, что он хочет знать это на самом деле. Иногда надо различать, хо-

чет ли он знать, или нет. Если ответ отрицательный, то говорить не стоит. Я иногда так отвечаю: «Я не знаю, какой диагноз. А когда вы лежали в больнице, что вам говорили?» – «Ах, не хочу знать!» Тогда не надо говорить. Так что в этом вопросе надо быть очень осторожным. Наверное, стоит сначала познакомиться с пациентом, узнать, какой у него характер, и с какой целью он задает этот вопрос, и какой есть у него прежний опыт о тяжелой болезни и об умирании близких ему людей. Потому что это неизбежно влияет на его восприятие собственной болезни.

У нас лежал молодой мужчина, 40 с лишним лет, его часто навещала жена. Скажем, Александр и Инна. Я видела, как Александр с ужасом и тревогой смотрел на свою жену каждый раз, когда она входила в палату, – заплаканная, с красными глазами, и он с ужасом спрашивал: «Что происходит, что это значит, почему ты плачешь?» В какой-то момент я ей предложила: «Может быть, стоит поговорить с ним о диагнозе?» Она ответила: «Да, я хочу этого, но я боюсь. Вы будете с нами?» Я ответила: «Да, я пойду». А до этого Александр все время мне говорил: «У меня остеопороз».

Когда мы вместе с его женой вошли в палату, я не помню точно, какими словами я изложила суть его болезни. Но Александр почти сразу же сказал жене: «Я же знал с первого дня, что у меня не остеопороз, а рак!» И Инна тоже знала. И они оба заплакали, обнялись друг друга. Я ушла, конечно. В результате они потом могли начать жить в настоящем, потому что ложь между ними уже не стояла. И это так важно, но так редко это бывает, потому что люди зачастую

пытаются оберегать друг друга от истины, от боли, и между ними остается стена.

Если речь идет о том, говорить ли про диагноз, то я бы ответила однозначно: да, говорить надо, но как говорить и когда, это надо действительно делать, когда сам человек к этому готов, когда он хочет это знать. Встречаются люди, хотя и редко, которые совсем не хотят знать свой диагноз. И тогда им ни в коем случае не надо навязывать. Но в целом я уверена, что каждый человек знает свой диагноз, они были в онкологических больницах, они ведь не глупые, они ведь все понимают. Стоит просто легко, чуть-чуть заболеть, и уже человек внушает себе: «Наверное, у меня рак, и впереди смерть».

Бывает, что я спрашиваю: «Забыла, подскажите, какой у вас диагноз?» И он говорит: «Не знаю». – «Вы не знаете свой диагноз?» – «Нет, не знаю». Но на самом деле они знают, только не хотят признавать это вслух. При этом мимоходом, спустя несколько минут скороговоркой, в беседе они могут проронить о том, что у них рак.

А когда человек верующий, то, я считаю, недопустимо об этом не говорить. Потому что верующий человек должен молиться, исповедоваться, готовиться к встрече с Богом. Если он верующий человек, то я не понимаю, почему не говорить про диагноз, это для меня просто непонятно. В таком случае в чем заключается его вера? Верит ли он, что Христос воскрес, а значит, мы все воскреснем вместе с Ним? Верит ли он, что смерть – это переход в вечность, в Жизнь?

Я думаю, что когда человек умирает, он больше знает, чем мы. ОН тут профессор, и мы не имеем право поучать его, мы можем

только побыть рядом с ним. Но если у нас есть свои страхи, тогда неизбежно появятся защиты: как, например, пустые разговоры, ссылака на занятость, отсутствие времени, чтобы побыть с человеком, – лишь бы не говорить о чем-то серьезном. Это часто касается не только близких, родных, но и медперсонала.

Владыка Антоний Сурожский говорит, что пустая болтовня, пустословие – это словно ширма. К этому средству человек часто прибегает, чтобы защититься от необходимости быть серьезным, высказать свою тревогу, быть правдивым, истинным. И если говорить о том, как помочь человеку, прежде всего надо принять тот факт, что мы все умрем. И быть серьезным, и научиться молчать с целью, чтобы спокойно остаться рядом с человеком.

Однажды у меня было очень тревожно на душе. Я была еще в Лондоне, находилась в храме после какой-то беседы. Владыка Антоний Сурожский, выходя, заметил, что у меня неладно на душе, и сказал: «Сядь рядом со мной». И он просто начал говорить о чем-то отстраненном, что для него было непривычно. Он ни о чем особенном не говорил. Он ждал, пока не почувствовал, что улеглось мое беспокойство, и сказал: «Ну, до свидания». И он ушел безо всяких вопросов и без слов утешений. Это был такой урок!

И я сейчас, когда я вижу, что человеку плохо на душе из-за тревоги, страха, или если просто неладно, я сижу с ним и говорю о чем угодно, потому что я сейчас опытом знаю, как это важно. Только тогда можно уйти, когда человек в покое. И когда человек с больным говорит про диагноз, нужно остаться с ним, пока он не успо-

коится. А говорить о диагнозе и потом сразу же уйти – это было бы преступлением.

– ***Чего еще не стоит делать?***

– Часто бывает такая ошибка: из-за болезни у пациента отнимается контроль над своей жизнью. Нередко наблюдается, особенно у жен, что они хотят делать для своих мужей абсолютно все. Он лежит как тряпка, а жена решает все за него и даже отвечает на вопросы за него. Это крайне бесполезно, потому что, когда человек теряет контроль над своей жизнью, над своим телом, он теряет все. Он теряет облик тела, социум, он не может зарабатывать и так далее, и так далее. Он лежит там, и все решается над ним без его согласия. Те люди, которые его опекают, часто стоят НАД ним буквально физически. Я хочу подчеркнуть, что желательно всегда сидеть рядом с человеком, на его уровне. Необходимо осознать, что каждому пациенту надо дать контроль, особенно в мелочах – ведь потеря контроля неизбежно ведет к депрессии, так как он лишен возможности хоть каким-то образом влиять на свое состояние. Например, если спрашиваешь: «Что вы хотите кушать сегодня, вот это или вот это?» – часто бывает, что близкие люди сразу же подсказывают, упреждая ее ответ: «Он любит то-то и то-то». Дайте ему самому решить, чего он хочет. Даже если человек серьезно болен и не способен говорить и выразить свои мысли как раньше, стоит хорошенько припомнить, что он такая же личность, как и прежде (даже когда человек в коме, без сознания, так как он даже в таком состоянии все слышит).

Для того чтобы больной имел как можно больше контроля, я, например, всегда говорю: «Вы хозяин, решайте сами». Это также связано с ответственностью, которую каждый человек несет сам за себя, включая состояние болезни – а иначе он становится пассивной жертвой. Надо всячески стараться, чтобы человек не был жертвой, но чтобы он жил до самого конца достойно своего призвания как человека.

И самоконтроль – это тоже важно. Часто, когда у больного, скажем, паралич, его кормят, хотя он может сам это делать, хотя и неоправданно и медленно. Дайте ему просто делать то, что он может, чтобы сохранить его достоинство в его собственных глазах. Это немаловажно.

Еще одна ошибка, которую тоже стоит избегать, это отказ жить в настоящем. Есть родственники, которые не хотят принимать горе болезни, горе смерти, умирания, горе предстоящей разлуки, – они хотят оставаться в прошлом, убеждая и себя, и больного, что «все будет нормально, наступит лето, будет дача, рыбалка». Или наоборот – еще до физической смерти «похоронят» больного, что означает на самом деле отказ вместе пережить горе в настоящем (как бы скорее перелистнуть эту страшную страницу книги).

У нас есть пример, тоже молодая девушка. Ей было 20 лет, диагноз – «рак крови». Она читала в Интернете все про свою болезнь и заранее узнала самое ужасное, что с ней может случиться. И конечно, она пришла в ужас, потому что ожидала, что непременно будут метастазы в костях, и знала, что это неизлечимо, что, как утверждали источ-

ники в Интернете, неминуемо будут адские боли (но это неправда!). И от всего этого она оказалась в крайней депрессии. Эта девушка заранее готовилась, что все будет плохо, и ни с кем не хотела общаться. Только постепенно она раскрывалась и выходила из депрессии. А ее мама совершенно не могла принимать факт, что сейчас ей больно, ей страшно, что у нее депрессия. Мама никак не могла принять, что ей сейчас трудно, что она нуждается в поддержке. Она не сумела дать ей поддержку, она уходила в будущее. Мама не раз меня спрашивала: «Что мне делать, когда она умрет, как быть с похоронами?» Еще при жизни дочери мать жила так, словно дочь уже умерла. Между матерью и дочерью был глубокий симбиоз. И конечно, это сильно влияло на девушку и увеличивало ее депрессию и страхи.

Стоит упомянуть, что часто бывает, когда человек умирает, особенно когда человек в коме, родственники, особенно мужчины, начинают обсуждать: «А что дальше? Что мы должны делать, когда он умрет, как лучше организовать похороны, какие нужны бумаги?» и т.д. А человек еще жив, он ВСЕ СЛЫШИТ. Это ужас, но, к сожалению, родственники часто не понимают, что так нельзя поступать.

– Как правильно вести себя с умирающим?

– Когда человек теряет все, у него может возникнуть реактивная депрессия. Но есть второй тип депрессии, когда человек начинает готовиться к своему переходу. Он сам проходит этот путь шаг за шагом. Это подготовительная депрессия, при которой человек отдаляется от близких. Часто близкие, родные интерпретируют это так, как будто он их оставляет, и они ему не нужны. Это напрас-

но. Можно говорить с родственниками про больного о том, как он мужественно идет шаг за шагом в вечность. И что мы туда еще не можем идти и не можем понять этого, потому что он перешагнул какую-то определенную грань в иной мир, где сейчас только он может находиться.

Переход в вечность – это непостижимое таинство, которое можно только созерцать в молчании и сострадании.

Когда у нас самих есть страхи, мы не умеем молчать, мы начинаем болтать. Владыка Антоний Сурожский так говорил про молчание: «Ты должен быть настолько углубленно молчалив и открыт, чтобы больной мог бы в любую минуту с тобой заговорить. Важнее всего, больше всего помогает, и научиться этому трудно, – помогает способность сесть и пребывать тут, в полном покое. Не спешите, вы совершенно присутствуете. Я ничего не могу делать, кроме того, чтобы прийти, сесть и ждать. Что будет, то будет, и то будет на пользу».

У меня ощущение, что человечество – одно целое, и когда человек серьезно болеет, он нуждается в теплоте хотя бы одного человека, в осознании, что он рядом с тобой, что ты не один переходишь туда. Умирать одному в одиночестве, даже если он находится в коме, очень страшно. Но надо быть осторожным: не вмешиваться своими чувствами, не переливать свои страхи и эмоции. Надо научиться быть собранным, чтобы думать не о себе, а о человеке, который уходит. Держать его за руку, чтобы последнее, что больной будет чувствовать, – это прикосновение руки близкого и его голос. Даже когда человек без сознания, никогда не говорите над ним лишнего – он все

слышит! И когда родные люди хотят что-то сказать ему, например, что они его любят, что он жил достойно, – это стоит высказать, так как это не напрасно, ведь он все это слышит, хотя и не может ответить.

Человек, который умирает, глубоко чувствует молитвы людей вокруг него. Молитва как образ заступничества – это не «Господи, делай, делай, делай», это намного глубже. Это значит – научиться открыть свое сердце, свою душу, суметь принять этого человека в себя, сидеть молча рядом с ним, и иногда без слов говорить: «Господи, на Тебе! Прими его и будь с ним!» Владыка Антоний Сурожский приводит по этому поводу такой пример: стоит Альберт Швейцер, (величайший врач, работавший в Африке), он был человек большого роста. А перед ним стоит маленькая негритянка, протягивает к нему вверх своего больного ребенка и глазами говорит: «На тебе, это тебе! Ты все можешь, ты же врач, исцели!»

Этот пример – образ молитвы, заступничества за больного, – помогает ему во время болезни и перехода. Заступничество не заключается в том, чтобы просто сидеть и читать журнал, как иногда бывает. Мы сидим с умирающим, но при этом мы думаем свои думы – физически сидим, но на самом деле отсутствуем. Но только просто сидеть или смотреть телевизор при больном – это недостаточно, надо держать больного в своей душе перед лицом Бога. Но это труд.

Бывает перед смертью такая трудная фаза, что умирающий борется, и его тело борется, и в этом случае надо научиться «читать», что происходит с человеком по тому, что выражает его тело. Есть

ли боль или нет и какова боль – физическая или душевная, комфортно ли или нет? Этому можно учиться. Когда больному страшно или беспокойно, желательно быть рядом с ним, держать его в своем сердце и молиться без слов. Можно молиться кратко: «Господи, помилуй» – или другими короткими молитвами. Но лучше не вслух, поскольку, по-моему, звуки часто разрушают предсмертную тишину. Желательно по возможности стоять перед Богом с этим человеком в глубоком молчании. Такая молитва влияет на него очень глубоко. Больной часто это очень тонко чувствует.

Иногда приходят молодые священники, и у них самих бывают страхи. Такой священник может оказаться у умирающего в первый раз и не знать, как вести себя. Как правило, он стоит как можно дальше от лица умирающего, то есть у его ног, возвышается над ним, не сидит рядом с ним, одет в черном. Он говорит очень быстро и невнятно, потому что ему страшно или он спешит. Он читает отходную, дает ему благословение издалека и уходит. Я думаю, что священнику надо прежде всего сесть рядом с пациентом и, если он еще не близок к смерти, познакомиться с ним и его родственниками, и таким образом как можно больше узнать про него – кто он, каков он. Очень желательно, чтобы священник приходил не только в самом конце, чтобы лишь исполнить церковный обряд. Больной нуждается еще и в теплоте, он прежде всего нуждается в человеке, который сидит рядом с ним, слушает его и молится с ним. Так, как поступил бы Христос.

Бывает, что родственники от страха не садятся рядом с больным, а буквально стоят поодаль. В таких случаях я говорю: «Давайте ся-

дем». – «Нет-нет, мы будем стоять». – «Ну, давайте сядем, держите его за руку». – «Нет-нет-нет, будем стоять». Тогда я сажусь сама, беру больного за руку, чтобы постепенно показать, что это не так страшно. Бывает так, что когда больной умирает, его близкие от страха начинают воспринимать его именно как умирающий объект, а не как родного человека.

– Как готовить человека к смерти, если она приближается?

– Если нет веры в то, что есть жизнь после смерти, тогда обычно больному и родственникам крайне тяжело воспринимать его кончину. А где-то в глубине души, мне кажется, все люди знают, что вечность существует, что, как они выражаются, «что-то» есть. Хотя мне всегда хочется поправить, что не «что-то», а «Кто-то». Но даже когда человек говорит: «Я думаю, что наверняка там что-то есть», это говорит о том, что веры у него почти нет. Часто причащаются на авось, в надежде, что это поможет исцелиться, как будто это великое Таинство – это всего лишь лекарство. Крещеные люди причащаются, говоря: «Христос Воскресе!» Эти слова свидетельствуют и о нашем воскресении. Но это так редко является реальностью для больного, который стоит перед смертью! Есть совет Владыки Антония Сурожского, который говорил: «Не надо подготавливать человека к смерти, а подготавливать его к Жизни. К вечной Жизни».

Что мы тогда можем сделать? Мы же не знаем, что такое смерть, никто из нас, находящихся здесь, не умер. Кто-то вернулся, был на грани смерти, но он же не умер! Поэтому не мы, а именно больной является «профессором» в этой области. И не наша задача давать ему какие-

то поучения, наставления. Я думаю, нам надо с трепетом встретиться с умирающим человеком и улавливать, о чем он говорит, даже без слов. Если человек неверующий, не верит в вечную жизнь, я тогда даю ему примеры из своей жизни, из своей веры. Потому что, я считаю, можно говорить только о том, что ты сама опытом знаешь. Но об этом надо говорить от сердца, не поучая. Примерно так: «Я хочу поделиться с вами тем, что я знаю. Слушайте, у меня было вот так...». В третьем лице больному легче что-то слушать и воспринимать.

Я присутствовала у многих больных, которые стояли перед смертью. Очень редко люди сознательно ждут встречи со Христом, не осознавая, что встреча с Ним действительно состоится после ухода в вечность. Большинство людей перед смертью причащаются, может быть, в первый раз, но даже те, кто причащались раньше, почти не имеют веры и не понимают смысла этого Таинства. Но, когда стоят прямо перед смертью, меня поражает, как они меняются. Очень часто бывает, что они видят кого-то или что-то, они поднимают глаза наверх и наблюдают за кем-то. Они явно перед самой смертью видят тот мир, не в страшном виде, а в удивлении и каком-то спокойствии. Есть очень яркие примеры и менее яркие, но это не редкие явления. И после этого человек снова как бы возвращается в земной мир и спокойно умирает. Замечательно, что вокруг умирающего так часто царит особенная тишина и мир. Это происходит не всегда, но довольно часто. И те, кто присутствовали при этом, и видели это, могут передать другим этот опыт умирающего от встречи с ТЕМ миром. Об этом же иногда можно говорить с другими пациентами:

«Вы не верите, но послушайте, у меня есть такой опыт». И, я думаю, если это не из книжек, а от того, что мы пережили сами, это будет в помощь человеку.

Если у человека нет веры, но есть любовь, есть что-то светлое в жизни, тогда таким образом можно ему помочь. Я часто спрашиваю: «А что самое светлое было у вас в жизни?» Потому что человек склонен всегда думать о том, что было плохо, что было не так в жизни, что было уродливо. А если человек будет думать о том, что было в его жизни достойно призвания человека, достойно жизни, тогда в нем будет какой-то свет, и ему станет легче. И это, мне кажется, очень важно подчеркивать. Не самим говорить, а чтобы больной мог выговориться об этом. (Что, конечно, не исключает покаяния о том, что было в жизни против любви.)

Я помню, у нас лежала одна молодая женщина. Я спросила ее: «А что у тебя было самое светлое в жизни?» Она посмотрела на меня сияющими глазами и ответила: «Я ухаживала за детьми. Это было так хорошо!» Очевидно, она была хорошей учительницей, и дети, судя по всему, очень ее любили. Мы говорили о том, что то, что она дала этим детям, никогда не пропадет втуне, и в этом был глубокий смысл ее жизни. Я думаю, действительно важно найти то светлое, что есть в человеке, в его жизни, и чтобы он сам это осознал, так что он не напрасно жил.

Кроме того, и в неверующем человеке есть образ Божий, а именно: что глубже нашей поверхностной психологической личности скрывается наша суть – мы в Боге и сам Бог – в нас. Владыка Анто-

ний Сурожский рассказывал, что часто люди спрашивают: «А где же Бог, когда я так сильно страдаю, где же Он?» А Бог в нас, он страдает с нами, он внутри нас. Когда мы причащаемся, конечно, Он реально в нас, но даже когда мы не причащаемся, образ Божий, сам Господь находится в каждом из нас. И таким образом Он Сам страдает с нами. И может быть, это снимает вопрос: «Зачем Он наказывает меня?» Он не наказывает, Он плачет вместе с нами. Он в первую очередь не Судья, а любовь.

Конечно, тогда возникает вопрос: «Почему Он не снимает болезнь?» Я думаю, что это связано с тем, что состояние нашей души для Него важнее, чем телесность. Если Он видит, что мы живем не так, что все время идем не туда, Он поступает, конечно, не как судья, который говорит: «Стоп-стоп-стоп, так нельзя!» Но когда мы живем так плохо, что дальше уже некуда, на погибель души, – тогда Он может нас остановить, допуская болезнь, чтобы человек задумался о том, как он живет, с чем он пойдет в Вечность? Он дает нам время на покаяние, не поверхностное, а на глубокое размышление о том, с чем мы будем стоять перед лицом Божьим. Многие, особенно в России, воспринимают Господа как судью. А Владыка Антоний Сурожский был глубоко уверен, что Господь, когда мы будем стоять перед Ним после перехода, прежде всего будет смотреть на нас с любовью и с жалостью о том, что мы так плохо жили. И у нас будет стыд о том, что мы стоим перед неописуемой любовью Бога, прожив так недостойно свою жизнь, хотя нам все было дано, чтобы жить достойно нашему призванию как человека.

И еще Владыка Антоний говорил, что те, которые не знают Бога, когда они увидят Его, и увидят Любовь с большой буквы, они упадут ниц и скажут Ему: «Вот, Тебя я всю жизнь искал!» Это тоска по любви, которая живет в каждом из нас, сознательно или нет. И Владыка Антоний считает, очень важно каким-то образом передать человеку свой опыт или свою уверенность в этой Любви, чтобы снять его страх. Единственное, что мы можем сделать, когда человек стоит перед смертью (это тоже совет Владыки), – помочь ему постепенно узнать, что Вечность есть, и что будет встреча с Христом. Только тогда страх умирания и страх смерти может уходить. А когда нет веры, когда не знаешь, чего ожидать, тогда, конечно, неминуемо будет страх.

Кроме того, можно говорить о том, что у каждого человека есть свои потери, и потери есть неизбежная часть жизни, которая когда-то коснется всякого. У меня, например, есть много близких, которые уже умерли. И я считаю, если это уместно, что можно просто поделиться с больным своим опытом. Но часто, когда пришла беда, когда больной стоит перед горем, слова никак не помогают, и тогда прежде всего важно молчание и личность того, кто сопереживает. Присутствие такой личности может дать больше, чем слова. Слова в такой ситуации мало что могут сделать для страдающих, и тогда очень важно просто наше присутствие. Владыка Антоний Сурожский говорил, что часто люди больше нуждаются в тишине, чем в словах. Но, чтобы «стать тишиной», придется научиться не бояться без преграды встретиться с чужим горем.

Несмотря на то что тело болеет и умирает, на что мы имеем власть – это над своей душой. То есть мы можем работать над ней, хотя тело болеет. Потому что обиды, ненависть, ссоры – все отрицательные чувства – приводят к смерти души (ведь есть физическая смерть тела, а есть вещи, которые разрушают наши души) и мы должны работать над тем, чтобы все это сбросить. Бывает, что я говорю больным, что нам нужно перейти в вечность без этого багажа, чтобы на душе было легко. И еще добавляю: «Смотрите, есть ли что-то на душе, что мешает ей раскрыться Богу и себе самому?» Есть ли что-то неладное, отрицательное, тяжелое на душе?

Когда больной поступает впервые, то важно сначала познакомиться с ним поближе, узнать, кто он, какова его среда, каковы его родные, что в жизни для него важно, с целью не просто выполнять свои обязанности, а стать для него до какой-то степени другом. И только тогда, когда он сам этого захочет, если уже есть какое-то доверие, он сможет заговорить о том, что лежит у него на душе. И тут крайне важен уход за ним в первую очередь на физическом уровне, потому что человек не будет говорить о душевном или духовном, когда у него что-то болит, или он неудобно лежит, или подушка расположена не так. И тем, кто рядом с больным, с умирающим, нужно развивать в себе способность смотреть на человека и чувствовать: а чего я бы хотел, если бы лежал там? Как мама интуитивно чувствует своего ребенка, таким же образом стоит развивать интуицию, чтобы знать, в чем именно нуждается больной.

НЕ ПОДАВЛЯЙТЕ БОЛЬ РАЗЛУКИ!

Часто люди считают, что тело – это просто оболочка. Это не только оболочка. Тело – это средство, которое дает нам возможность жить друг для друга и для Бога. Через тело мы принимаем тело и кровь Христову, через тело мы выражаем свою любовь, не только физическим образом, но через выражение глаз, через наши жесты, через голос, через прикосновения. Тело – оно наравне с душой. Когда человек умер, надо с очень большим уважением относиться к его телу. К сожалению, здесь, в России, в морге с телами обращаются не очень почтительно! Часто люди начинают из суеверия бояться своих близких, как только они умерли.

Но тело умершего – это не какой-то другой человек, это же и есть наша Аня, наша Ирина, наш Володя, которые только что умерли. И нужно очень бережно относиться к нему – это не труп, это тело нашего любимого человека, которого мы знали и уважали всю жизнь.

Я думаю, важно не подавлять боль разлуки, не избегать ее. Часто тем, кто переживает горе смерти и потери близкого, дают сразу же успокоительные капли. Но это первый момент, когда он очень остро и глубоко может принять и пережить боль, и это ему необходимо. Наоборот, если подавить, притупить эту первичную боль, то потом уже не будет такого глубокого переживания. После этого начинаются хлопоты, связанные с похоронами и поминками. Поэтому так важно

не лишить родственников этой остроты горя сразу же после смерти близкого, когда можно переживать боль особенно сильно. Нужно дать выход эмоциям, возможность поплакать и даже покричать и предоставить им выбор посидеть как можно дольше с тем, который только что умер. Ведь это единственный момент, когда еще есть время быть рядом, и время, чтобы начать процесс переживания горя.

Только в том случае, если есть сердечная патология, имеет смысл принять успокаивающее. Но в принципе я за то, чтобы остро пережить боль, потому что это тоже часть жизни. Только то, что пережито, можно потом сбросить. Только пережив все горе, можно выйти из него. Наоборот, если все переживания подавлены, то горе скорее всего найдет себе выход в теле, то есть человек потом будет болеть.

Переживание горя – это часть жизни, и мы ответственны за то, как мы относимся к горю. Опять-таки, мы можем стать «жертвой судьбы» или выбрать путь свободы и расти, пережив горе, выйти из него личностью, обогащенной этим опытом.

Осмысление страдания, осмысление смерти очень важны для нас. Если нет осмысления, если нет смысла в страдании, тогда будет депрессия у родственников, у близких. Есть определенная задача, когда человек лишается близкого. Владыка Антоний Сурожский советует всматриваться в жизнь человека, который умер, и изучать, что в его жизни было достойно, светло, велико, увидеть величие человека, и чтобы мир не оскудел после его смерти, воплотить именно эти качества в своей собственной жизни. Цель в том, чтобы мир не стал более бедным от того, что человек умер. Задача тех, кто потерял близ-

кого человека и из-за этого потерял смысл жизни, может заключаться в том, чтобы продолжать в этом же русле. Кроме того, это имеет очень хороший «побочный эффект», потому что если мы будем жить тем светлым воспоминанием, как этот человек жил, то станем едины с ним или с ней. Это продолжение нашей связи с ушедшим.

И другая задача состоит в роли молитвы. По словам Владыки Антония Сурожского, молитва – это единственный путь к соединению с усопшим, ведь усопший живет сейчас в Боге, и чем глубже мы будем жить молитвой и общением с Богом, тем глубже мы будем с человеком, который умер. Но только молитвы недостаточно. Еще один способ (задача), чтобы быть единым со своим близким умершим, состоит в том, что молитва должна воплотиться в самую жизнь. А именно: надо поступать таким же образом, как поступил бы ушедший в самых светлых проявлениях его жизни. И таким образом умножается любовь и свет в мире, что еще глубже может соединять нас с ним во Христе. Если мы так будем приносить плоды во имя ушедшего, тогда можно сказать Христу: «Не приписывай это мне, эти плоды принадлежат усопшему».

Именно эти задачи можно давать родственниками или близким в их горе, чтобы они не безутешно замыкались на своей утрате, на своих эмоциях и на своей разлуке. Конечно, надо горевать, конечно, надо плакать, но задача – не отчаиваться окончательно. А сделать все, чтобы связь с усопшим углублялась.

И еще: если умерший и его родственники неверующие, тогда стоит говорить с его родственниками о том, что всякая любовь – это от

Бога. Потому что Бог – есть Любовь. И можно говорить о том, что да, он умер, но ваша любовь такая красивая, такая глубокая, она не может умереть. Любовь ваша будет вечна, и вы будете снова встречаться. Даже если вам это непонятно и вы этому не верите. Мне хотелось бы поделиться с вами тем, что я узнала опытным путем, так как много моих близких уже умерло. Они для меня живы, и это даже вопрос не веры, а знания.

И поэтому Владыка Антоний Сурожский говорит: «Не смей говорить, что мы ЛЮБИЛИ друг друга. Мы ЛЮБИМ друг друга. Потому что у Бога все живы. Господь – это не Бог умерших, а Бог живых». Поэтому можно обращаться к ушедшим, как мы обращаемся к святым, и говорить с ними – ведь они живы, они всё слышат и всё видят.

Но часто из-за того, что мы замыкаемся на своем горе или на своей жизни, мы становимся плотяными, а плоть, как известно, не пропускает свет, и мы не ощущаем их близость. А может быть, нам бесполезно это ощущать, потому что Господь ожидает от нас подвига, чтобы углубляться в молитвы. Именно в молитве встречаться, внутри сердца, души, а не ждать чудес вне нас. Я думаю, что наша задача заключается в стремлении к тому, чтобы встреча с человеком, который ушел к Богу, состоялась в глубине души.

Недавно у нас в хосписе умирала бабушка. Я ее не знала, но увидела, что она умирает. Я посидела с ней немного, и потом мы позвонили ее дочке, чтобы она приехала, для того чтобы быть рядом с ней (ведь страшно умереть одному!). За это время приехал ее внук, подросток лет восемнадцати, и видно было, что ему очень неловко и, конечно,

страшно. Мы с ним говорили о том, что он может сейчас дать бабушке самое ценное, то есть держать ее за руку и просто побыть рядом, поговорить с ней, ведь она была еще в сознании. И он не смог этого сделать. Я говорила: «Ну если вы сейчас этого не сделаете, тогда всю жизнь станете бояться. Утешьте ее, побудьте с ней, и я рядом с вами, только не уходите». Он не смог. И его мама тоже не смогла. Медсестры мне говорили, что они оба сидели далеко, у поста дежурной, когда бабушка умирала, оставаясь одна, без своих родных. Они суетливо заботились о бумажках, которые надо было выписать. Это редкий случай, когда человек так боится, что ничего не может дать своему близкому, даже когда тот стоит перед самой смертью.

В заключение я хочу сказать, что мы должны взять на себя ответственность за наше отношение к жизни, к болезни и к смерти. Если мы не выработали собственное отношение к смерти, мы из-за страхов никогда не будем в состоянии жить полной жизнью и никогда не сможем помочь другим.

Необходимо осмыслить факт того, что жизнь и смерть – одно целое. И когда найден их смысл, тогда можно мужественно смотреть в лицо всякому страданию, связанному с умиранием.

Но у человека есть выбор: он может идти по пути жертвы, то есть пассивности, и тем самым он попадет в экзистенциальный вакуум. Либо выбрать путь личного роста, где он берет на себя ответственность за свое отношение к жизни и к смерти и внутренне свободно подходит к своей кончине.

ПИСЬМА РОДИТЕЛЕЙ

Амина Садыкова

Татьяна Байдак

Денис Лимачев

Наталия Чеканова

Юлия Ковальская

Александра Кулакова

Дмитрий Акимов

АМИНА САДЫКОВА

Моей дочери Маржане только исполнилось 14, когда она умерла.

Я благодарна за то, что она была со мной, и воспоминания об этом будут всегда делать мою жизнь лучше. Она многому научила меня, и сейчас я делаю или думаю это одна или с кем-то – это приносит много радости, это позволяет этой радости продолжать жить. Конечно, кроме счастья есть и боль, но она оттеняет счастье, она будто делает его заметнее, проявляет его. Она изменила меня и сама стала другой рядом со мной, мы жили жизнь друг с другом, дарили любовь, помогали и много всего, как и у вас, наверное.

Когда я спросила ее перед смертью, чувствует ли она, как я люблю ее, она ответила, что никогда не сомневалась, что любима и дорога. Это успокаивает, поскольку, конечно, мы сами всегда найдем, за что критиковать себя, считая, что нужно было быть лучшим родителем. Но ребенок не создает стандартов, любит всем сердцем, не сомневаясь, умеет радоваться жизни и чувствовать счастье, и это наше спасение.

Мне повезло, и в моей жизни сразу после смерти Маржаны появился другой ребенок, которого я смогла полюбить всем сердцем

и жить дальше, радуясь этой близости и общению. Но моя девочка со мною всегда, когда я наедине с собой и еще много раз за день, поскольку вся моя жизнь была наполнена ею, и этого не изменить.

Время не лечит, потерянный ребенок останется самым желанным и недостижимым на всю жизнь, принятие этого может сделать дыхание свободнее, мне стало легче, когда я поняла это. Я переехала из Москвы, каждая улица и станция метро напоминали мне о ней, но я думаю вернуться и наполнить город, который она так любила, новыми воспоминаниями. Я не сражаюсь, а уступаю, но стараюсь идти дорогой любви – это помогает и дает силы жить. Она умерла, но остались вещи, которые она любила; цели, к которым она стремилась; радости, которые делали ее счастливее. Я стараюсь дать жизнь этим вещам, и она будто рядом со мной, мне так светлее.

ТАТЬЯНА БАЙДАК

В прошлую среду был день рождения Сережи, и мы с детьми ездили в аквапарк. Было весело. Никита помогал нам с Ваней, который расстраивался, что его не пускают на самую большую горку, Сережа рисковал и бесстрашно нырял в бассейн с ледяной водой. Я тоже, разумеется, не подвела – упала и больно ударилась о кафельный бортик.

Потом мы грелись в горячем бассейне, не хотели уходить: пять часов – очень мало. Ехали домой – ели бутерброды, пили вредный лимонад и слушали «Детское радио».

Потом Сережа болел зачем-то нехорошо (хорошо, что недолго), Ване купили самокат, Никита упал с велика, а я всех лечила, кормила, мыла и любила.

Потом любимая Валя подарила Ване новую белую кроватку со всякими подушками и пододеяльниками, Ваня же кидал игрушки и пять минут стоял в углу; Сережа начал нехотя читать; Никита попросил испечь «Зебру»; вечером дети ссорились на тему, кто сегодня будет спать со мной.

Еще ломался велосипед, и мы его мыли/чинили; делали дома фруктовый лед; кот начал лысеть, возили его в ветеринарку, кололи антибиотики и кормили пробиотиками. Кот был совсем не в восторге, да и мы без энтузиазма пичкали его таблетками. А потом целый день шел дождь, никто не гулял, все бездельничали и смотрели фильмы больше, чем нужно. Еще Ваня плохо ложился спать, Сережа в 11 вечера просил помидор, Никита в это же время хотел слушать радио. Я ругалась, читала детям скучные морали, после чего читала сказки. Потом все спали, а я сидела и думала: идти ли спать или наслаждаться великолепной тишиной... И у меня, известного перфекциониста, во всех комнатах сейчас валяются детали лего и в прихожей неровно стоят детские ботиночки. У меня дома жизнь со всей ее асимметрией. Я разрешаю детям есть – о ужас! – чипсы, не ругаю за сломанные игрушки и мажу разбитые коленки «Спасателем». И очень устаю, и совсем нет свободного времени, и написать все это я обещала Лиде еще неделю назад. И все это хорошо, потому что нет времени рефлексировать.

Зачем я рассказываю вам свою обыкновенную, в общем-то ничем не примечательную жизнь? Потому что этого *обыкновения* у меня не было три года. Два года Матфей умирал буквально на наших руках от злой опухоли в стволе, а потом он умер, и год траура тоже был лишен прекрасных и незатейливых обыкновений. Зато все будни и праздники тех трех лет были наполнены другими привычками, историями и эмоциями. Вот поставили диагноз – и нас придавило, мы не

верим, не понимаем, не можем. Вот боль, отчаяние, злость и ужас. Вот облечение, химия, паралич, кома, реанимация, чудо, ремиссия, надежда, альтернатива, вера, молитвы, обеты, помощь. Люди приходят, люди уходят, а тебе некуда уйти, и нельзя. Смотреть на Матфея тоже нельзя. И нормальная жизнь – как за стеклом. Там, за стеклом, жизнь, обыкновенная жизнь, недоступная. С воздушными шарами, сломанными великами и разбитыми коленками. Тут, в нашем небольшом кухонном концлагере, нет будней и нет праздников. Каждый день как последний. Вот Матфей перестал дышать, а вот пульс 190, вот температура 41,6⁰, вот упала до 40⁰ сатурация, выключили свет – и это страшно: как мы проживем без кислорода? Вот воспаление легких, рано рыдать: это еще ничего – впереди будет три таких. Вот я умею санировать, делать уколы и вставлять зонды, а вот уже научилась ставить катетеры. Вот список из 46 манипуляций в сутки по минутам, чтобы ничего не забыть. Вот – Господи, исцели его, а вот – Господи, забери его. Забери его, Господи, наконец. Вот – за что? Вот – почему? Вот – когда? А вот – и никаких уже нет ни «вот», ни сил, ни мыслей – ничего нет, только очень хочется спать.

Вот – «умер на наших руках», глупые вопросы оператора в скорой, полицейские в ботинках по моему чистому дому, допросы, морг, «а можно ли не вскрывать?»... Нет, нельзя не вскрывать. Чудесные похороны, шарики, улыбки, радость, что ему уже хотя бы не больно. Веришь ли ты в Бога, не веришь, но при любом раскладе смерть – выход. И смерть не так страшна, как страшна и ужасна была болезнь. И ты держишься, и тебе пишут/говорят, что ты силь-

ная, а ты, конечно, обыкновенная – в этом вся проблема. Была бы сильная, было бы легче. А так – ты обыкновенная, и тебе становится обыкновенно невыносимо жить. Сила не дается от рождения, она приходит после страшных испытаний. И если сила пришла – значит, это кому-нибудь нужно.

Я не буду писать, как мне было плохо все эти годы, как было плохо мужу и Никите. Вы читаете это – значит, знаете про это не меньше меня, и я не хочу добавлять вам своей боли. Я сострадаю вашему страшному горю, сострадаю, потому что мне пришлось научиться страдать.

Все, что я хочу сказать, сказано до меня: ВСЕ ПРОЙДЕТ. Эта боль не будет такой частой и такой сильной. Еще будет радость, будет аквапарк, самокат и лимонад. Все возможно, если вы захотите этого.

Есть ли что-то более страшное, чем похороны собственного ребенка? Нет. Можно ли быть счастливой после этого? Да. Можно быть счастливой после смерти своего ребенка. Ради этого самого лучшего и любимого в мире ребенка, ради тех, кто остался, ради тех, кто может стать вашими детьми.

Сережа и Ваня – наши приемные дети. Психолог говорит мне, что я живу детьми и счастлива их счастьем. Но разве важна причина для счастья, когда всего год назад мне было физически тяжело жить? Завтра будет новый день, будет разлитое молоко, сломанные игрушки, порванные шорты. Будут Ванины капризы, Сережины улыбки и ироничные замечания Никиты. Завтра снова будет эта прекрасная и обыкновенная жизнь.

«Значит, нету разлук. Существует громадная встреча...»

P.S. Недавно ночью снова душили слезы, и я сказала мужу, что все это неправда, и легче не становится, и все так же больно и плохо. И муж ответил, что это хорошо и правильно. Потому что это любовь. А любовь никогда не проходит, любовь никогда не перестаёт...

ДЕНИС ЛИМАЧЕВ

Меня зовут Денис, я папа Лимачевой Даши, ей было 14 лет, в июле 2013 года мы получили паспорт, а в октябре ее не стало. История моей семьи мало чем отличается от вашей. Даше было сделано три операции на головном мозге, две лучевые терапии в 2010 и 2013 годах, 16 блоков химиотерапии и 23 МРТ-обследования. Мы с вами одинаково честно, вместе с нашими ребятами, делали все возможное и невозможное, чтобы наши ребята победили, и они победили, победили страх и страшную физическую боль, им больше не страшно и не больно, они научили и заставили нас посмотреть на жизнь другими глазами.

Поклон вам! Дорогие мамы и папы, верю в вас, ни капли отчаяния, мы не имеем на это права во имя наших детей, им это никогда не нравилось, волонтерьте, сдавайте кровь и верьте в лучшее. Одно из своих произведений А.П. Чехов заканчивает фразой: «НАДО ЖИТЬ»! На тему веры и Бога мы с Дашей никогда не разговаривали, за два месяца до Дашиного ухода, когда она еще могла говорить, я спросил ее: «Скажи, Бог есть?» Она посмотрела на меня

«Значит, нету разлук. Существует громадная встреча...»

абсолютно счастливыми глазами и сказала, улыбаясь: «Конечно, он в каждом из нас!»»

НАТАЛИЯ ЧЕКАНОВА

У меня была дочка Диана. Она ушла 1 ноября 2013 года. У Дианы было неизлечимое генетическое заболевание. Когда ей было три года, нам сказали, что ребенка не станет в возрасте шести–десяти лет. Дочка прожила восемь с половиной лет. До трех лет все было хорошо. А потом диагноз... И быстрая регрессия. Не хочу подробно описывать весь ужас моего состояния. За пять лет из пухлощечкой малышки Дианка превратилась в восьмилетнего грудничка. Памперсы, кормление из шприца, лекарства.

Это случилось во сне, примерно в 5 утра, как сказали врачи из «скорой помощи». Мы с мужем увидели ее не дышащей в 7:30, откачивали... Но я уже знала, что это все. Потом ее увезли. Я не могла смотреть на пустую кровать. Сейчас, когда прошло время, не проходит ни одного дня, чтобы я о ней не вспоминала. Сначала очень долго было чувство вины, что я что-то сделала не так, не проснулась вовремя, не смогла помочь... Это чувство очень долго меня мучило, я винила себя в смерти ребенка. Спасибо врачам Дианы, психологам из фонда, сейчас это чувство ушло. После того как прошло 40 дней,

мы с мужем решили продать квартиру и купить другую. Я не могла находиться там, где была жива моя дочка. И где ее не стало. Все свое время и силы я стала тратить на поиски другой квартиры. Это помогло мне отвлечься хоть как-то. Мы переехали в другой район. У нас больше нет детей. И я мечтаю, что там, где мы сейчас живем, у нас все будет хорошо и обязательно родится здоровый малыш или малышка. Когда ребенок уходит, он становится ангелом-хранителем своих родителей. Никогда не забывайте об этом! Этот ребенок был послан нам для того, чтобы мы поняли – как важно и здорово, что ты жив! Пока человек жив и здоров, все можно изменить и осуществить! Если бы меня спросили, захотела бы я прожить это снова, я бы сказала «ДА». Я очень люблю свою дочь, и я благодарна судьбе, что у меня была Дианка. Нужно стереть слезы! И идти дальше! Нужно жить! Радоваться каждому дню! Помогать кому-то! Общаться, встречаться и улыбаться!!! Наши детки будут только радоваться за нас!!! Всегда с вами!

ЮЛИЯ КОВАЛЬСКАЯ

Марк. Мой самый любимый, дорогой, чудесный сын. Мы были вместе 21 год. Мы расстались почти год назад. Борьба с раком шла два года – операции, облучения. Прошое лето было последним, долгим и ужасным, полным безнадежности и бессилия. Я помню каждый день. Мне кажется, что мы похожи на людей, которые вернулись с тяжелой и далекой войны. Израненные, искалеченные, изможденные, потерявшие самое дорогое. А вокруг кипит жизнь. Люди заняты своими делами, праздниками, радостями, проблемами, заботами. Они слышали про ту войну, но она далеко. Как найти свое место в этом теперь уже изменившемся навсегда мире? Когда-то, 21 год назад, в день рождения сына моя жизнь изменилась совершенно. Все наполнилось настоящим содержанием и приобрело ту полноту, которую дает рождение ребенка. С его уходом не хочу, чтобы все превратилось в пепелище, иначе – для чего все это? Я бы хотела, чтобы он знал: мы всегда все вместе, мы по-прежнему очень любим его и крепко держим за руки друг друга. И мы постараемся жить. Нет пустоты в душе – там по-прежнему мой Марк, он занима-

«Значит, нету разлук. Существует громадная встреча...»

ет все свое место и никуда не уйдет. Знаю – нельзя утешить, нельзя помочь, нельзя вернуть... Поэтому могу просто понять и обнять. Крепко, молча, долго.

АЛЕКСАНДРА КУЛАКОВА

Долгое время лечения пронеслось, как один миг; несмотря на огромное количество трудностей, хочется вспоминать только хорошие и счастливые моменты, которых тоже было немало. Я, безусловно, скучаю по своему сыночку, очень хочу его обнять, поцеловать, услышать голосок, но пока это невозможно, пока он только в памяти, в мыслях, в делах. Он всегда со мной, и я не готова растрачивать все то, чему Егорка научил меня за свою очень короткую, но полную смысла жизнь. Он очень хотел сестричку, и она у нас появилась вскоре после его ухода, она подрастет и обязательно узнает, что у нее есть такой замечательный братик. Он очень хотел курочек на даче, и они обязательно у нас появятся в скором времени. И еще много-много разных дел, в которых отразится любовь, которым мы будем радоваться вместе. Мы обязательно встретимся, но не сейчас, не сейчас...

ДМИТРИЙ АКИМОВ

...Мягкими волнами плывут облака, путаясь в кронах сказочных деревьев, а у самых их корней – на волнах качается бумажный кораблик, в нем сидят герои твоего любимого мультфильма – Медвежонок, придерживающий узелок с чем-то важным, и Ежик, который пытается дотянуться палочкой до облачка... За кронами деревьев – очертания православного креста... Как бы хотелось, чтобы это была просто картина, но примерно так выглядит твой памятник... Его мы придумали вместе с другом нашей семьи – скульптором Серафимом, одним их художников пластилиновой заставки к мультфильму «Гора Самоцветов», который ты тоже так любил... Мы вспоминаем тебя, Большого Человека, прожившего совсем маленькую жизнь, но успевшую сделать столько важного, сдружить и познакомить столько людей, которым всем вместе удалось сделать больше, чем возможно каждому по отдельности...

...Лёнька появился в нашей семье, когда у нас уже было двое старших детей – дочка 10 лет и сын 14. Мы только-только стали привыкать к своему новому счастью, как перед самым Новым годом вы-

яснилось, что у нашего сынишки врожденное онкозаболевание. Нас в московском онкологическом центре предупредили, что готовы будут «предложить лечение, несовместимое с жизнью ребенка» и не ранее чем через месяц (неделя осталась до праздников, плюс две недели – новогодние каникулы, потом неделю сдавать анализы). Друзья и знакомые начали помогать собирать деньги, не прошло и двух недель, как мы оказались в Германии.

Как мы тогда поверили в немецких врачей! На контрасте с московским онкоцентром, где на каждом шагу были беспардонность, намеки на деньги, страх смерти, нам казалось, что мы попали в совершенно удивительное место. Оно было Про Жизнь. И даже то, что в мире было зарегистрировано только 25 детей с подобным диагнозом, нас не пугало, была уверенность – «прорвемся!» Началась наша жизнь на две страны, потекли долгие недели Лёнькиной химиотерапии, Света на целые месяцы оставалась с людьми, говорящими на непонятном языке, который мы в таком количестве слышали только в фильмах про войну, и которые, как умели, очень старались помочь нашему сыну.

Когда выходили из больницы, в нашем интернациональном общении рядом оказывались люди, такие же родители, которых привела сюда надежда со всех уголков Земли. Там мы узнали, что готовить еду по возможности лучше чуть в большем количестве, чтобы можно было поделиться с тем, кто только что вышел из клиники; что во время дежурств по общественной кухне ее нужно драить лучше, чем свою, и посуду не нужно пытаться мыть вручную (в посу-

домойке она вымоется при 90 градусах и будет почти стерильной); что в настоящий армянский шашлык совсем не обязательно класть специи, достаточно соли («Дим-джан, ты хочешь есть специи или мясо?!»); что женщинам обсуждать лифчики, которые продаются на углу («как можно об этом говорить, когда все мысли должны быть о болеющих детях?»), совсем не зазорно, а очень даже психотерапевтично; что если к кому-то из мам после полугодовой разлуки приезжает муж, то взять у них ребенка и увести на часок-другой погулять вместе со своим в парк, а потом за общим столом радоваться их счастливым глазам – это в порядке вещей; что одна мама всегда сможет все, что нужно, объяснить другой маме с противоположного конца планеты, и для этого не обязательно знать язык...

Пропуская подробности, скажу, что у нас сначала все шло довольно оптимистично, потом не очень, потом все-таки операция, через полгода – повторная... Долечивались мы уже в Москве...

...Кто-то мне сказал про нашу жизнь тех лет: «Как страшно! Лучше бы у вас Лёни вообще не было и вместе с ним не было всего этого кошмара!» Мы со Светой уверены, что эта отчаянная часть жизни, быть может, и была самой главной и была нам, возможно, дана для того, чтобы, прожив это, мы смогли поделиться чем-то самым важным с другими, кому сейчас труднее всего... И еще: мы были тогда очень счастливы! У нас были борьба и надежда. Борьба за Лёнькину жизнь, надежда на успех и еще ваша вера в нас, сердечная поддержка и любовь.

...В Москве Лёнька ну прямо ожил! Он примерил к себе нашу квартиру – «это теперь наш дом? И мы все тут живем?», носился по паркам, гонял голубей, целые часы проводил в ванной за игрой с резиновыми игрушками, хохотал, ЖИЛ!..

...Вместо возвращения на проверку в Берлин Лёньку привезли по «скорой» в Морозовскую детскую больницу, сняли с приступом прямо с авиарейса... На контрасте с немецкими клиниками все казалось особенно жестким. Взглянув на снимки, врач первым делом осведомилась, есть ли еще у нас дети... Пять мам и пять детей на 10 квадратных метрах, химия, которую сестры разводят прямо в палате для приготовления растворов, армейский порядок утреннего построения мам перед заботделением, грязь и, главное, – невозможность видеться... С другой стороны, больницу курировала доктор, которая сумела вселить в нас надежду даже в такой почти безнадежной ситуации. Она, увидев, что Лёньке после первых же инъекций гормонов стало настолько легче, что он помчался от мамы по коридору, сказала: «Ну что ж, ребенок сохраненный, будем лечить!»

Мы очень верили, что все получится. Доктора выбрали достаточно агрессивные пути лечения, мы говорили: «Лёнька, ты только держись!», а он: «Мам, я держусь, держусь!» По снимкам было однозначное улучшение, что не могло не окрылять нас! В перерывах между химией мы отправлялись домой, наш сын на улице жадно вдыхал свежий воздух, подносил к лицу охапку опавших листьев и жадно прислушивался к их запаху. В то время наша средняя дочь занималась конным спортом, и Лёник просто влюбился в лошадей.

Он каждый раз просил поднести его поближе к самой голове лошади и подолгу гладил шершавую морду, заглядывая в огромные лошадиные глаза... Бесстрашно садился на большого коня, которого вел в поводу инструктор и, казалось, в эти минуты был по-настоящему счастлив.

Такие минуты и часы счастья учился ловить на лету каждый в нашей семье – вот мы, отпросившись «на полчаса» на прогулку из больницы успели сходить на полпредставления в цирк, да еще на обратном пути попить «купучинки»; вот Лёнька наблюдает, как гарцует на коне его сестра; вот он уже и сам скачет «на лошадке» – на палочке по больничному коридору и размахивает деревянной сабелькой, и новенькая медсестра спрашивает: «Это тот самый мальчик, который за свои три года жизни вынес больше тридцати блоков химии?»

Если бы я не жил с тобой рядом, никогда бы не подумал, что ребенок трех с половиной лет может обладать таким удивительным чувством юмора, так тонко чувствовать и так любить жизнь!

...Со временем улучшения на снимках исчезли, во время ожидания результатов МРТ мы со Светой узнали, что выражение «от волнения отнялись ноги» может иметь буквальный смысл. Стали вместе думать, что дальше. Врачи предложили очень сложную схему облучения, которую мог осуществить профессор в клинике города Лейпцига. Невероятная Татьяна Краснова помогла собрать деньги через проект «Конвертик для Бога». И вот снова Германия. По дороге заехали к нашим лечащим врачам в Берлин. Показали снимки. Доктор очень грустно посмотрел, спросил: «Ну что, он, наверное,

уже сам ничего не может? Лежит?» – «Да нет, вот же он, по коридору на велосипеде едет! Лёнь, подъезжай сюда! Узнаёшь?!» Доктор не поверил своим глазам. И вдруг: «Вы понимаете, что чем дальше вы его лечите и тянете время, тем труднее вам будет с ним расстаться?» Мы не нашли, что ответить...

...Когда мы через полгода вернулись в Москву, опять так защемило от дефицита человеческого в общении с пациентами, так хотелось, чтобы и в нашей Морозовской больнице у детей был яркий радостный мир, было чисто и аккуратно. Пока мы были в Германии, в Москве начал работу фонд «Подари жизнь», мы обратились к его директору Гале Чаликовой, с которой были заочно знакомы, с идеей создать в Морозовке отделение фонда, на что Галя сказала, что «фонд пока небольшой, рук не хватает, вот мы уже немного знаем друг друга, и, если есть время и силы, – бери и делай! Будешь нашим координатором-волонтером, мы поможем». Так началась наша работа по созданию базы фонда в больнице. Многие из наших первых «волонтеров первой волны» с нами до сих пор.

А вокруг бушевала весна, яркий цвет вишен и яблонь сводил с ума, мы подносили сынишке цветущие ветки к самому лицу, и он замирал от радости...

...Оборвалось все, когда к нам в палату онкоотделения на соседнюю кровать положили мальчика с вятряной оспой... Есть, оказывается, такие заболевания, которыми детям с нейроонкологией болеть нельзя. Вирус оспы у таких детей быстро проникает вглубь и может погубить совсем... Через несколько дней Лёнька впал в кому... Учи-

тывая наш диагноз, в реанимацию нас уже не брали, реаниматологи к нам не ходили... Свету положили с ним в одиночный бокс, меня, спасибо, не выгоняли, и все реанимационные процедуры мы делали уже сами. Казалось, ниточка жизни совсем истончилась. Но Света делала все, чтобы Лёнька жил: «Сынок, ведь я акушерка, моя профессия – про жизнь, я не могу по-другому, ну разве я могу отпустить тебя?!»

...Как-то в реанимации заступила на дежурство новый доктор, зашла, познакомилась и сказала, что все же готова взять Лёню в реанимацию и сделает, что возможно. Вроде на следующий день, со слов дежурной, ему стало лучше, создалось ощущение, что и на этот раз наш феникс выберется, мы уже стали строить планы на будущее, но вдруг узнали, что... Лёни не стало.

...Что было дальше, я помню с трудом... Возможно ли описать, как нам было трудно? Каково это – вырвать кусок своей души? Было трудно дышать, но, главное, казалось, что в этом нет никакого смысла... Незачем...

Приходили люди, объясняли, как нам надо теперь жить, что пора избавиться от Лёниных вещей, о том, что нужно посвятить себя старшим детям. Больше всего давали советов те, кто, к счастью, не пережил подобного горя.

Если эти строки читает кто-то из родителей, потерявших ребенка, могу лишь сказать, что здесь нет правил, никто по-настоящему не знает, как надо. Психологи говорят, что «горе должно сделать свою работу»... Оказалось, что со временем боль не становится

меньше, но можно научиться с ней жить. У вас теперь есть уникальный опыт жизни рядом с маленьким, но мужественным человеком, который учил вас любить и ценить жизнь. И было бы чудовищно несправедливо забыть об этих удивительных годах, когда вы были вместе. Помните? Ваш ребенок не любил, когда вы плачете. Поэтому ради этой памяти, ради всего, что вы пережили, нужно жить дальше и учиться быть счастливыми, радоваться простым вещам – радуге, закату, цветку, детскому смеху, птице, тому, что у вас еще есть немного времени, чтобы изменить себя и окружающий вас мир к лучшему, дарить свою любовь близким.

Говорят, что ушедшие от нас по-настоящему умирают только тогда, когда умирает память о них. Вот и Лёнькина история не закончилась с его уходом.

То, что продолжается после, – для нас не менее значимо, чем то, что мы видели и проживали рядом с ним в течение его жизни.

История про ребенка, который заразился в онкоотделении ветрянкой, получила некоторый резонанс, и вскоре мы узнали, что в больницу с проверкой должно приехать городское начальство. В этот месяц только-только на свой пост заступил новый мэр нашего города Сергей Семенович Собянин. Мы подумали: «Сейчас или никогда!» И попросили своих друзей, известных актеров, подписать наше письмо, в котором мы просим изменить к лучшему жизнь пациентов Морозовской больницы. Случилось чудо, к нам действительно приехали новая вице-мэр и глава Департамента здравоохранения.

нения. Ответчиком по письму назначили меня. Я несколько часов объяснял как родитель, как устроены подобные отделения за рубежом и что следует немедленно изменить в нашей больнице. Слушали меня вяло, но когда выяснили, что нас связывает с Морозовкой личная история и именно наш ребенок погиб здесь от ветрянки, случилось еще одно чудо: глава Департамента здравоохранения вдруг растрогался и пообещал, что сделает все, чтобы перестроить больницу, сделать ее одной из лучших в городе, сделать все, чтобы дети на химиотерапии лежали отдельно и им оказывался необходимый уход. Вице-мэр подтвердила обещание построить уникальную больницу.

Сегодня в нашей больнице создан попечительский совет, он отстаивает строительство на территории клиники новейшего современного корпуса, в котором московским детям будет оказана вся необходимая помощь на самом высочайшем уровне. Уникальность корпуса в том, что он изначально строится как детский, его веселое пространство спланировано по швейцарскому проекту, и, надеюсь, в его стенах маленьким пациентам будет не страшно и не грустно.

Сегодня строительство в самом разгаре – уже достраивается последний этаж здания. С тех пор мы с друзьями создали свой благотворительный фонд помощи детям с тяжелыми заболеваниями и их семьям «КОРАБЛИК», мы стараемся помочь тем, чьи дети попали в больницу по «скорой» и которым предстоит платное серьезное дорогостоящее лечение, которое нет возможности оплатить самим.

Конечно, историй, подобных Лёнькиной, тысячи, из них состоит жизнь многих семей, кто-то и сегодня не спит ночами, молясь за жизнь и здоровье своего ребенка...

Я вспоминаю все это из благодарности к людям, которые нам помогали и были рядом в самые страшные и в самые счастливые дни нашей жизни; из уважения к мужеству детей, которые встретились нам в больничных палатах, – они только с виду казались маленькими, их души и сердца были больше, чем у многих взрослых...

Мы не знаем по-настоящему, как устроен этот мир, но искренне верим, что нашим детям сейчас хорошо, что они попали в высшую и лучшую часть мироздания, быть может, стали ангелами и у них много новых важных дел. Эту уверенность в нас поддерживает множество повседневных больших и маленьких чудес, совпадений, снов и непередаваемых ощущений того, что наш сынок – всадник с деревянным мечом, любитель «купучино» с глубоким недетским взглядом – где-то рядом. Об этом говорит твоя Любовь, которая оказалась больше и длиннее жизни.

У нас есть возможность не только хранить память о ребенке, но и вести жизнь деятельную, ободрять других, показывать своим примером, что мы достойны его короткой, но мужественной жизни. Так что все было не зря, наша боль, наша жизнь вместе.

Пути и замыслы Господа неведомы и неисповедимы, и, быть может, нам всем еще когда-то удастся встретиться! Обнимаем вас, Дима и Света Акимовы.

P.S. Да, чуть не забыл. Листая старые записи, наткнулся на слова, которые пришли ко мне после ухода Лёньки. Стихами их, наверное, не назовешь, это такие простые и «очень родительские» строчки:

Победный вихрь, звон подков!
И страх больничных коридоров
Взрезает меч, а всадник скоро
Уж к новым подвигам готов...

«Ну до чего малыш силен!» –
Медсестры смотрят удивленно.
Он – улыбается смущенно,
Давно в одну из вас влюблен.

...Откуда, льется этот Свет?!
Как будто Ангел прикоснулся!
Сынок глазами улыбнулся
И... всадника простыл и след!

Поднялся выше облаков
Наш мальчик с сабелькою детской,
Врачей и русских, и немецких
Очаровал – и был таков.

Лети! Корабликом плыви!
Вдруг через девять дней листочком,
А через сорок – только точкой,
Родною звездочкой вдали?

Но нам-то дальше как дышать?
Нас давит немотой квартира!
К чему все зоопарки мира,
Раз ты не сможешь в них бывать?!

В пустую тыкаться постель?
Расплескивать по Интернету
Свою беду, ища ответа,
Как не сорваться бы с петель?

Что означают эти сны?
В каком за облаками месте
Мы встретимся? И будем вместе?
Коснемся лепестков весны?

И вдруг почувствую ответ:
«Ты только, папа, успокойся!
И, мама, за меня не бойся!
Здесь есть Любовь. А боли нет!

Я буду рядом, день за днем
Вопросы будут исчезать. Ответы
Наполнятся сияньем Света,
И мы друг друга вновь найдем!

Спешите жить! Учитесь ждать!
Как с фронта ждут вас наши дети –
Ведь вы за них еще в ответе,
А я к вам буду залетать.

Не забывайте только тех,
Кого зовете по привычке
Детьми, кто борется в больничке
За Жизнь – им тоже нужен смех!

Пусть их глаза зажгутся вновь,
И Воинам Света нужно детство!
Простите суету и бегство
Врачам – дарите им любовь!»...

...Хотя здесь каждый одинок,
Мы все же чувствуем – ты с нами!
Нам каждый день сдавать экзамен
Тебе, отважный наш сынок!

Ищу твой профиль в облаках,
Твои слова втираю в нёбо,
Татуирую память, чтобы
Нести друг друга на руках...

ДОМ С МАЯКОМ

Мы назвали детский хоспис «Дом с маяком», потому что, когда в семье неизлечимо болен ребенок, это похоже на шторм: земля уходит из-под ног и вокруг темнота. Маяк подает сигнал – на свете есть место, где помогут справиться с болью, там дружат и играют с детьми, радуются каждому дню.

Детский хоспис «Дом с маяком» – это частное медицинское благотворительное учреждение. Хоспис не финансируется государством и живет на благотворительные пожертвования. Хоспис нужен для детей, чьи болезни признаны неизлечимыми. Детский хоспис заботится о качестве жизни больного ребенка и всей его семьи.

Стационар Детского хосписа строится. С сентября 2013 года начала работать выездная служба и программа благотворительной помощи. Сегодня под опекой Детского хосписа уже более 400 детей. В нашей команде есть врачи, медсестры, няни, физические и игровые терапевты, социальные работники, психологи, юристы, волонтеры, координаторы и др.

Мы не занимаемся лечением основного заболевания или реабилитацией, но лечим симптомы и создаем условия, чтобы ребенок и вся семья могли жить максимально полной, активной, нормальной жизнью.

Детский хоспис – это не только медицинский уход. Это игры и веселые праздники, загородные лагеря, это забота о братьях и сестрах, мамах и папах, бабушках и дедушках. Хоспис исполняет мечты детей, дает передышку родителям, поддерживает семью даже после потери ребенка.

Хоспис – это комплексная медицинская, социальная, психологическая и духовная помощь для всей семьи.

Детский хоспис «Дом с маяком» создан при поддержке Фонда помощи хосписам «Вера» и Фонда «Подари жизнь».

Наш сайт: **www.childrenshospice.ru**

**«ЗНАЧИТ, НЕТУ РАЗЛУК.
СУЩЕСТВУЕТ ГРОМАДНАЯ ВСТРЕЧА...»**

Книга в поддержку родителям, потерявшим детей

Составитель Лида Мониава

Дизайн-макет, верстка Татьяна Бушмелева

Дизайн обложки Екатерины Коврижных

Корректор Любовь Ким

Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера»

119048, Москва, Кооперативная ул., д. 10, кв. 12

Тел.: 8 (965) 372-57-72

hospicefund.ru

e-mail: fund@hospicefund.ru

Благотворительное медицинское частное учреждение «Детский хоспис»

Тел.: 8 (495) 649-39-49

childrenshospice.ru

e-mail: info@childrenshospice.ru